

**СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА
И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ
И ИННОВАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

ISBN 978-5-907233-03-4



9 785907 233034

ДЕМОГРАФИЯ • СОЦИОЛОГИЯ • ЭКОНОМИКА

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА
И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

5
ТОМ
№5

ДЕМОГРАФИЯ • СОЦИОЛОГИЯ • ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ



**СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА
И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ
И ИННОВАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

5
ТОМ
№5

СЕРИЯ
ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПО УКРУПНЕННОЙ ГРУППЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
И НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ
«СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 5

**СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА
И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ
И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Москва 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND THE HIGHER EDUCATION
RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCHES

FEDERAL EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL ASSOCIATION
ON THE INTEGRATED GROUP OF SPECIALTIES AND THE DIRECTIONS
OF PREPARATION "SOCIOLOGY AND SOCIAL WORK"

NATIONAL RESEARCH
NIZHNY NOVGOROD STATE UNIVERSITY
NAME N.I. LOBACHEVSKY

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(UNIVERSITY)
DEPARTMENT OF POPULATION AND MIGRATION POLICY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMY

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, No 5

**SOCIAL ENVIRONMENT
AND SOCIAL POLICY:
NEW APPROACHES
AND INNOVATIVE TECHNOLOGIES**

MOSCOW 2019

УДК316.346.32-053.6
ББК 66.75
С69

С69 Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 5 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н., Ростовской Т.К., д.и.н., Саралиевой З.Х. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 255 с.
ISBN 978-5-907233-03-4

Материалы Международной научно-практической конференции «Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью» (г. Нижний Новгород, 28–29 марта 2019 г.)

Social environment and social policy: new approaches and innovative technologies. Series "Demography. Sociology. Economy" Vol. 5, No. 5 / Edited by Corresponding-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, Doctor of sociology Tamara K. Rostovskaya, Doctor of historical Sciences, Zara K. Saraliev. – M.: Ekon-Inform, 2019. – 255 p.

The release devoted to the International scientific and practical conference "Dynamics of social-environment as a factor in the development of the need for new professionals in the field of social-work and organization of work with youth" (Nizhny Novgorod, March 28-29 2019)

ISBN 978-5-907233-03-4

© ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2019

© ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2019

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 5

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, NO. 5

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

**ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ВРИО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ, МОСКВА, РОССИЯ**

Sergey V. RYAZANTSEV,

**Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics),
Professor, Director of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations
MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)**

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Редактор (Editor):

РОСТОВСКАЯ ТАМАРА КЕРИМОВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociology) Professor, Deputy Director of the Institute Socio-Political Researches of the RAS, Head of the Branch of Socio-Pedagogic and Organization of Work with Young People of the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО МАГИСТЕРСКИМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОГРАММАМ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. BAIKOV, PhD (Politics), Associate Professor, Vice-Rector for Master's and International Programs of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBANY, PhD (Economics), Deputy of Director of the ISPR of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ГНЕВАШЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Vera A. GNEVASHEVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Alla E. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Head of Demography Department of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ЛУКЬЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Head of the Branch of the Migration and Migration Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir M. MOROZOV, PhD (History), Associate Professor, Vice-Rector for Human Recourses of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PISMENNAYA, Dr. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher of the Branch of the Sociology Family and Social Policy of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯСОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИСПИ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ДОЦЕНТ УНИВЕРСИТЕТА КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Researcher of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnam Academy of Social Sciences, Director of the Institute Sociology of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДАВЭ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ШКОЛА АФРИКАНСКИХ И АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Politology), Professor, Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

Seongjin KIM, Dr. (Politology), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)

Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКЛА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)

Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Anthropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)

António Eduardo MENDOSA, PhD, Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА НИКОЛАЕВНА ИРИНА, ДОКТОР НАУК, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Irina N. MOLODIKOVA, PhD (Geography), Central European University (Budapest, Hungary)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)

Cynthia A. PIZARRO, PhD (Sociology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК, БЕЛАРУСЬ)

Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University (Minsk, Belarus)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)

Norio HORIE, PhD (Economics), Director of the Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

БЕЗВЕРБНАЯ НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СО-
ТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Natalya A. BEZVERBNAYA, Junior Researcher of the Centre of Social Demography
of the Institute of Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Динамизм – имманентное свойство социальной среды, придающее ей способность оставаться вечным стимулом развития личности, группы и общества. Еще со времен Огюста Конта динамические факторы и характеристики среды были поставлены в центр социологического анализа как суть и основа социального прогресса. От первых эволюционных теорий, концепций модернизации постиндустриального общества и глобализации идея развития проходит красной нитью не только через социологическое теоретическое наследие, но и гуманитарное знание в целом.

Очевидно, что развитие предъявляет к личности серьезные требования, соответствовать которым может не каждый. Это несоответствие может проявляться в различные периоды жизни, приобретать самые необычные формы и ограничивать всевозможные сферы социального функционирования человека. Его био-психо-социальная природа не только обеспечивает возможность всесторонней личностной реализации, но и создает целый комплекс потенциальных рисков, как в случае с любой сложноорганизованной системой, требующей к себе аккуратного и ответственного отношения.

Одним из наиболее очевидных и действенных средств преодоления этих несоответствий и рисков является постоянное совершенствование системы высшего образования. Речь идет об актуализации его содержания с учетом результатов последних научных исследований, адаптации практик международного опыта, обновлении методик и техник преподавания при помощи активного использования цифровых и мультимедийных технологий.

К подготовке специалистов по социальной работе и работе с молодежью данный тезис имеет наиболее тесное отношение. Ведь именно на плечи этих профессионалов лягут обязанности по выравниванию вышеописанных несоответствий, снижению социально-экономических, психологических образовательных и иных рисков, способных нарушить последовательность процесса социализации и поставить под угрозу социальное функционирование личности.

Особая роль в процессе подготовки профессиональных социальных работников и специалистов по работе с молодежью принадлежит научно-практическим конференциям разного уровня – отвузовских и региональных до международных. За все время их организации и проведения они показали себя эффективным инструментом обмена научными знаниями и образовательными технологиями, средством налаживания контактов с коллегами не только из российских регионов, но и всего мира.

Представленный сборник трудов посвящен особенностям динамики социальной среды, обуславливающим потребность в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. На конференции, проведенной в Национальном исследовательском Нижегородском

государственном университете имени Н.И. Лобачевского 28-29 марта 2019 г., обсуждались следующие проблемы:

- динамика социальной среды инвалидов, социальная политика как фактор гармонизации социальной среды;
- межинституциональное взаимодействие в социальной работе; молодежь в институциональном пространстве семьи, образования и труда;
- пенсионные системы и пенсионная реформа в России; здоровьесберегающие практики и технологии; спорт и образовательные институты;
- социальное самочувствие в возрастном и гендерном аспектах; новые образовательные стандарты по социальной работе и работе с молодежью;
- интернационализация образования в сфере социальной работы и молодежной политики; новые профессионалы и новые практики молодежной политики;
- миграционные процессы и межэтнические отношения как факторы динамики социальной среды.

В работе конференции приняли участие представители 12 стран, 25 городов Российской Федерации, 49 вузов, 15 исследовательских центров, учреждений социальной сферы и НКО, что обеспечило возможность комплексного анализа исследуемой проблематике в контексте российского и международного опыта.

*С.В. Рязанцев,
Т.К. Ростовская,
З.Х. Саралиева*

Раздел I

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Section I

DEVELOPMENT OF THE SOCIAL ENVIRONMENT AND FORMATION OF HUMAN POTENTIAL

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО КОНСУЛЬТАЦИОННОГО ПУНКТА ДЛЯ ГРУПП САМОПОМОЩИ

Бекер Габриэле, дипломированный педагог, руководитель контактно-консультационного пункта для групп самопомощи Wiese e.V. (Эссен, Германия). E-mail: becker@wiesenetz.de

Аннотация. Рассматривается феномен самопомощи, распространенность групп самопомощи как технологии социальной работы в Германии, приводятся основные принципы организации и проведения групп самопомощи, а также современные вызовы, с которыми они сталкиваются.

Ключевые слова: самопомощь, группы самопомощи, социальная работа в Германии, международный опыт социальной работы.

OPPORTUNITIES AND PERSPECTIVES OF SOCIAL WORK ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN COUNSELLING CENTRE FOR SELF-HELP GROUPS

Becker Gabrielle, Certified Teacher, Head of Wiese e.V., Counselling Centre for Self-help groups (Essen, Germany). E-mail: becker@wiesenetz.de

Abstract. The phenomenon of self-help, the prevalence of self-help groups as a technology of social work in Germany, the basic principles of organization and conduct of self-help groups, as well as the current challenges they face are discussed.

Key words: self-help, self-help groups, social work in Germany, international experience of social work.

Im Folgenden werde ich Ihnen einen Einblick in meine Arbeit als auch in die Selbsthilfestruktur in Deutschland geben. Ich beginne mit der Definition, was wir in Deutschland unter einer Selbsthilfegruppe (SHG) verstehen, wobei wir die Begriffe SHG und Selbsthilfe oft synonym verwenden:

In SHG treffen sich Gleichbetroffene, die ich bei der Bewältigung ihrer sozialen, körperlichen und/ oder psychischen Lage austauschen und unterstützen. Diese Gruppen werden nicht von Professionellen – wie Sozialarbeitern oder Ärzten -geleitet.

Ende des 19. Jahrhunderts entstehen erste SHG in Deutschland im Suchtbereich. Von einer breiteren Bewegung kann man allerdings erst in der Mitte des 20. Jahrhunderts sprechen. In den 50er und 60er Jahren des letzten Jahrhunderts gründen sich SHG und Selbsthilfeverbände als Reaktion auf erlebte Defizite in der gesundheitlichen Versorgung.

In den folgenden 60er und 70er Jahren entstehen SHG vor dem Hintergrund wachsender Kritik an der Dominanz der Anbieter im professionellen Gesundheitssystem, die Laien in diesem Bereich nicht akzeptieren.

In den 80er und 90er Jahren werden die positiven Effekte der Selbsthilfe erkannt. Eine besondere Rolle spielen hierbei Empfehlungen der Weltgesundheitsorganisation (1986 Ottawa-Charta zur Gesundheitsförderung), die Teilnahme und Mitbestimmung für Gesundheitsbelange in den Fokus setzt. In Deutschland werden staatlich geförderte Modellprogramme zur Selbsthilfeförderung entwickelt und umgesetzt.

Der damalige Gesundheitsminister Seehofer bezeichnet Mitte der 90er Jahre die Selbsthilfe als vierte Säule im Gesundheitswesen neben stationärer und ambulanter Versorgung sowie dem öffentlichen Gesundheitsdienst.

Mittlerweile gibt es in der Stadt Essen (580.000 Einwohner) über 340 SHG zu Themen wie beispielsweise Krebs, neurologischen Erkrankungen, psychischen und Suchterkrankungen. Die meisten SHG arbeiten zu gesundheitlichen Themen wie chronischen oder degenerativen Erkrankungen und Behinderungen. Ein kleinerer Teil der SHG kümmert sich um psychosoziale oder aber soziale Themen. Deutschlandweit existieren ungefähr 100.000 SHG in denen sich 3 Millionen Menschen (82 Millionen Bundesbürger) engagieren.

Viele SHG oder Selbsthilfeverbände erhalten freiwillige Leistungen von Bund, Land oder Stadt (bzw. Kreis).

Seit 1992 gibt es eine gesetzliche Grundlage für die Selbsthilfeförderung durch die gesetzlichen Krankenkassen, seit dem 1.1.2008 sind die gesetzlichen Krankenkassen nach § 20h SGB V zur Förderung der gesundheitsbezogenen Selbsthilfe verpflichtet.

Eine Förderung von Selbsthilfegruppen, -organisationen und -kontaktstellen erfolgt dann, wenn sie sich die Prävention oder Rehabilitation von Versicherten bei bestimmten Erkrankungen zum Ziel gesetzt haben.

Für die Förderung der gesundheitsbezogenen Selbsthilfe stellten die Krankenkassen und ihre Verbände im Jahr 2018 insgesamt 1,10 Euro pro Versicherte zur Verfügung. Bei rund 71 Millionen gesetzlich Versicherten entspricht dies einem Fördervolumen von rund 79,5 Millionen Euro.

Die Unterstützung der Selbsthilfe erfolgt in Deutschland auf der örtlichen, der Länder- und der Bundesebene. Grob skizziert lassen sich zwei Arten von Unterstützung auf allen drei Ebenen erkennen:

Einerseits die inhaltliche Unterstützung meist durch Selbsthilfeverbände in den einzelnen Ländern und im Bund (die Hälfte der SHG ist auf Länder- und Bundesebene organisiert), die Wissen und Erfahrungen zu den einzelnen Erkrankungen und Therapien aufbereiten zur Information ihrer Mitglieder und andererseits die Bereitstellung einer selbsthilfefreundlichen Infrastruktur.

Zum letzten Punkt würden die Selbsthilfekontaktstellen (SHK) gehören, die auf der örtlichen Ebene agieren, WIESE e.V. in Essen ist eine davon.

In den 80er und 90er Jahren des letzten Jahrhunderts entstehen die ersten SHK in Deutschland. Sie sollen vor Ort die Arbeit der SHG unterstützen, über Selbsthilfe informieren und in die SHG vermitteln.

Mittlerweile gibt 300 SHK in Deutschland. Sie sind in unterschiedlichen Trägerschaften (54 % freie Träger wie Wohlfahrtsverbände und Vereine, 31 % öffentliche Träger wie Gesundheits- oder Sozialämter, 10 % private Träger und 5 % die Krankenkasse AOK) organisiert.

Die Essener SHK WIESE e.V. arbeitet als selbstorganisiertes Projekt mit zurzeit vier Teilzeitkräften. Träger ist der Verein.

WIESE e.V. hält Angebote für drei Bevölkerungsgruppen vor:

1. **Für Betroffene und Angehörige**
2. Beratung und Information bei der Suche nach Selbsthilfegruppen, aber auch Vermittlung zu beratenden Einrichtungen in Essen, Unterstützung bei der Gründung neuer Selbsthilfegruppen.
3. **Für Selbsthilfegruppen**
4. Beratung bei Gruppenentwicklung, Öffentlichkeitsarbeit, Organisationsproblemen, Vernetzung mit anderen Selbsthilfegruppen und professionellen Einrichtungen, Fortbildung zur Verbesserung der Gruppenarbeit, zur Entwicklung von Strategien bei Bewältigung von Krankheit und Stärkung eigener Ressourcen.
5. **Für Einrichtungen und Fachkräfte:**
6. Workshops, Unterrichtseinheiten und Info-Module über die Arbeit und Struktur von Selbsthilfegruppen für Apotheken, Krankenkassen, Schulen und Betriebe, Auszubildende im Gesundheits- und Sozialwesen, bei Gesundheitstagen und ähnlichen Veranstaltungen

WIESE e.V. unterstützt die Prinzipien der Selbsthilfe:

- **-Freiwilligkeit** – Nur der eigene Wille zur Mitarbeit in einer Selbsthilfegruppe ist entscheidend.
- **Anonymität** – Persönliche Daten werden nur mit ausdrücklichem Einverständnis der Betroffenen an Dritte weitergegeben.
- **Autonomie** – Eigenverantwortung und Selbstbestimmung der Selbsthilfegruppe dürfen nicht in Frage gestellt werden.

Die Arbeit der in der WIESE e.V. erfordert von den Mitarbeiterinnen Kenntnisse und Erfahrungen beispielsweise in Beratung, Moderation, Netzwerkarbeit, Datenverwaltung, Planung und Organisation von Veranstaltungen, Öffentlichkeitsarbeit / Social Media, Projektarbeit sowie Akquise und Verwaltung von Finanzmitteln.

Aktuelle Herausforderungen sind folgende Themenkomplexe:

- Junge Menschen in der Selbsthilfe
- Migranten in der Selbsthilfe
- Neue Formen der Selbsthilfe
- Menschen mit psychischen Erkrankungen

Meine Damen und Herren, vielen Dank für Ihre Aufmerksamkeit!

МОЛОДЕЖЬ С СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИНДИКАТОРЫ

Габальдон-Эстебан Даниэль, доцент кафедры социологии и социальной антропологии, Университет Валенсии (Валенсия, Испания).
E-mail: Daniel.Gabaldon@uv.es

Аннотация. Цель этого выступления – дать обзор с социологической точки зрения современных тенденций в отношении молодёжи. Для этого в последних отчетах и индикаторах мы опираемся на три основные темы: (1) тенденции и прогнозы по молодёжной демографической ситуации в ЕС; (2) условия жизни студентов в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с особым акцентом на показатели в области образования; и (3) показатели по проблеме «Молодёжь и рынок труда».

Ключевые слова: социология молодёжи, Европейский союз, страны экономического сотрудничества и развития, европейская молодёжь, социальные проблемы молодёжи в Европе.

A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON YOUTH: INTERNATIONAL TRENDS AND INDICATORS

Daniel Gabaldyn-Estevan, Associate Professor, Department of Sociology and Social Anthropology, University of Valencia (Valencia, Spain). E-mail: Daniel.Gabaldon@uv.es

Abstract. The purpose of this talk is to give an overview on the current trends on youth from a sociological perspective. For this, this paper relies in recent reports and indicators on three main topics: (1) trends and projections on youth EU-demographics; (2) student's conditions across OECD, with a special focus on education indicators; and (3) indicators on youth and the labour market.

Key words: youth sociology, European Union, countries of economic cooperation and development, European youth, social problems of youth in Europe.

Trends and projections on youth EU-demographics

According to the Demographic Transition Model stage four is characterised by both low birth and death rates. This, together with the increase in life expectancy, contributes to the cylindrical-shape of the population pyramid. Of course this process is affected both by the natural growth of the population as well as by migration, especially when migrants tend to be people in the reproductive age.

The cylindrical shape at the bottom is produced by a decrease in the relative number of children. If this reduction is kept for a long period, it becomes also visible in the evolution of the number of youth. Figure 1 shows how this reduction has been affecting (up to the green line) the relative number of youth (15–29 years old) and children (0–14 years old) since the 1990's in the EU-28, and how it might look like afterwards (projection after the green line).

Children and young people in the population, EU-28, 1 January 1990-2080
(% share of total population)

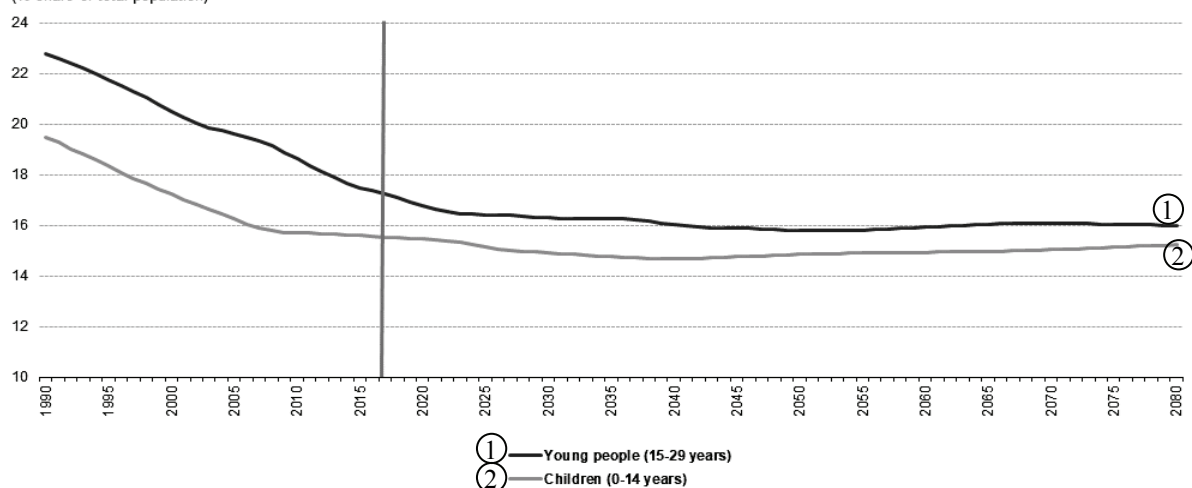


Figure 1. Children and young people in the population, EU-28, 1 January 1990–2018 (Eurostat, 2018:11)

Figure 2 shows the improvement of life expectancy for the period 2002–2015 in the EU-28 both for women and men. It is higher for women even when men have experience a faster growth during the period shown.

Life expectancy at birth, EU-28, 2002-2015
(years)

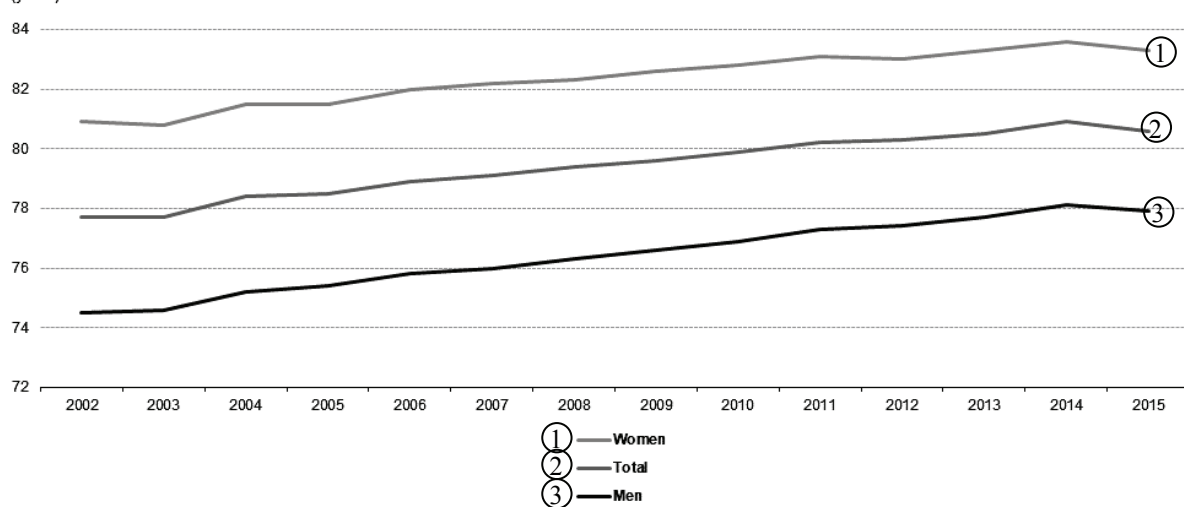


Figure 2. Life expectancy, EU-28, 2002–2015 (Eurostat, 2018:13)

Altogether, the effect on the increasing median age of European population is shown in figure 3. The mean increase from 35.2 years old in 1990 to 42.6 in 2016. The projections indicate that this increase will further continue for about two and a half more decades' till stabilising at around 46.8 in 2045.

Median age of the population, EU-28, 1990-2080
(years)

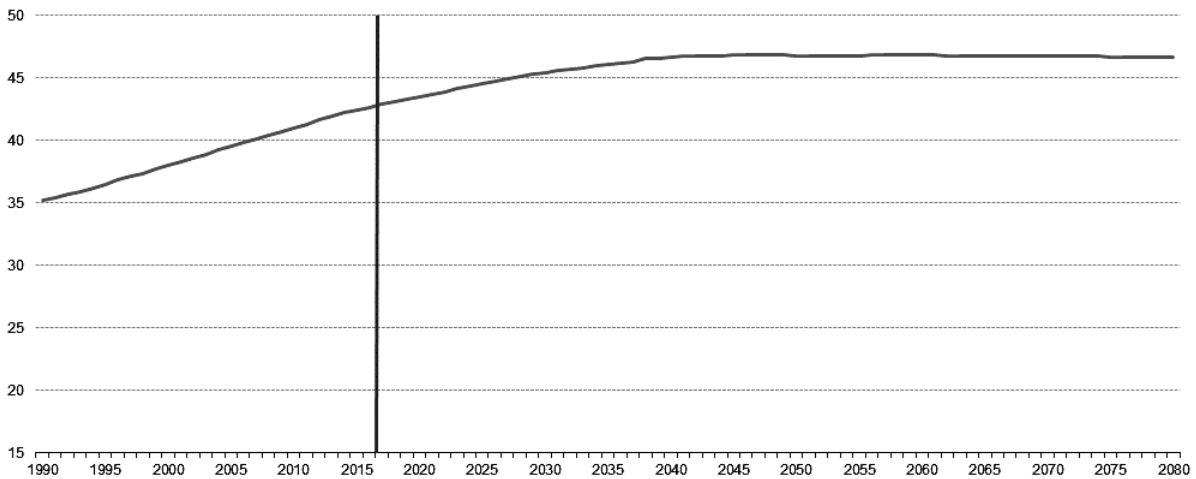


Figure 3. Median age of the population, EU-28, 1990–2080 (Eurostat, 2018:12)

Figure 4 shows the mean age of women at birth of first child for three years, 1995, 2005 and 2015, and confirms that the main tendency found across the EU-28 is the delay of motherhood. In fact, as stated by Eurostat (2018) while in Bulgaria and Romania over 60% of babies are born of mothers less than 30 years old, they represented less than 40% in the case of Spain, Ireland, Italy, Luxemburg and Greece.

Mean age of women at birth of first child, 1995, 2005 and 2015
(years)

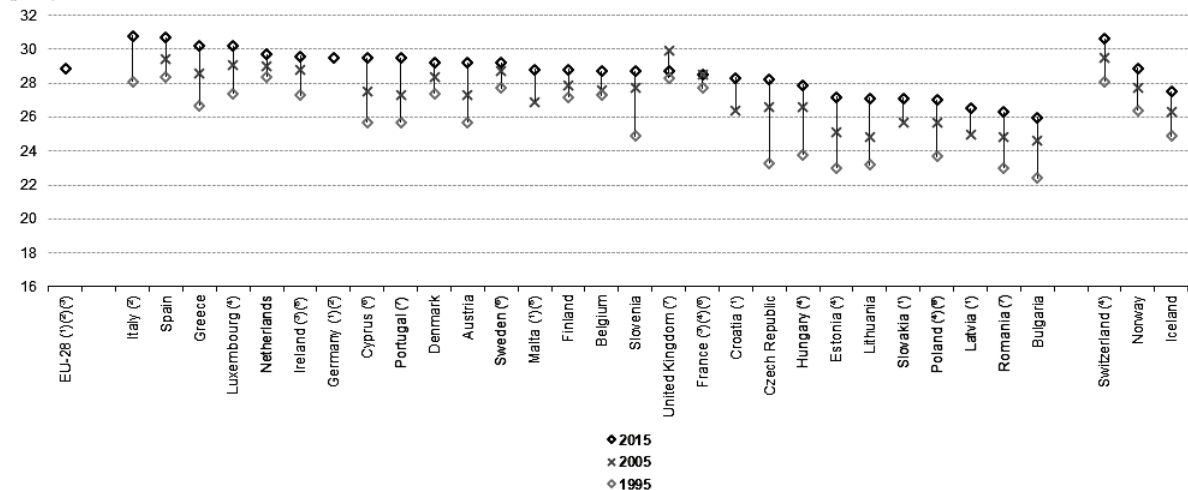


Figure 4. Mean age of women at birth of first child, EU-28, 1995, 2005 and 2015 (Eurostat, 2018:17)

Figure 5 shows the position of each EU-28 country regarding both the mean age of women at birth of first child and the total fertility rate. From it cannot be concluded that fertility is dependent on age of women at birth of first child, at least not at country level of analysis.

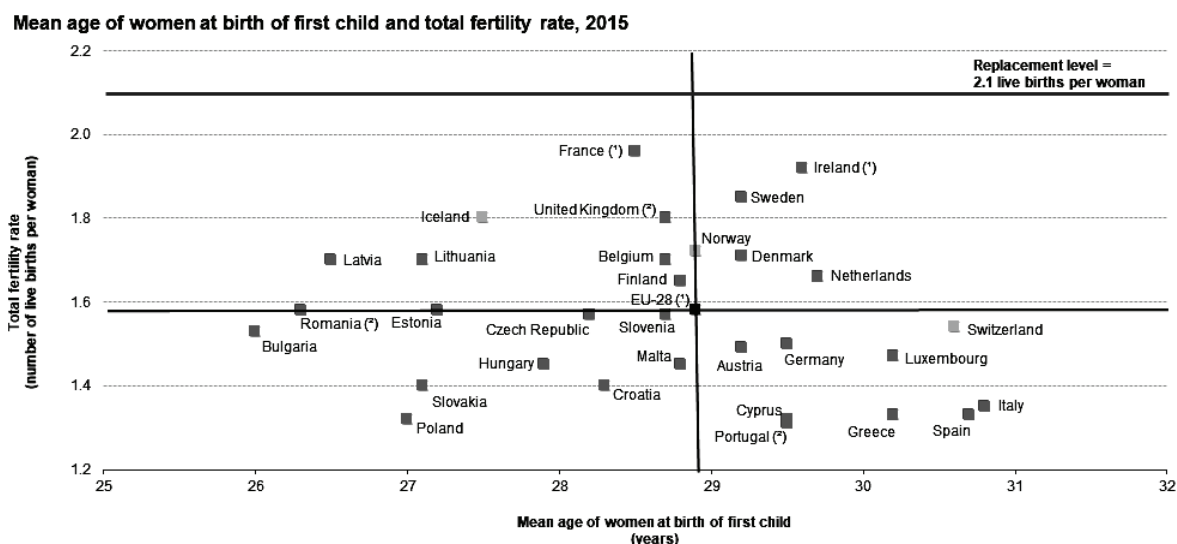


Figure 5. Mean age of women at birth of first child and total fertility rate, EU-28, 2015 (Eurostat, 2018:18)

Finally, figure 6 shows the dependency ratio for EU-28 from 1990 till 2017 and a prediction till 2080. From it can be seen that if in 1990 young-age dependency ratio was over 10% over this of old-age dependency ratio, the situation 25 years' later is almost reverse. Overall it is also clear that, so far, these changes have mostly compensated each other but this will come to an end as the young-age dependency ratio has been stable for the last decade and is expected to remain so, but the old-age dependency ratio is expected to continue growing for at least another 30 years.

All in all, the picture for the next years projects a EU-28 with fewer children and less young people but a higher percentage of elder people instead. This will most probably provoke changes in the way welfare is organized in the member states including resources devoted to childcare and education being transferred to healthcare and pensions.

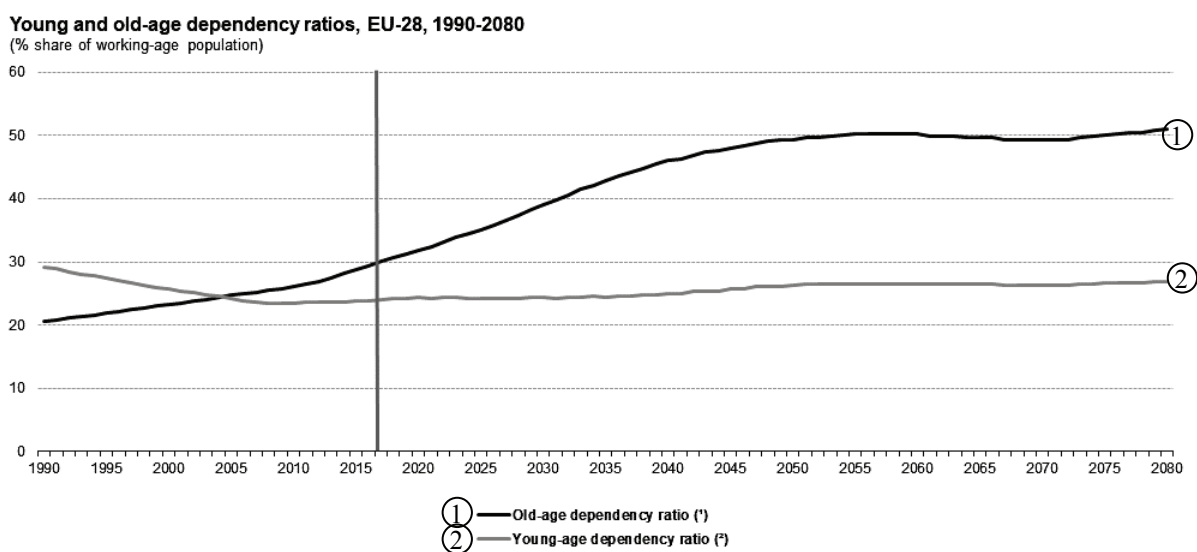


Figure 6. Young and old-age dependency ratios, EU-28, 1 January 1990–2080 (Eurostat, 2018:19)

Student's conditions across OECD

We focus now in student's conditions across different countries as collected by OECD (2012, 2015). Figure 7 provides an overview of the expenditure on education (primary to tertiary education, in equivalent USD) for a selection of countries. It seems clear that the pecuniary investment in education is dependent on the degree of development and wealth of nations.

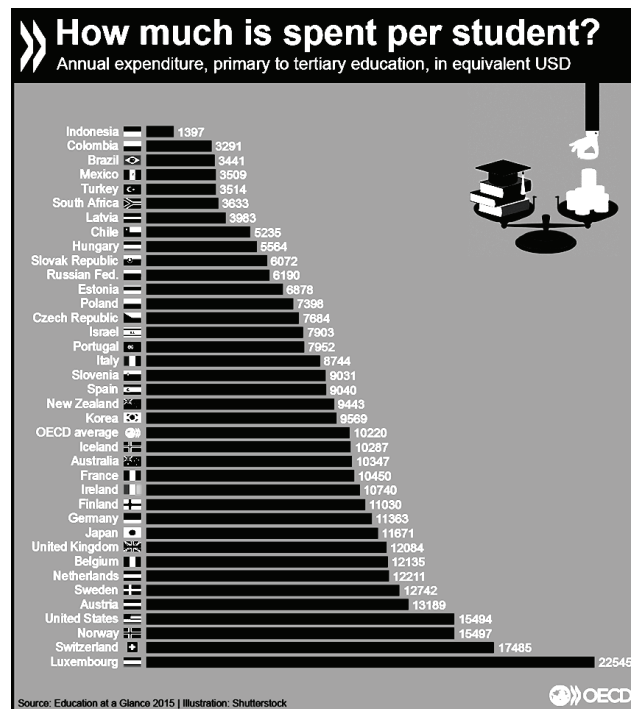


Figure 7. Annual expenditure, primary to tertiary education, in equivalent USD (OECD, 2015)

The relationship between investment and the output of education, measured either as success (i.e. PISA scores) or failure (low skills or dropout), is fuzzier. See for instance in figures 8 and 9 how the percentage of 16–29 years old failing to reach certain numeracy and literacy skills has no connection with the above-mentioned investment.

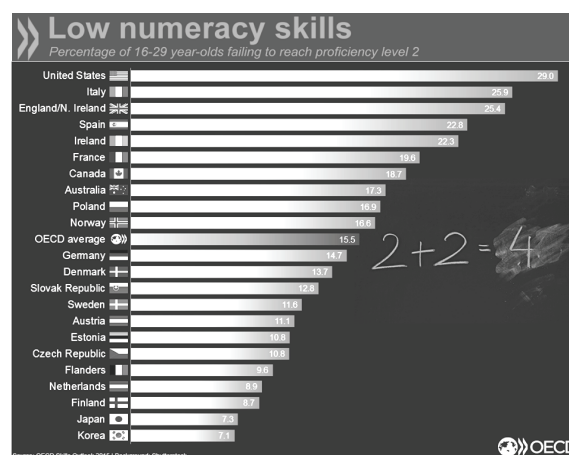


Figure 8. Percentage of 16–29 years old failing to reach proficiency level 2 [numeracy skills] (OECD, 2015)

Struggling with books?

% of 16-29 year-olds with low literacy skills

Italy	19.7%
Spain	18.2%
England/N. Ireland (UK)	18.0%
United States	14.5%
Ireland	13.5%
France	12.8%
Norway	12.5%
Canada	12.3%
Germany	12.2%
Denmark	11.5%
OECD average	10.8%
Austria	10.7%
Slovak Republic	10.7%
Poland	10.5%
Australia	10.0%
Sweden	9.4%
Czech Republic	8.8%
Flanders (Belgium)	8.3%
Estonia	7.9%
Netherlands	5.9%
Finland	5.1%
Korea	3.2%
Japan	2.4%



Source: OECD Skills Outlook 2015 | Picture: Shutterstock

OECD

Figure 9. Percentage of 16–29 years old with low literacy skills (OECD, 2015)

In the search for other factors that can explain performance better than investment, figure 10 provides an interesting association between equity and course repetition. For this association equity is measured as the variation in mathematical performance explained by socio-economic status. This is to say that the higher in the graph, the least the effect of the socio-economic status (i.e. family background) in maths performance. The negative correlation between equity and grade repetition suggests that more equitable educational systems outperform those less equitable.

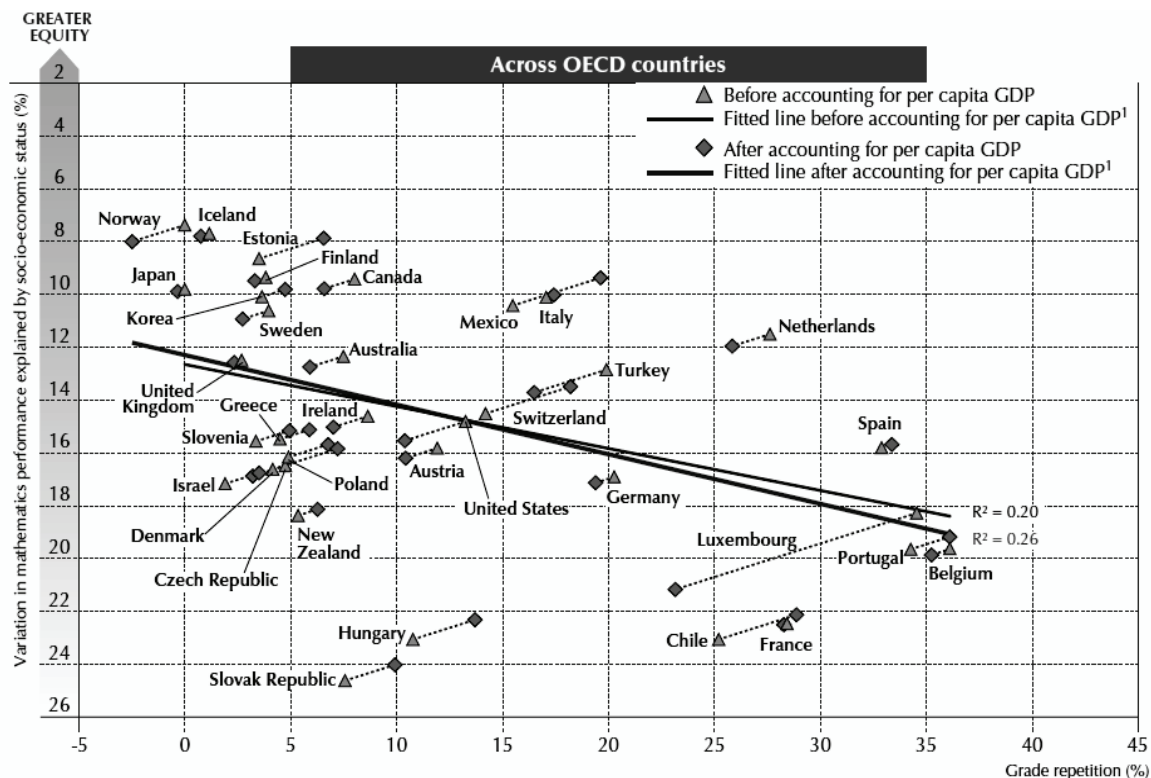


Figure 10. Equity vs. grade repetition across OECD countries (OECD, 2015)

Indicators on youth and the labour market

In the last part of this communication I will focus in the trends in the labour market youth are facing, as well as in some related consequences of it.

Figure 11 provides a quite evident representation of how labour market evolution is reducing the share of semiskilled workers in favour of low and high skilled workers. The so called labour market polarisation, brought about by the mechanisation, automation and computerization is also contributing to the well-known educational inflation but also to the increase of low skilled positions where de-structured transitions from school to work are more frequent. The effect on the transitions from school to work in each country is also mediated by the characteristics of the educational system, the labour market policy, the active labour policies, etc. all of which deeply influences the chances and characteristics of their transitions to the adult life. See for instance figure 12 for the composition of NEET (not in education or training) between those who actively search for jobs and those who don't; and figure 13 for the consequences different context have into achieving independence within the context of the family across the EU.

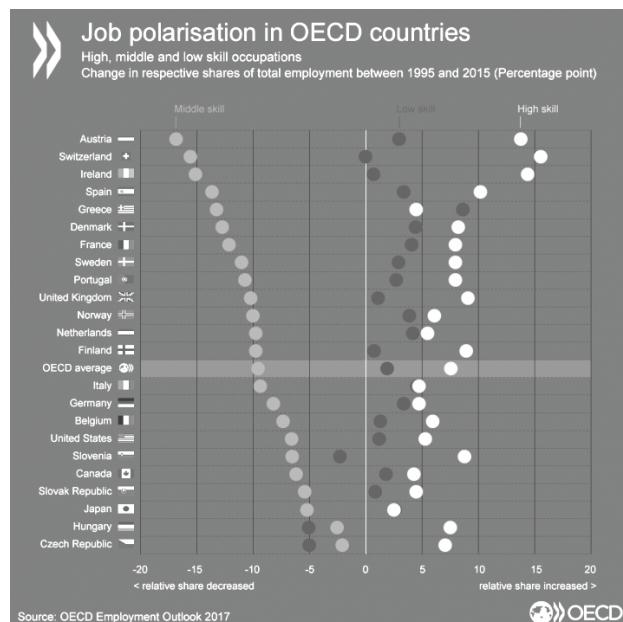
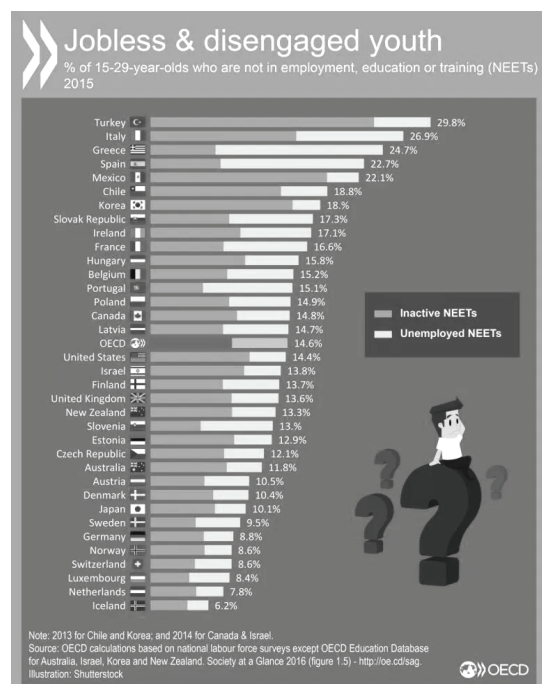


Figure 11. Job polarisation in OECD (OECD, 2015)

Figure 12. EU-28 Unemployment rate by NUTS 2, 2012 and 2016 (Eurostat, 2017)



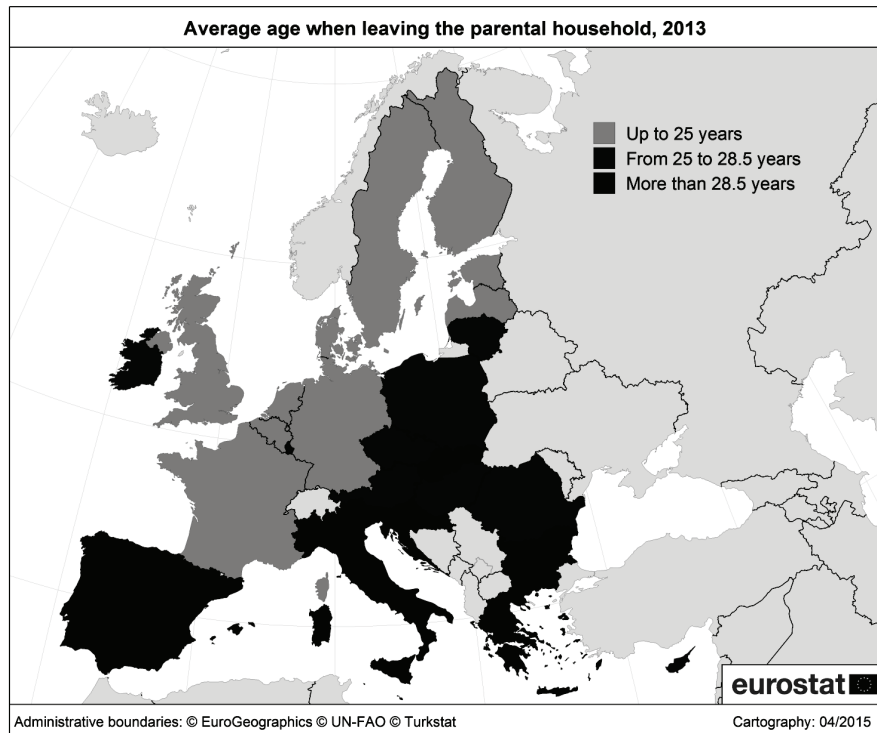
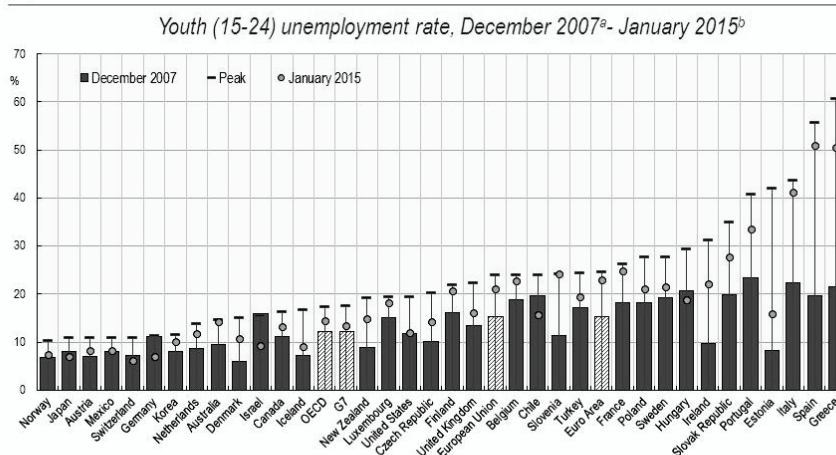


Figure 13. Average age when leaving parental household, 2013 (Eurostat, 2015)

Finally figure 14 shows how the economic crisis of 2007 had different impacts across the youth of countries in the OECD. For instance, the impact on Greece or Spain has been deeper and more enduring than in Norway or Japan.

Youth unemployment reached very high levels in some OECD countries and has not fully recovered



Note: Countries shown in ascending order of the unemployment rates at their peak.

a) Q2 2007 for Switzerland and Q4 2007 for Israel and New Zealand.

b) November 2014 for Greece, Turkey and the United Kingdom, December 2014 for Chile, Estonia, Hungary, Norway and Slovenia, February 2015 for Canada and the United States, and Q4 2014 for New Zealand and Switzerland.

Source: OECD calculations based on the OECD Short-Term Labour Market Statistics (database). <http://dx.doi.org/10.1787/data-00046-en>

Figure 14. Youth (15–24) unemployment rate, 2007 and 2015 (OECD, 2015)

REFERENCES AND SOURCES

1. Eurostat (2018) Being young in Europe today – demographic trends. Source: Statistics Explained <http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/>.
2. OECD (2014) Who Are the School Truants? – PISA in Focus, No. 35, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/5jzb019jwmd5-en>.
3. OECD (2015) Education at a Glance 2015: OECD Indicators, OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Гневашева Вера Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, руководитель Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: linamestnikova@gmail.com

Аннотация. Материалы основываются на проведенном исследовании, направленном на выявление значимости вуза как агента личностной и профессиональной социализации современной молодежи России.

Ключевые слова: студенческая молодежь, вуз, институциональное пространство, агент социализации.

MODERN YOUTH IN INSTITUTIONAL SPACE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Vera A. Gnevasheva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Labor Resources Reproduction and Employment of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: linamestnikova@gmail.com

Abstract. Research are based on the conducted research directed to identification of the importance of higher education institution as the agent of personal and professional socialization of modern youth of Russia.

Key words: student youth, university, institutional space, agent of socialization.

Вопросы, связанные с профессиональным становлением молодежи, в различных аспектах изучены в следующих теоретических и практических направлениях: теория развития личности на основе единства компонентов общего, профессионального и социально-культурного образования (Ю.К. Бабанский, В.И. Гинецинский, Б.Ф. Ломов); теория развития профессионального образования (П.Ф. Анисимов, В.П. Беспалько, Е.Я. Бутко, Е.А. Гнатышина, К.Г. Кязимов); деятельностный подход к процессу обучения (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн); компетентностный подход (В.И. Байденко, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, А.В. Хуторской); технологический подход (П.Р. Атутов, В.П. Беспалько, В.В. Гузеев, М.В. Кларин, В.М. Монахов, Г.К. Селевко, М.А. Чошанов); концептуальные идеи взаимообусловленности деятельности и профессиональной компетентности личности (В.А. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, В.М. Глушков, В.А. Трапезников) [1].

Результаты ранее проведенных авторских исследований показали, что значимым институтом социализации, который распространяет свое непосредственное и опосредованное воздействие на студенческую молодежь, является малая социальная группа, преимущественно представленная общим концептом семьи [2; 3].

В период с сентября по ноябрь 2018 г. был проведен очередной этап авторского общероссийского мониторинга, посвященного изучению ценностных ориентаций студенческой молодежи России.

Исследование продолжает проводившиеся ранее (1995–2011 гг.), в том числе под руководством автора, на базе Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области и Московского гуманитарного университета опросы студентов ряда негосударственных и государственных вузов относительно жизненных и профессиональных планов студенчества, их представлений о социальных ценностях, ценности образования.

Объектом исследования выступает студенческая молодежь России. В исследовании приняли участие студенты гуманитарного профиля, 2–3 курсов, преимущественно очной формы обучения. Выборка по рассматриваемой целевой группе характеризуется как многоступенчатая, на последнем уровне гнездовая, репрезентативная, квотная в отношении критериев отбора подвыборок.

Объем выборки на этапе 2018 г. составил 1748 чел.

География исследования охватывает большинство крупных городов России общим количеством 48 населенных пунктов с максимальным охватом территории России, среди которых можно отметить: Москва, Санкт-Петербург, Симферополь, Калининград, Ростов-на-Дону, Пермь, Нижний Новгород, Липецк, Ульяновск, Саратов, Архангельск, Екатеринбург, Ижевск, Новосибирск, Тюмень, Якутск, Хабаровск и др.

Инструментарием исследованием является анкета, включающая ряд вопросов открытого и закрытого типа.

Цель исследования – выявить особенности формирования ценностных ориентаций современной молодежи, специфику влияния агентов социализации на личностное становление молодежи, определить особенности профессиональных ориентаций студентов, их профессиональные ожидания.

По результатам исследования в части значимости именно вуза как институционального пространства для личностной и профессиональной социализации студенческой молодежи были получены следующие результаты.

Наибольшую оценку вузов, при рассмотрении доли ответов по группе баллов, дали люди старшей возрастной группы: их значение с 28% увеличивается до 46,6%. На это влияет фактор «зрелости», осознания и проникновением сущностью высшего образования, его значением и ролью в жизни, спустя годы. Если бы студенты могли снова поступать в вуз, то предпочтение своему вузу отдали бы 44,7% (595 чел., доля ответов в старшей возрастной группе равна 60,0%), другому – 33,9% (452 чел., доля ответов в старшей возрастной группе – 6,7%), затрудняются ответить 21,4% (285 чел.). Для возрастной группы 23–25 лет наиболее выражена доля ответов о желании поступить в другое учебное заведение (43,2%), если была бы такая возможность. Это явление, возможно, обусловлено осознанием ошибочности выбора профессии, а также и другими факторами.

Наивысшая степень интереса к изучаемым дисциплинам в вузе свойственна 38,2% (512 чел.) респондентов; для подавляющего большинства инте-

рес есть, но есть немногочисленные факторы «раздражения» – 40,9% (547 чел.), в большей степени не нравится 12,9% (173 чел.), совершенно не нравится обучение в нем – 3,9% (52 чел.), испытывают затруднение при ответе – 4,1% (55 чел.). При детализации данных в возрастном аспекте обнаружено, что заинтересованность учебными дисциплинами при обучении характерна больше для старшей возрастной группы (удельный вес ответов 60,0%, поскольку влияет фактор осознанности, возможности применения знаний в профессиональной деятельности). По мере приближения студентов к старшим возрастным группам (курсам) доля заинтересованности учебными предметами снижается, что, возможно, обусловлено желанием скорейшего завершения обучения в вузе, увеличением нагрузки на студентов.

Необходимо отметить, что студенты вузов России преимущественно (75,1% респондентов, или 1006 чел.) считают, что высшее образование не является гарантией жизненного успеха.

Определяя свои планы после окончания вуза наряду с устойчиво сохраняющим свои позиции ответом «пойду работать», интересно проследить изменения в двух других позициях, а именно: «займусь собственным бизнесом» и «обзаведусь семьей». Определяя образ для подражания и ориентира в жизни, студенты на протяжении всего периода обучения все меньше склонны выбирать позицию «родственники». В ответах респондентов на вопрос, «От чего в основном зависит реализация Ваших жизненных планов?» происходит изменение динамики. Так, позицию «от того, насколько хорошим профессионалом я стану», выбирают все меньшее количество респондентов, так ответили: 75,7% респондентов на 1 курсе, 61,8% – на 3 курсе и 50,0% – на 4 курсе. Возрастает значение позиций «от моих личных связей с нужными людьми» – с 42,6% на 1 курсе до 56,7% на 4 курсе; а также позиции «от поддержки родителей» – с 14,9% на 1 курсе к 19,5% на 3 курсе и к 36,7% на 4 курсе. Устойчивой является позиция «от собственной инициативы и настойчивости». Достижение благополучия и успеха в жизни определяется для студентов 4 курса гораздо в большей степени «инициативностью, находчивостью, предприимчивостью». Утрачивают свою актуальность в их представлениях: «способности, талант», «образование».

По мере социализации в рамках высшего учебного заведения ценностные ориентации студентов имеют тенденцию изменения, хотя значимость самого учебного заведения высшего профессионального образования как агента социализации в этом процессе крайне мала.

В поисках самого себя студенты отталкиваются от ценностных ориентаций, привитых семьей – базовым агентом социализации, и как показывают исследования, влияющим на респондентов на очень длительном их жизненном отрезке. Семья остается для молодежи, по сути, ключевой ценностью, и в своей будущей жизни они стремятся к собственной благополучной семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке [Текст] / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Б. Г. Юдин, В.А. Гневашева [и др.]; под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. 680 с.
2. О тенденциях в развитии университетского образования в России и мире: научно-аналитический доклад / Авт.: Вал.А. Луков, Вл.А. Луков, В.А. Гневашева, Н.В. Захаров, Г.Ю. Канарш, Б.Н. Гайдин, С.В. Луков, О.В. Долженко; под общ.ред. Вал.А. Лукова. М.: Изд-во Москгуманит. ун-та, 2009. 56 с.
3. Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования: монография / С.В. Луков, Б.Н. Гайдин, В.А. Гневашева, К.Н. Кислицын, Э.К. Погорский. М.: МосГУ, 2010. 260 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Gumanitarnoe znanie: tendenciirazvitiya v XXI veke [Tekst] / Val. A. Lukov, Vl. A. Lukov, B. G. Yudin, V.A. Gnevasheva [i dr.]; pod obshch. red. Val. A. Lukova. M.: Izd-voNac. in-ta biznesa, 2006. 680 s.
2. O tendenciayah v razvitiiniversitetskogoobrazovaniya v Rossiii mire: nauchno-analiticheskijdoklad / Avt.: Val.A. Lukov, Vl.A. Lukov, V.A. Gnevasheva, N.V. Zaharov, G.Yu. Kanarsh, B.N. Gajdin, S.V. Lukov, O.V. Dolzhenko; pod obshch.red. Val.A. Lukova. M.: Izd-voMoskgumanit. un-ta, 2009. 56 s.
3. Dialog organizacionnyhkul'tur v sozdaniioobshcheevropejskogoprostranstvavvysshegoobrazovaniya: monografiya / S.V. Lukov, B.N. Gajdin, V.A. Gnevasheva, K.N. Kislicyn, E.K. Pogorskij. M.: MosGU, 2010. 260 s.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Добрынина Валентина Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: vdobrynina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие человеческого потенциала, который имеет большой познавательный смысл, так как способствует более глубокому и разностороннему познанию и пониманию основных параметров жизнедеятельности современных стран, регионов и народов, а также позволяет сопоставлять и анализировать реальный жизненный мир населения Земли. На основе обзора источников подчеркиваются глобальные, региональные и российские социокультурные обстоятельства, существенно повлиявшие на отрицательную динамику российского Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Ключевые слова: человеческий потенциал, индекс развития, уровень образования, социокультурные обстоятельства, социальные институты.

HUMAN POTENTIAL OF RUSSIA: TRENDS AND PROSPECTS

Valentina I. Dobrynina, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Ethics and Social Responsibility, Institute of Business Studies, The Russian Presidential Academy of national economy and public administration, (Moscow, Russia). E-mail: vdobrynina@yandex.ru

Abstract. The article Deals with the concept of human potential, which has a great cognitive meaning, as it contributes to a deeper and more comprehensive knowledge and understanding of the basic parameters of the life of modern countries, regions and peoples, as well as allows you to compare and analyze the real life world of the world population. On the basis of the review of sources, the author emphasizes global, regional and Russian socio-cultural circumstances that significantly influenced the negative dynamics of the Russian HDI.

Key words: human potential, development index, level of education, socio-cultural circumstances, social institutions.

Понятие человеческий потенциал в настоящее время является базовым в современной отечественной гуманитаристике. Оно определяет совокупность средств, необходимых для реализации деятельных способностей человека, его творческих сил и духовно-нравственных талантов. Для западных и восточных стран, где давно существуют развитые товарно-денежные рыночные отношения, становление и совершенствование человеческого потенциала или человеческого капитала всегда было преимущественно делом самого субъекта, то есть человека или его семьи, а не государства или всего общества.

Сравнительно недавно (с 1992 г.) по инициативе ООН и по разработанной её исследователями методике социологи стали комплексно анализировать и сравнивать индекс развития человеческого потенциала во всех странах, входящих в Организацию Объединенных Наций. Сравнение идет по трем суммированным параметрам: ожидаемая продолжительность жизни каждого гражданина страны; уровень и формы его образования; а также средний доход ВВП на душу населения в стране.

Первые строчки этих ежегодных рейтингов, где этот индекс приближается к своему абсолютному значению, то есть к единице, занимают, как правило, Исландия, Норвегия, Австралия и Канада, то есть отнюдь не самые богатые, технически развитые и политически доминирующие страны. Наша страна, как показывают отчеты ИРЧП, постепенно отходит от первых строчек и приближается к середине рейтинга, занимая среди 175 сравниваемых стран 67-ое место с индексом 0,802. Это, правда, пока еще позволяет считать её в группе стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, но тенденция снижения рейтинга достаточно очевидна. Рассмотрим наиболее значимые тенденции и обстоятельства, влияющие на индекс развития нашего, российского человеческого потенциала, при этом отметим, что эти рейтинги рассчитываются в стране, где происходят кардинальные социокультурные трансформации на общем фоне глобальных перемен всего человечества [1].

Первый параметр – ожидаемая продолжительность жизни зависит от целого ряда обстоятельств, связанных с обеспечением здоровья населения, его реальным образом жизни, сферой труда и отдыха, питанием, системой здравоохранения, квалификацией врачей, медицинским оборудованием больниц, доступностью необходимых лекарств, наличием особого внимания общества к самым младшим и самым старшим возрастам. Личный опыт каждого гражданина РФ может подтвердить, что в этой части работы по возрастанию человеческого потенциала в масштабах всей страны и в каждом её регионе, безусловно, ведутся, но они еще весьма далеки от среднестатистических данных по планете, о чем свидетельствует и недостаточно высокая для развитой страны средняя продолжительность жизни, особенно среди мужчин экономически активного возраста, а также среди новорожденных. Не утешительны и доминирующие, согласно отечественной статистике, причины смерти – насильственная, сердечно-сосудистые заболевания, онкология.

Второй параметр ИРЧП предполагает оценить общий уровень образования как всего населения, так в особенности детей и молодежи. За годы перестройки наша система образования и просвещения существенно изменилась, осуществив целый ряд реформаторских действий: резко возросла общая численность студенчества; примерно половина современных студентов обучается на хоздоговорной основе; укрепились бакалавриат и магистрантская подготовка; в ряде вузов сохранилась традиционная подготовка квалифицированных специалистов, необходимых обществу и развитию его духовной культуры. Современный отход от принципов воспитания, образования и обучения, заложенных в советскую образовательную систему, пока еще не принес оптимальных результатов, но они, безусловно, со временем будут получены, хотя бы

потому, что при существенном уменьшении общей численности детской и молодежной когорты численность современного российского студенчества существенно превосходит советский вузовский период [2].

Сложнее всего описать третий параметр ИРЧП, связанный с анализом современной экономической жизни, который за последние десятилетия неоднократно и очень по-разному характеризовался отечественными исследователями: как длительный системный кризис [3] – академик РАН А.Г. Аганбегян; как стадия экономической стагнации и застоя – профессор В. Стародубровский [4]; как негативная стабилизация. Это определение дает профессор Н.Е.Тихонова в целом ряде своих работ, одновременно с тем подчеркивая, что «механизм изменений уже запущен и ни кризисы, ни нынешняя стагнация доходов россиян уже не способны отменить грядущую трансформацию российского социума и не только в сторону общества потребления. Эту новую реальность необходимо учитывать как при анализе мировоззрения и поведенческих стратегий, так и при выработке государственной социально-экономической позиции» [5, с. 23]. Пытаясь кратко сформулировать тенденции и перспективы российского человеческого потенциала на ближайшие десятилетия необходимо подчеркнуть, что все сложные социокультурные процессы последних десятилетий в нашей стране происходили как неотъемлемая часть современных общепланетарных процессов.

«Другой модерн», или общество риска, о котором заговорил мир в конце 80-х гг. прошлого века благодаря работе У. Бека [6], в полной мере относится и к характерным особенностям нашей страны, живущей в условиях высокой неопределенности, возрастающих рисков, угроз и вызовов [7]. Следует добавить, что сформулированные еще в конце прошлого века Манифестами Римского клуба принципы и задачи решения глобальных проблем современности [8] так и не начали решаться человечеством. Они только усугубляются и к ним прибавляются все новые глобальные проблемы, не менее драматичные, будь то новая модель расселения человечества, когда в самом начале XXI века половина всего населения Земли стала городскими жителями, преимущественно мегаполисов. В них особенно ослаблен социальный контроль, зато существенно возрастает девиантное и делинквентное поведение при очевидной депривации населения и его маргинализации на базе внутренней и внешней миграции [9].

Современные новейшие исследователи общества, сторонники концепции «Золотого миллиарда» человечества, обращают внимание на роль новых социокультурных процессов – включенности/исключенности (inclusion\ exclusion) стран, народов и отдельных субъектов, апеллируя к экономическому могуществу, политическому авторитету и имущественному процветанию цивилизаций западных стран и очевидной невключенности многих других народов и государств. Современные исследователи демографических процессов обращают внимание на очевидную враждебность «горожан» из миграционных слоев к процессам интеграции культур, норм и ценностей, что практически свело на нет усилия сторонников реализации концепции мультикультурализма и более четко выявило стремление маргинальных слоев отказаться от любой

культуры [10]. Главным выводом А. Печчеи, стоявшим у основ Римского клуба, был вывод о необходимости изменения основополагающих человеческих качеств [11]. В работе «Человеческие качества» он обращал внимание общественности на необходимость радикального изменения культурности этноса и ценностей жизни в глобальном масштабе. Противостояние и очевидную конфликтность глобальных и локальных интересов современные страны и народы пытаются разрешать на основе предложенных Р. Робертсом принципов глокализации мира, что предполагает глобальную институализацию жизненного мира всего человечества на основе происходящей информационной культуры на базе преимуществ современных глобальных СМИ и одновременно с тем практического осуществления глобализации локальности [12, с. 361].

С точки зрения специалистов по демографии, в XXI веке началось и стало усиливаться общее для всех стран и континентов постарение населения, что предполагает не только среднестатистическое удлинение срока каждой индивидуальной жизни, но одновременно с тем и существенное уменьшение возрастной когорты детей во всем мире, особенно во всех высокоразвитых странах. Эта тенденция очевидна и для России. Это объясняется не только существенным уменьшением женщин фертильного возраста, а также усиливавшейся тенденцией среди женщин «делать карьеру», а не рожать детей [13].

В не меньшей мере это связано и с реальными изменениями, происходящими в базовом социальном институте общества – семье, которая во все времена являлась экономической ячейкой любого общества, воспроизводителем человеческого рода и главным культурным коммуникатором и транслятором ценностей, норм и стандартов одобряемого обществом поведения. Сейчас появились и получили свой правовой статут в мире, а частично и в РФ, разные формы и типы брака – однополые, контрактные и др., а значит, и разные формы отношений в семье или в гражданских «сожительставах» – межпоколенные, договорные, контрактные и пр. [14]. Существенную активность практически во всем мире, а не только на Западе, приобретает среди молодой части населения Земли движение CF (childfree) – свобода от детей, ориентирующее молодежь на сознательный отказ от продолжения рода. В современной РФ с высокой численностью аборт на протяжении многих и многих лет это, с позволения сказать, «движение» реализуется на практике. Демографы прогнозируют, что детских возрастов в современной России в ближайшие 2–3 десятилетия будет не больше, а меньше, что позволяет надеяться на постепенное возрастание ИРЧП, другими словами на общий рост индекса человеческого потенциала в России [15].

Завершая краткий обзор тенденций и прогнозов относительно последующего изменения рейтинга ИРЧП в России, хотелось бы напомнить, что в современном мире главное богатство стран и народов исчисляется не их природными ресурсами или материально-технической базой, силой оружия или экономическими и политическими связями, а реальным человеческим потенциалом каждой страны. Четко сформулированное и целенаправленное воспи-

тание, образование и обучение подрастающих поколений всеми социальными институтами общества и государственными структурами в любой стране составляет главную цель и смысл существования всех государств, которые хотят и могут сохранять и преумножать свое население, а значит, укреплять и свое историческое существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Заславская Т.Н. Социальная трансформация в России в эпоху глобальных изменений / Т.И. Заславская, В.А. Ядов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
2. Ильинский И.М. Прошлое в Настоящем. Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. 840 с.
3. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое положение России и перспективы / А.Г. Аганбегян // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 6. URL <http://www.info.e-c-m.ru/magazine/81/eau_81_253.htm>.
4. Стародубровский В. Динамика застоя. Российская экономика в 2012 году / В. Стародубровский // Экономическая политика. 2013. № 2. С. 141–208.
5. Тихонова Н.Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоев населения России: 2003 – 2018 гг. / Н.Е. Тихонова // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т.6. № 3(23). С. 7–25.
6. Бек У. Общество риска. На пути к «другому модерну» / У. Бек. М.: Прогресс – Традиция, 2000. 361 с.
7. Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия. М.: Книга и бизнес, 2009. 691 с.
8. Лейбин В.М. Зарубежная глобалистика. Проблемы и противоречия. М.: Знание, 1988. 63 с.
9. Гишинский Я.И. Девиантность в условиях глобализации / Я.И. Гишинский // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция / Под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. М.: ИС РАН, 2005. 306 с.
10. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н.И. Лапин // Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
11. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
12. Добренко В.И. Ценностно-ориентированная социология. Проблемное поле постнеклассической методологии. М.: Академический проект, Альма Матер, 2011. 565 с.
13. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 303 с.
14. Население России на рубеже XX – XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: МАКС Пресс, 2002. 352 с.
15. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания / Н.М. Римашевская. М.: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Zaslavskaya T.N. Social'naya transformaciya v Rossii v epohu global'nyh izmenenij / T.I. Zaslavskaya, V.A. Yadov // Sociologicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 8–22.
2. Il'inskij I.M. Proshloe v Nastoyashchem. Izbrannoe. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2011. 840 s.
3. Aganbegyan A.G. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii I perspektivy / A.G. Aganbegyan // Effektivnoe antikrizisnoe pravlenie. 2013. № 6. URL <http://www.info.e-c-m.ru/magazine/81/eau_81_253.htm>.
4. Starodubrovskij V. Dinamika zastoya. Rossijskaya ekonomika v 2012 godu / V. Starodubrovskij // Ekonomicheskaya politika. 2013. № 2. S. 141–208.
5. Tihonova N.E. Dinamika social'no-ekonomicheskogo polozheniya massovyh sloev naseleniya Rossii: 2003 – 2018 gg. / N.E. Tihonova // Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika. 2018. T.6. № 3(23). S. 7–25.
6. Bek U. Obshchestvoriska. Na puti k «drugomumodernu» / U. Bek. M.: Progress – Tradiciya, 2000. 361 s.
7. Kuznecov V.N. Geokul'turnaya enciklopediya. M.: Knigaibiznes, 2009. 691 s.
8. Lejbin V.M. Zarubezhnaya globalistika. Problemy I protivorechiya. M.: Znanie, 1988. 63 s.
9. Gilinskij Ya.I. Deviantnost' v usloviyah globalizacii / Ya.I. Gilinskij // Deviantnoe povedenie v sovremennoj Rossii v fokuse sociologii: narkotizaciya, alkogolizaciya, prestupnost', korrupciya / Pod red. M.E. Pozdnyakovej, A.L. Salagaeva. M.: IS RAN, 2005. 306 s.
10. Lapin N.I. Sociokul'turnye factory rossijskoj stagnacii I modernizacii / N.I. Lapin // Novyeidei v sociologii / otv. red. Zh.T. Toshchenko. – M.: YuNITI-DANA, 2013. 479 s.
11. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M.: Progress, 1980. 302 s.
12. Dobren'kov V.I. Cennostno-orientirovannaya sociologiya. Problemnoe pole postneklassicheskoy metodologii. M.: Akademicheskij proekt, Al'ma Mater, 2011. 565 s.
13. Hrestomatiya feministских tekstov. Perevody / Pod red. E. Zdravomyslovoj, A. Temkinov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. 303 s.
14. Naselenie Rossii na rubezhe HH – HHI vekov: problemy i perspektivy / Pod red. V.A. Ionceva, A.A. Sagradova. M.: MAKSS Press, 2002. 352 s.
15. Rimashevskaya N.M. Chelovekireformy: Sekretyvyzhivaniya / N.M. Rimashevskaya. M.: ISEPNRAN, 2003. 392 s.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ЕГО РАЗВИТИЯ

Егорычев Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: chelovekcap@mail.ru

Аннотация. Рассматривается человек как сущность социальная, развитие которого определяется тремя базовыми факторами (наследственность, социальная среда, воспитание). Даются характеристики данных факторов, определяется роль среды в социальном становлении человека.

Ключевые слова: социальная среда, человек, развитие, воспитание, социализация.

HUMAN'S SOCIAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF HIS DEVELOPMENT

Alexander M. Egorychev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Social Pedagogy and Organization Work with the youth of the Russian State Social University, Chief Researcher of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: chelovekcap@mail.ru

Abstract. The paper examines a person as a social entity whose development is determined by three basic factors (heredity, social environment, upbringing). The characteristics of these factors are given, the role of the environment in a person's social formation is determined.

Key words: social environment, a human, development, education, socialization.

Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, человек есть «совокупность общественных отношений» [1]. Согласно данному определению, человек воплощает в себе сущность всех социальных отношений, вне которых он просто не может являться личностью как таковой. Справедливости ради стоит отметить, что современная социогуманитарная наука выявляет три базовых фактора, которые определяют развитие человека как личности (рис. 1).

Социальные педагоги утверждают, что только в своей органичной совокупности данные факторы (наследственность, социальная среда, воспитание) выступают той силой, которая способна творить человека гармоничного и всесторонне развитого.

Многие ученые, опираясь на концепцию К.Г. Юнга об архетипах [2], все чаще говорят о важности фактора «наследственность» в развитии человека. Весь огромный исторический социокультурный опыт, приобретенный человеческим сообществом в многотысячелетнем эволюционном пути своего развития, прочно упакован в геноме человека (архетипе). Пробуждение и раскрытие

огромного социокультурного потенциала человека, использование его возможностей в воспитании и развитии подрастающего поколения возможны лишь под действием двух других факторов – «социальной среды» и «воспитания».

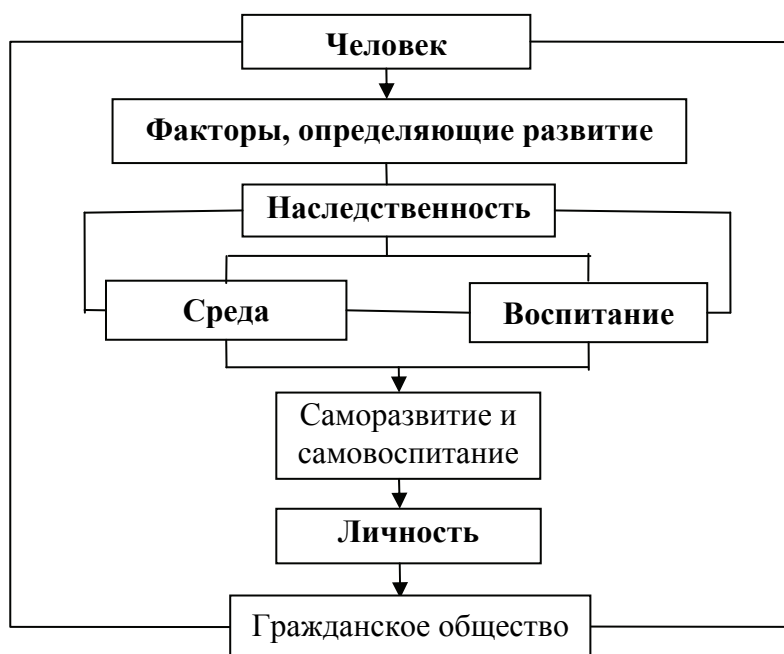


Рис. 1. Факторы, определяющие развития человека на всех этапах его онтогенеза

Роль социокультурной среды и её огромного влияния на процесс воспитания и социализации подрастающего поколения отмечают многие отечественные ученые (А.Т. Абдынасырова, В.В. Абраменков, А.Г. Ахтян, А.В. Иванов, И.С. Кон, Д.С. Лихачев, Л.В. Мардахаев, Д. Мид, С.И. Полежака, мн. др.).

Многие исследователи отмечают, что все наследственные социогенетические программы развития человека наиболее полно могут раскрыться в дошкольном детстве, при включении ребенка от рождения в систему соответствующей образовательной (воспитательно-развивающей) среды и целенаправленного специально организованного воспитательного процесса. Известно, что дети очень рано, еще до возникновения процесса мышления и формирования самосознания, выражают поразительную способность к социальному восприятию окружающего мира.

Можно утверждать, что дошкольное детство является прекрасным периодом как для пробуждения дремлющих наследственных социокультурных программ (архетипа), так и для включения развивающего человека в программы социального воспитания и развития, соответствующие потребностям конкретного государства и общества.

Программы для социального воспитания и развития подрастающего поколения, как указывали многие известные отечественные ученые (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, К.Д. Ушинский, др.), должны строиться с учетом национальных социокультурных оснований. Дело в том, что каждый народ в ходе своего исторического развития творил свою культуру, в организации бы-

тийного мира утверждал свои национальные смыслы и ценности, связывал всех граждан в единое сообщество своими национальными обычаями, традициями, нормами и стереотипами поведения.

Многие тысячелетия народы планеты Земля воспитывали подрастающее поколение в социокультурной среде, наполненной национальными смыслами и ценностями, отвечающими потребностям конкретного сообщества, возможностям и перспективам его исторического развития. Этому были подчинены все структуры любого национального сообщества и, прежде всего, система воспитания человека. Народная педагогика любого национального сообщества как средство и механизм национального воспитания в своей истинной сущности отражает историческую память своего народа, его понимание гармонии человека и той среды, которая его окружает, те смыслы и ценности, которыми он руководствуется в построении своего бытийного мира. Цель и смысл народной педагогики всегда заключались в сохранении и закреплении в подрастающем поколении тех смыслов и ценностей, которые многие столетия и тысячелетия позволяли не просто выживать народу, а успешно развиваться на трудном эволюционном пути.

Проверенные временем смыслы и ценности позволяют поддерживать такое состояние *социальной среды*, которое создает благоприятные условия для жизнеосуществления человека и всего национального сообщества; развития и социального воспитания подрастающего поколения на смыслах и ценностях, соответствующих национальному идеалу конкретного народа.

Учитывая всё вышеобозначенное, можно утверждать, что сущность современного человека определяется теми социальными условиями:

а) которые являлись основой его рождения и воспитания, социального взросления и становления как личности. Именно с детства заложенные смыслы и ценности, поддерживаемые в подростковом и юношеском возрасте, выступают прочной основой формирования его мировоззрения, национального и гражданского самосознания;

б) в которые он попал, находится в конкретный момент своего жизнеосуществления. Новая среда начинает медленно воздействовать на человека, либо незаметно меняя его мировоззрение, либо резко ломая всю социально-психологическую структуру его взглядов, установок и ценностей, ввергая его в состояние стресса и психологической неустойчивости.

Рассматривая социальную среду и её роль в жизни человека, стоит обратить особое внимание на три важных момента.

Во-первых, человек как особый вид биосоциальной материи находится в непрерывном потоке своего развития (количественных и качественных преобразований), происходящих в течение всей его жизни (онтогенеза).

Во-вторых, социальная среда тоже развивается, постоянно инновирова и обновляя все свои структуры. Более того, социальная среда в своем развитии (на определенном этапе) может разрушать и уничтожать те традиционные смыслы и ценности, которые многие тысячелетия составляли основу формирования и развития конкретного народа; являлись основой воспитания, становления и жизнеосуществления конкретного человека, малых и больших социальных групп в определенное время.

В-третьих, динамика изменений социальной среды может значительно превышать динамику социального развития самого человека, вызывая серьёзные проблемы и риски для его здоровья, выживания и развития.

Понятно, что социальная сущность человека не может быть постоянной. Изменение социальной сущности человека – естественный диалектический процесс. В процессе своего исторического развития он также изменяет окружающую его среду и, тем самым, меняет себя.

Современная социальная среда агрессивна, непредсказуема, плохо прогнозируема, подчинена смыслам и ценностям глобализирующего мира, в своей основе опирающегося на рыночную экономику. Она обладает мощной динамикой развития, жернова которой бездумно разрушают государственные экономики, уничтожают национальные традиционные смыслы и ценности, духовно опустошают человека. Последствия этого разрушения испытывает на себе не только старшее поколение, которое имеет хорошо сформированную социально-психологическую систему мировоззренческих установок, ценностей, мотивов деятельности и смысла жизни, но и молодежь. Современная молодежь во всех странах мирового сообщества испытывает на себе прессинг социальной среды рыночных отношений, порождающих культ индивидуализма, материальной выгоды, бесконечных удовольствий, вызывающих неудовлетворенность, одиночество, тоску, суицид, в целом – потерю смысла жизни.

Выдвинутая гипотеза рядом авторов о том, что современное время формирует единую общечеловеческую цивилизацию, по всей вероятности, останется нереализованной. Происходящие социальные изменения в мировом сообществе имеют характер агрессивный, характеризуются жестким противопоставлением государств и народов, имеющих разные взгляды на свою жизненную организацию. Резко меняется и сама бытийная среда человека. Современный научно-технический прогресс и повсеместная технологизация ведет к тому, что он оказывается в социальной среде, которая не соответствует его истинной сущности как человека разумного и духовного. Эта среда не порождает и не утверждает высокие духовно-нравственные принципы, смыслы и ценности, что требует переориентации всей социальной системы современного мира. В этом видится основная задача человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Тома 1 – 39. Издание второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1955 – 1974 гг.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 85 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Marks K., Engel's F. Polnoesobraniesochinenij. Toma 1 – 39. Izdanievtoroe. – M.: Izd-vopoliticheskojliteratury, 1955 – 1974 gg.
2. Yung K.G. Arhetipisimvol. – M.: Renessans, 1991. – 85 s.

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ О ТРЕВОГАХ, ГОСУДАРСТВЕ И ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Афанасьев Владимир Александрович, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Новоженкина Ольга Петровна, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Аннотация. Исследуется мнение российской молодежи и взрослых граждан по ряду актуальных вопросов, связанных с социальным самочувствием и тревогами. Проводится сравнительный анализ отношения взрослых и молодых людей к политике и деятельности государства. Измеряется уровень развития отдельных сторон российского гражданского общества, исходя из анализа мнения разных возрастных групп.

Ключевые слова: молодежь, общественное мнение, политика, государство, гражданское общество, тревоги, проблемы, демократия, политическая система, права.

RUSSIAN YOUTH ABOUT CONCERNS, STATE AND CIVIL SOCIETY

Viktor K. Levashov, Doctor of Sciences (Sociology), Head of Center for Strategic Social and Socio-Political Research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Leading Researcher of Center for Strategic Social and Socio-Political Research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Vladimir A. Afanasyev, Senior Researcher of Center for Strategic Social and Socio-Political Research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

Olga P. Novozhenina, Senior Researcher of Center for Strategic Social and Socio-Political Research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: analytic@ispr.ras.ru

¹ Публикация подготовлена на основе исследований, проведенных при поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), грант №17-03-00557-ОГН.

Abstract. The article examines the opinion of Russian youth and adults on a number of topical issues related to social well-being and anxiety. The authors make a comparative analysis of the attitude of adults and young people to the policy and activities of the state. The researchers also measure the level of development of certain aspects of Russian civil society, analyzing the opinions of different age groups.

Key words: youth, public opinion, politics, state, civil society, concerns, problems, democracy, political system, rights.

Вектор развития российского гражданского общества и всей страны во многом зависит от выбранной жизненной стратегии молодых граждан, от их интересов и ценностных ориентаций, моделей профессионального и личностного развития. Чтобы добиться высоких результатов, государству необходимо особое внимание уделить системам воспитания, адаптации и личностного роста молодежи. В формировании государственной политики важно учитывать мнение молодых людей, которое аккумулирует весь спектр социально-политических, экономических и духовных факторов, влияющих на будущее страны.

Особенности социального самочувствия российской молодежи, ее отношения к политике и деятельности государства, а также мнения о состоянии гражданского общества исследуются Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН¹. В данном исследовании молодежь определялась возрастными границами от 17 до 29 лет, а взрослое население (немолодежь) – от 30 лет и старше.

Согласно результатам исследования, проведенного в декабре 2018 г., российскую молодежь наиболее остро волновали проблемы «дороговизны жизни» (48%), «экологической обстановки» (37%), «безработицы» (35%) и «произвола чиновников» (34%). Самыми актуальными тревогами взрослого населения являлись «дороговизна жизни», «повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги», «произвол чиновников» и «разделение общества на богатых и бедных». Далее структура тревог молодых граждан сложилась следующим образом: «разделение общества на богатых и бедных» (27%), «страх перед будущим» (27%), «повышение цен на продукты питания» (25%), «личная безопасность» (24%), «падение нравов и культуры» (22%), «повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги» (22%), «терроризм» (20%). Менее пятой части молодых людей тревожили вопросы, связанные с

¹Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», которые проводятся Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга д.соц.н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает население России.

«алкоголизмом», «обострением межнациональных отношений», «преступностью», «наркоманией», «закрытием, простоем предприятий», «высокой инфляцией»; менее десятой части – с «ухудшением отношений с США и Европой», «задержкой выплаты зарплаты, пенсий», «ухудшением положения пенсионеров в обществе», «мировым экономическим кризисом» [1].

По сравнению со взрослыми гражданами российская молодежь больше обеспокоена «экологической обстановкой» (37% молодых людей и 28% взрослых), «безработицей» (35% и 22%), «личной безопасностью» (24% и 20%), «терроризмом» (20% и 14%), «алкоголизмом» (19% и 14%), «обострением межнациональных отношений» (17% и 9%) и «наркоманией» (14% и 7%). Взрослых россиян в большей степени тревожили проблемы «дороговизны жизни» (56% взрослых и 48% молодых людей), «повышения тарифов на жилье и коммунальные услуги» (35% и 22%), «ухудшения положения пенсионеров в обществе» (24% и 7%) и «закрытия, простоя предприятий» (17% и 12%).

Необходимым условием укрепления социальных и правовых основ государства и развития гражданского общества является доверие молодежи к главе государства и к проводимой властью политике. В целом в декабре 2018 г. более половины молодых россиян доверяли Президенту РФ (52%), а среди взрослых вариант ответа «доверяю» выбирали 58%. Недоверяющих Президенту РФ респондентов – 28% среди молодежи и 23% среди взрослых.

По мнению молодых граждан, в декабре 2018 г. политическая система страны нуждалась в изменениях: многие ее недостатки «можно устранить реформами» (51%) или «необходимо изменить политическую систему радикальным образом» (28%). «Полностью устраивала» сложившаяся политическая система российского общества 13% молодых граждан и 21% взрослых, а молодежь чаще взрослых говорила о реформировании политической системы (51% молодых и 43% взрослых людей).

Оценивая степень развития различных сторон гражданского общества в стране, в мае 2018 г. молодые респонденты выше всего оценили «право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом» (6,12 баллов по 10-ти балльной шкале). Далее по мере уменьшения значения следовали индикаторы «политическое и идеологическое разнообразие политических партий» (5,69 баллов), «демократия, свобода политического выбора» (5,14 баллов), «свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение» (5,02 баллов), «открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом» (4,98 баллов). Менее развитыми сторонами российского гражданского общества, по мнению молодежи, являлись «общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан», «правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан» и «самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д.». Взрослые граждане считали наиболее развитой стороной гражданского общества «политическое и идеологическое разнообразие политических партий» (6,08 баллов) [2].

Отметим, что молодежь ставила более низкие оценки по сравнению с взрослыми следующим сторонам гражданского общества: «политическое и идеологическое разнообразие политических партий» (5,69 баллов и 6,08 баллов), «свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение» (5,02 и 5,44) и «демократия, свобода политического выбора» (5,14 и 5,63). По данным индикаторам зафиксирована статистически значимая разница в оценках молодых и взрослых граждан. В целом степень развитости гражданского общества в России молодежь оценила в 5,03 баллов, взрослые респонденты – 5,17 баллов по 10-ти балльной шкале.

В мае 2018 г. более половины молодых людей считали, что российское государство не выполняло свои обязанности по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина по следующим индикаторам: «равенство перед судом и законом» (71%), «право на благоприятную окружающую среду» (58%) и «право на бесплатное образование» (52%). В тоже время российская молодежь чаще взрослых граждан считала, что государство выполняло свои обязанности по обеспечению «права на выбор профессии» (71% молодых и 67% взрослых людей).

Для улучшения демографической ситуации большое значение имеет мнение молодежи о сформированных властью условиях, связанных с медицинской помощью, материнством и жильем. Большинство молодых граждан считали, что государство выполняло свои обязанности по обеспечению «защиты материнства и детства» (55%). Наибольшее недовольство молодые респонденты выразили по поводу невыполнения государством своих обязанностей по обеспечению «права на жилье» (44%). Относительно обеспечения «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» 40% молодых россиян ответили утвердительно, а 31% отрицательно.

Подводя итоги, отметим, что доминирующей тревогой российской молодежи являлась «дороговизна жизни». Большинство молодых граждан возлагали надежды на реформы, с помощью которых можно устранить недостатки в политической системе общества. Молодежь более критично, чем взрослые, оценивает степень развития гражданского общества.

По мнению российской молодежи, скорейшего решения требуют проблемы обеспечения государством «права на жилье», «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» и «защиты материнства и детства». Кроме этого молодые граждане отметили, что государство не в полной мере выполняет свои обязанности по обеспечению «равенства перед законом и судом», «права на благоприятную окружающую среду» и «права на бесплатное образование».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь-декабрь 2018 года / Под общей редакцией В.К. Левашова. – М.: Перспектива, 2019. 59 с.

2. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVII этап социологического мониторинга, май 2018 года / Под общей редакцией В.К. Левашова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. 108 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Ekspress-informaciya. Kakzhivesh', Rossiya? XLVIII etapsociologicheskogomonitoringa, noyabr'-dekabr' 2018 goda / Pod obshchejredakciej V.K. Levashova. – M.: Perspektiva, 2019. 59 s.

2. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Ekspress-informaciya. Kakzhivesh', Rossiya? XLVII etapsociologicheskogomonitoringa, maj 2018 goda / Pod obshchejredakciej V.K. Levashova. – M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2018. 108 s.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТА

Мардахаев Лев Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: mantissa-m@mail.ru

Аннотация. Раскрывается роль социокультурной среды факультета в становлении личности будущих профессионалов, как среды освоения и присвоения ценностей профессиональной и общей культуры, становления профессионально-личностного отношений, жизненной позиции специалиста. Она характеризуется культурой отношений, традициями, профессорско-преподавательским составом, личной и профессиональной культурой, индивидуальным стилем педагогической деятельности, профессиональным воспитанием, студенческим коллективом, студенческим самоуправлением.

Ключевые слова: специалист, культура, профессиональная культура, среда, социокультурная среда.

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF THE STUDENT

Lev V. Mardakhaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor of the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with the youth, Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: mantissa-m@mail.ru

Abstract. The article reveals the role of the socio-cultural environment of the faculty in the formation of the personality of future professionals, as an environment for learning and appropriating the values of professional and general culture, the development of professional personal relationships, and the life position of a specialist. It is characterized by a culture of relationships, traditions, faculty, personal and professional culture, individual style of pedagogical activity, professional education, student body, student self-government.

Key words: specialist, culture, professional culture, environment, socio-cultural environment.

Студенчество – это будущее страны. Уровень профессионализма, культуры и основы будущего авторитета закладывается в вузе. Это требует уважительного отношения к студентам как личностям, которые овладевают профессией. Профессиональное становление каждого студента происходит в социокультурной среде вуза, факультета. Такая среда активно влияет на личность обучаемого своим эстетическим, идейным, духовно-нравственным содержанием, отношениями субъектов образования, их культурой.

В общенаучном смысле, под социокультурной средой образования следует понимать некую составляющую образовательного процесса, в которой субъекты удовлетворяют свои духовные потребности в образовании, расширяют способы познания мира, развивают личностные качества. Как писал Д.С. Лиха-

чев: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной нравственной жизни... для его нравственной самодисциплины и социальности» [1, с. 54].

При подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности необходимо учитывать влияние социокультурной среды факультета, факторов, которые ее определяют и придают своеобразие формированию личности будущего специалиста. С одной стороны, это даёт возможность лучше понять, что представляет собой факультет, где обучается конкретный студент, а с другой – видеть, какие и каким образом создаются условия и обеспечивается его обучение, творческое развитие, подготовка как специалиста.

Факультет представляет собой образовательное пространство формирования определённого типа личности. По своей сущности – это среда освоения и присвоения ценностей профессиональной и общей культуры, среда становления опыта личностно-ориентированных отношений, жизненной позиции будущего специалиста. Она характеризуется профессорско-преподавательским составом, его индивидуальным стилем педагогической деятельности, студенческим коллективом, их отношением к овладению профессией и самопроявлением в студенческом самоуправлении и культурой обслуживающего персонала. Каждый факультет имеет свою материальную базу, методическое обеспечение, систему практик. Его характеризуют сложившийся статус, менталитет, свой микроклимат, традиции. По своей сущности, на факультете формируется особая образовательная корпоративная культура.

Образовательная среда факультета существенно сказывается на профессионально-личностном становлении обучаемого через:

- предоставление студентам свободы выбора мировоззренческих взглядов, идеалов;
- стимулирование развития внутреннего потенциала студента как будущего специалиста;
- сформированную культуру взаимоотношений, образ жизни, поведение;
- организацию учебного процесса;
- участие в научно-исследовательской деятельности, организованный досуг, систему студенческого самоуправления.

Социокультурная образовательная среда факультета функционирует в процессе реализации социально-педагогической практики профессиональной подготовки специалистов, вектор которой направлен на поддержание механизма социокультурного воспроизводства, подразумевающего обязательную долю новаторства как выражение традиционности и преемственности, при активном участии субъектов образовательного процесса. Создание такой воспитательной среды имеет свои технологические особенности и сложности, связанные с тем, что студенты, особенно на первых курсах, имеют определённый опыт отношений, сформированный в системе школьного обучения. Поэтому в создании и развитии социокультурной среды факультета особый акцент делается на коррекции сложившихся взаимоотношений, которые у студентов есть с учетом традиций и культуры, сложившейся на нем.

Профессиональная направленность социокультурной среды факультета рассматривается в нескольких аспектах. Условно их можно классифицировать следующим образом:

- первый курс – вхождение в студенческую среду, процесс адаптации, усвоение основ социокультурного самопроявления, утверждение в профессиональном выборе;
- вторые-третьи курсы – проявление активной позиции студентов с учётом способностей и интересов каждого, овладение основами профессионального мастерства;
- четвёртые-пятые курсы – утверждение основ профессионализма, накопление определенного опыта профессионального поведения.

Важное место в развитии социокультурной среды факультета и содействии становлению личности выпускника занимает профессорско-преподавательский состав, а также организация профессионального воспитания и студенческого самоуправления.

Профессорско-преподавательский состав – это престиж и авторитет факультета. Многие известные ученые, специалисты с большой гордостью считают себя учениками ведущих преподавателей вузов, у которых они учились. Это делает им честь. Социокультурный потенциал профессорско-преподавательского состава во многом определяется его общей и профессиональной культурой, индивидуальным стилем педагогической деятельности. Преподаватель – это тот пример, на котором учатся студенты.

Профессиональное воспитание студентов является частью подготовки специалиста и направлено на стимулирование становления личности выпускника в соответствии с потребностями его профессионального назначения. На факультете профессиональным воспитанием студенческой молодежи непосредственно занимается заместитель декана по воспитательной работе, кураторы учебных групп курса. Главная отличительная черта воспитательной работы заключается в том, что воспитатели помогают организовывать внеаудиторную работу студентов, при этом основное направление в их деятельности – активизировать самоуправление.

Активность студентов в учебном процессе и в различных формах внеаудиторной работы рассматривается как предпосылка их наиболее рационального становления, а также как результат профессионального воспитания. Смыслом воспитательной деятельности является развитие активности студентов во внеаудиторном самопроявлении (культура досуга), активности в научной деятельности (студенческая научная деятельность), помощь в организации студенческого самоуправления, поддержка в практической деятельности.

Студенческое самоуправление создаёт условия для активного привлечения самих студентов к созданию и регулированию образовательной среды своего обитания на факультете. Становясь активными субъектами организации своего бытия на факультете, они тем самым включают мощные мотивационные и стимулирующие импульсы, вводя себя в режим самовоспитания, становясь активным субъектом профессионального воспитания по отношению к сокурсникам, создавая некий актив и группу.

Становясь «хозяевами» жизни факультета, студенты становятся распорядителями своей судьбы и будущего. Однако студенческое самоуправление нуждается не в формальном праве на существование, а в фактическом самостоятельном самопроявлении, определении прав и обязанностей. В этом случае имеет место авторитет студенческого самоуправления, привлекательность и действенность практической деятельности, которая существенно сказывается на формируемой личности специалистов.

Таким образом, подготовка специалиста во многом определяется социокультурной средой факультета, ее профессорско-преподавательским составом, профессиональным воспитанием и развитым студенческим самоуправлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. М.: Сов. Россия, 1981. 71 с.
2. Мардахаев Л.В. Педагог как субъект воспитания // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: матер. Междун. науч.-практ. конф., посв. 130-летию со дня рожд. А.С. Макаренко: в 2 ч. Ч. 1. / под ред. Е.И. Артамоновой. М.: МАНПО, 2018. С. 276–280.
3. Мардахаев Л.В. Профессионально-ориентированная социализация обучающихся и необходимость ее стимулирования // ЦИТИСЭ. 2017. № 3 (12). С. 28.
4. Мардахаев Л.В., Никитина Н.И., Галкина Т.Э. Студент социального университета как субъект профессиональной социально-педагогической подготовки // Социальная педагогика: традиции и инновации: матер. Всеросс. конгр. соц. педагогов с междун. участ., в 4 ч. М.: Издат. РГСУ, 2009. С. 191–194.
5. Мардахаев Л.В. Личность и авторитет преподавателя социокультурной среды вуза // Вестник Калужского университета. 2009. № 3. С. 6–10.

REFERENCES AND SOURCES

1. Lihachev D.S. Zametki o russkom / D.S. Lihachev. M.: Sov. Rossiya, 1981. 71 s.
2. Mardahaev L.V. Pedagogkaksub"ektvospitaniya // Professionalizm pedagoga: sushchnost', soderzhanie, perspektivy razvitiya: mater. Mezhdun. nauch.-prakt. konf., posv. 130-letiyu so dnyarozhd. A.S. Makarenko: v 2 ch. Ch. 1. / pod red. E.I. Artamonovoj. M.: MANPO, 2018. S. 276–280.
3. Mardahaev L.V. Professional'no-orientirovannaya socializaciya obuchayushchihsya i neobhodimost' ee stimulirovaniya // CITISE. 2017. № 3 (12). S. 28.
4. Mardahaev L.V., Nikitina N.I., Galkina T.E. Student social'nogouniversiteta-kaksub"ektprofessional'nojsocial'no-pedagogicheskoypodgotovki // Social'naya pedagogika: tradiciiinnovacii: mater. Vseross. kongr. soc. pedagogov s mezhdun. uchast., v 4 ch. M.: Izdat. RGSU, 2009. S. 191–194.
5. Mardahaev L.V. Lichnost' I avtoritet prepodavatelya sociokul'turnoj sredy vuza // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2009. № 3. S. 6–10.

УРБАНИСТИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ОТРАЖЕНИЕ ВОЗРАСТА И БОЛЕЗНЕЙ В ИНФРАСТРУКТУРЕ ГОРОДА¹

Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и философии Московского государственного гуманитарно-экономического университета (Москва, Россия). E-mail: ellana777@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются новые подходы к формированию современной городской среды с учетом геронтологических, социально-демографических и нозологических фокусов рассмотрения реалий развития общества. Речь идет о той парадигме планирования городов, где принимаются решения, гарантирующие наилучшее устройство города для пожилых и инвалидов с максимальным вниманием к сохранению достоинства людей этих социальных групп.

Ключевые слова: городское пространство, новое старение, поколение 65+, город для жизни, благополучие.

URBAN WELL-BEING: A REFLECTION OF AGE AND ILLNESS IN THE CITY'S INFRASTRUCTURE

Elmira K. Naberushkina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Department of Sociology, Moscow State University of Humanities and Economics (Moscow, Russia). E-mail: ellana777@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of new approaches to the formation of the modern urban environment, taking into account the gerontological, socio-demographic and nosological foci of considering the realities of the development of society. This is the urban planning paradigm, where solutions are considered that guarantee the best organization of the city for the elderly and disabled with maximum attention to preserving the dignity of the people of these social groups.

Key words: urban space, new aging, generation 65+, city for life, well-being.

Старение общества неизбежно влияет на пространственные характеристики среды, в том числе городской. Повышение в структуре населения поколения 65+ побуждает к изменениям не только социальные институты, экономическую сферу, но и инфраструктуру городов. Рассмотрим вопросы о том, возможно ли структурирование стилей жизни пожилых людей через архитектуру, развитие доступности среды и ее инклюзивных свойств, запущены ли сегодня в связи с этим процессы создания новой архитектуры вокруг человеческого тела.

По прогнозам демографов, к середине XXI века средний возраст жителей нашей планеты увеличится с 26,6 до 37,3 лет, а через столетие – уже до

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ 18-011-00290\18 «Урбанистическое благополучие инвалидности»

45,6. При этом доля людей старше 60 лет составит более трети населения. Однако парадоксальным образом организация города по-прежнему рассчитана на усредненного пользователя, и в большей или меньшей степени исключает всех остальных горожан, чей возраст, скорость передвижения или способы ориентации в пространстве не соответствуют стандарту. Городская архитектура, по сути, сконструирована по принципу *onesize*, но этот размер не подходит ни для кого из горожан. С возрастом жилищные, транспортные и социальные потребности человека меняются, а современные пожилые люди все еще могут и хотят вести полноценную жизнь.

Джейн Джейкобс в своей книге «Смерть и жизнь американских городов» [1] детально охарактеризовала роль модернизма в устранении естественного жизнеустройства и сохранения миропорядка на улицах городов. Автор показала, как идея «зонирования» рассыпала традиционный порядок, как логика проживания и работы в отдельных и отдаленных друг от друга местах создала неестественные анклавные зоны, где происходит только одно действие и только в определенное время суток. Зонирование города погасило вибрацию, которая наполняла город смыслом, увеличив не только расстояния между жильем и людьми, но и социальные дистанции, обезличив социальные коммуникации горожан. Пожилые и старые люди в меньшей степени смогли приспособиться к новому урбанизированному устройству и фактически оказались на периферии городской жизни. В ситуации российских городов – это вытеснение пожилых граждан в собственные квартиры, дворы или приусадебные внегородские участки. Современные города отняли у пожилых людей роль хранителей улиц, которую они выполняют разными способами через совершенно типичные повседневные действия: совершая покупки в близлежащих магазинах, слушая, обсуждая происходящее, делая замечания, любыми иными способами, поддерживающими порядок на улице и во дворах жилых домов.

Архитектор Маттиас Холлвич [2] стал основателем парадигмы «новое старение», в рамках которой рассматриваются решения, гарантирующие наилучшее устройство города для пожилых с максимальным вниманием к сохранению достоинства людей старшей возрастной группы. Предложенный подход ориентирован на исследование и применение последних достижений в области архитектуры и урбанистики для решения вопросов, связанных с возрастом. В рамках нового подхода критикуются способы организации жизни пожилых граждан, ориентированные на «хранение» (складирование) старых людей. Модель складирования хорошо прочитывается в обликах домов интернатов и медицинских сервисов длительного пребывания советской эпохи. Несмотря на то, что некоторые из этих мест сегодня декорированы под домашний интерьер, все же штрихи не скрывают факта избегания престарелых, стремления отодвинуть их в закулисные зоны. В желаемой перспективе речь не идет о создании герополисов (городов престарелых), речь идет о переосмыслении традиционных образцов конструирования городской архитектуры с учетом достойной жизни в любом возрасте.

Перспективы развития мировой популяции, связанные с увеличением доли пожилых людей, с концентрацией львиной доли мирового населения в

крупных мегаполисах, указывают на то, что городам необходимо адаптироваться. Средний человек старше 65 лет пешком передвигается со скоростью 3 км/час. В 80 лет этот показатель снижается до 2 км/час, по сравнению со средним показателем для человека трудоспособного возраста в 4,8 км/час. Сокращение расстояния между транспортными остановками, магазинами, скамейками, общественными туалетами и островками безопасности, позволяющими по времени дольше переходить дорогу, побуждают пожилых людей выходить на улицу, гулять и использовать общественный, а не личный транспорт. Глобальная адаптация городской инфраструктуры с учетом возрастных физических и интеллектуальных особенностей – это огромная проблема для городов мира, им нужно будет измениться, чтобы пожилые люди продолжали играть активную роль в сообществе и не оказывались в изоляции, негативно влияющей на все параметры здоровья. Требования к современному городу давно вышли за рамки элементарной доступности с пандусами, широкими тротуарами и адаптированными светофорами. Сегодня важны решения, упрощающие навигацию по улицам людей с деменцией и другими возрастными состояниями психического здоровья. Вместе с тем о городской политике большинства российских городов можно сказать, что она пиксельно реагирует на социально-демографические и нозологические сдвиги в структуре населения. Стратификационная картина городов и регионов России показывает преимущественно несостоятельность городских управ работать не только не на опережение, но и на решение текущих задач обеспечения доступности городов. Достаточно привести пример снежного коллапса, возникшего в г. Саратов зимой 2019 г., когда городские власти показали абсолютную несостоятельность и инфантильность [3].

Города, реализующие стратегию расширения доступности, будут опережать остальные территории, по многим параметрам: экономика, возрастание доли креативного класса, более высокие показатели социальной солидарности, рост уровня социального благополучия горожан, развитие культуры инклюзии. Опережающий дизайн сегодня предполагает формирование проектов с учетом старения и ограничения возможностей здоровья. Скандинавские страны преуспели в развитии таких проектов, а опыт Японии как страны с высокой продолжительностью жизни уникален с точки зрения организации компактных городов с высокой плотностью населения, которые нацелены на превенцию изоляции пожилых и людей с ограничениями подвижности и самообслуживания.

В прогрессивной логике, старение перестает осознаваться как проблема, а признается драйвером для изменения и переосмысления городов. неизбежно возникает вопрос о том, что делает город дружественным для пожилого человека. По результатам исследований, проводимых Манчестерским институтом совместных исследований старения [4], город становится дружественным пожилому человеку не только за счет высокотехнологичных решений, но одним из важнейших моментов является человеческий контакт, включающий встречи, взаимные посещения, участие в мероприятиях, культура соседства и иное сотрудничество горожан по широкому кругу интере-

сов. Не существует единого рецепта создания таких городов, но есть много важных мелочей, которые могут сделать город благополучным, успешным и комфортным для жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство. 2015. 460 с.
2. Маттиас Холлвич: Город для любого возраста. Доступно по адресу: <http://www.projectnext.ru/events/?id=1294>. Дата обращения 12.09.2018.
3. Снежный коллапс. Саратовцы потребовали отставки губернатора. Доступно по адресу: <https://nversia.ru/news/snezhnyy-kollaps-saratovcy-potrebovali-otstavki-gubernatora-iz-za-kommunalnogo-bespredela>. Дата обращения 13.02.2019.
4. Age friendly cities // Manchester Institute for Collaborative Research on Ageing. Доступно по адресу: <https://www.micra.manchester.ac.uk/research/public-engagement/> Дата обращения 12.01.2019.

REFERENCES AND SOURCES

1. Dzhejkobs D. Smert' izhizn' bol'shih amerikanskih gorodov. M.: Novoe izdatel'stvo. 2015. 460 s.
2. Mattias Hollvich: Gorod dlya lyubogo vozrasta. Dostupno po adresu: <http://www.projectnext.ru/events/?id=1294>. Data obrashcheniya 12.09.2018.
3. Snezhnyjkollaps. Saratovcypotrebovaliotstavkigubernatora. Dostupno po adresu: <https://nversia.ru/news/snezhnyy-kollaps-saratovcy-potrebovali-otstavki-gubernatora-iz-za-kommunalnogo-bespredela>. Data obrashcheniya 13.02.2019.
4. Age friendly cities // Manchester Institute for Collaborative Research on Ageing. Dostupno po adresu: <https://www.micra.manchester.ac.uk/research/public-engagement/> Data obrashcheniya 12.01.2019.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Аннотация. Раскрывается важность религиозно-правового образования и духовно-нравственного воспитания студентов в целях стабилизации межэтнических отношений в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, межэтнические отношения, религиозно-правовое образование.

RELIGIOUS AND LEGAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE STABILIZATION OF INTER-ETHNIC RELATIONS AMONG YOUNG PEOPLE

Vera B. Romanovskaya, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Abstract. The article reveals the importance of religious-legal education and the spiritual and moral education of students, in order to stabilize inter-ethnic relations among young people.

Key words: youth, inter-ethnic relations, religious and legal education.

Современное российское государство обращает особое внимание на «молодежное направление» в социальной политике. В базовых документах, определяющих основные направления развития российского государства, подчеркивается особая роль образования и воспитания подрастающего поколения в деле сохранения отечественных духовных и культурных ценностей, обеспечения безопасности государства, его стабильности и устойчивого развития [1; 2; 3].

Российское студенчество – это особый калейдоскоп, где переплетены интересы личные, национальные, религиозные, земляческие. В нем сосуществуют различные культурные традиции, языки, связи, предпочтения, антагонизмы. В современных российских университетах обучается значительное количество иностранных граждан и лиц без гражданства, приехавших из африканских и азиатских государств по различным гуманитарным программам с целью получения российского образования. Как правило, эти студенты не говорят на рус-

ском языке, осваивая его постепенно в процессе обучения. Иностранные студенты привносят в аудиторию свою культуру, свои представления о допустимом и недопустимом поведении, о правилах и приличиях в общении с другими, свое понимание общежития в самом широком контексте. Университетская среда становится «плавильным котлом», где должны переплавиться и притереться друг к другу разные обычаи и традиции и превратиться в общее студенческое пространство культурных и образованных людей.

Образовательная среда современной молодежи отличается многонациональным характером, разным религиозным составом студентов, включающих не только граждан России, но и ближнего и дальнего зарубежья, Азию и Африку. Культурные традиции этих регионов весьма разнообразны, даже внутри одного региона имеются религиозно-культурные противоречия и трудности взаимопонимания. Студенческая среда, отличающаяся повышенной активностью во всех отношениях, недостаточностью жизненного опыта и мудрости, несдержанностью в высказываниях и поступках, может легко превратиться в «горячую точку» города и страны, если недобросовестные политтехнологи направят свои усилия в нужном для них русле.

Мы видим перед собой задачу уберечь студентов от необдуманных поступков, привить им навыки добрососедства и позитивной межкультурной и межрелигиозной коммуникации, связать религию, культуру и право в единый цивилизационный комплекс, показать общность базовых культурных устремлений различных народов и общность базовых принципов разных религий. История Российского государства демонстрирует удачный опыт консолидации разных религиозных, национальных, этнических традиций на одном жизненном пространстве. Вся тысячелетняя история православия есть история «сдруживания» или «притирания» с языческой культурой посредством общих праздников, народных обычаев, бытовой культуры, а также история выстраивания добрососедских отношений с мусульманами, буддистами, иудеями. Разнообразие культур, религий, традиций – есть мощная российская сила, противостоящая западной идее «однополярного» мира. Наличие религиозного и национального многообразия, ментальность общества, особый тип мышления, стереотипы отношения к окружающему миру – все это является определенной защитой от пропагандируемой на западе однополярной модели мира. Старшее поколение находится под этой защитой, но не молодежь, которая живёт в другой информационной среде. Эта среда формируется социальными сетями, интернет пространством, которое далеко не так дружелюбно и, к несчастью, имеет множество способов, чтоб всколыхнуть самые негативные эмоции у молодых людей.

Связь правовых ценностей с религиозно-нравственными основами в западном мире оказалась практически разорванной. В восточном (в цивилизационном контексте) мире и арабо-мусульманском мире, напротив, связь права с религиозно – нравственными ценностями никогда не прерывалась. В российском обществе, находящемся на границе западного и восточного культурного пространства, присутствуют обе тенденции, что находит отражение в различных концепциях правопонимания, в которых религии отводится совер-

шенно разная роль: от полного отсутствия в деле формирования правосознания до главного фактора, формирующего правосознание человека. В среде студентов юридического факультета отмечается устойчивый интерес к данной проблематике. Учебный курс «Религия и право» пользуется высоким спросом в списке дисциплин по выбору студентов.

В России за долгие годы атеизма, насаждаемого государственной образовательной политикой советской власти, враждебность к религии вообще, как таковой, сменилась в постсоветский период на интерес к своей религии, окрашенный при этом эмоциональной враждебностью к «чужой» религии. Появился интерес к своей национальной или территориальной религии, но при этом усилился антагонизм по отношению к другим религиозным традициям. И хотя, благодаря грамотной религиозной политике государства, удалось наладить внешний конфессиональный мир между историческими религиями (ислам, иудаизм, буддизм, православие и католицизм), за пределами этого мира остались другие конфессии, не менее древние и имеющие свою историю на территории России.

На юридическом факультете Нижегородского государственного им Н.И. Лобачевского предлагается учебный курс, входящий в перечень дисциплин по выбору, «Религия и право». В рамках данной дисциплины эти религии изучаются, при этом делается акцент на тех религиозных традициях, которые в меньшей степени заражены непримиримостью и открыты к совместному поиску истины, к искреннему межконфессиональному диалогу. В дисциплине раскрывается связь христианства и права, исламских масхабов и шариата, индуизма и дхармы-права, иудаизма и ветхозаветных правовых норм, особенности нормативных предписаний зороастризма, буддизма, махаяны и хиноймы, бахаизма, конфуцианства и легизма и других не религиозных, но духовных учений. Культурные и религиозные особенности этих религии не известны широкому кругу людей. К сожалению, весьма часто незнание, непонимание, невежество порождает агрессию, что для социально нестабильного государства представляет опасность. Поэтому «изучение нетрадиционных для России, но присутствующих в современном обществе религиозных традиций, является не только интересным, но и социально полезным делом» [4]. Необходимо объяснять студентам духовно-нравственные основы всех религиозных и нерелигиозных духовных учений, догматику, основные принципы, ценности, ритуалы, заповеди, философию учений. Для студентов-юристов, конечно, требуется показать связь с правом – прямую, непосредственную, как в шариате или каноническом праве, или опосредованную, через государственное законодательство или менталитет народа.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что одной из угроз национальной безопасности «в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной не-

терпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» [3].

Значительную часть студенческого сообщества составляют молодые люди и девушки, исповедующие ислам, причем не только традиционный для России суннитского толка, но и ряд других направлений ислама. Поэтому тематика, связанная с мусульманским правом, правами человека в исламе, семейными отношениями, преступлением и наказанием, соотношением норм ислама и государственного законодательства в светских государствах, – все эти вопросы вызывают живой интерес. Проповедники крайнего ислама проникают в Россию, в Кавказские регионы, оказывая негативное, разрушительное воздействие на молодежь, склоняя к противоправным действиям под видом борьбы за ислам. В этих условиях становится совершенно очевидным, что изучение классического миролюбивого ислама, борьба за умы российских мусульман – есть дело архиважное как в плане образовательно-культурном, так и в плане политическом.

Конфликтные ситуации, которые неизбежно возникают в молодежной среде, часто приобретают национальную или религиозную окраску. Но если глубже рассматривать суть того или иного конфликта, становится очевидным, что в большинстве случаев в основе его лежат не религиозные противоречия, а невоспитанность его участников, бескультурье, агрессия, высокомерие, зависть, ревность, амбиции и прочие негативные качества личности, препятствующие нормальному и продуктивному общению. В результате, если у участника конфликта не хватает аргументов, он переходит к применению силы под видом защиты национальных или религиозных ценностей.

В Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» особо подчеркивается необходимость создания системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности [3].

Полностью предотвратить конфликты в молодежной среде невозможно, но через систему религиозно-правового образования и воспитания возможно снизить их накал, уменьшить количество, хотя бы в университетской сфере. При постоянном и целенаправленном образовательно-воспитательном процессе через систему учебных дисциплин и внеурочных культурных мероприятий, акцентированных на межэтническое взаимодействие, можно поддерживать стабильные отношения в молодежной университетской среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СПС КонсультантПлюс

3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

4. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов. // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2015, № 41. С. 16–22.

REFERENCES AND SOURCES

1. «Konstituciya Rossijskoj Federacii» (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetompopravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) // SPS Konsul'tantPlyus

2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 28.09.2018) <O koncepcii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii naperiod do 2020 goda> (vmeste s «Koncepciej dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii naperio do 2020 goda») // SPS Konsul'tant Plyus

3. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPlyus

4. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. Nacional'naya ideyailipravovoe gosudarstvo cherez prizmu nacional'nyh interesov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. Ufa, 2015, № 41. S. 16–22.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛИЦ С ОВЗ В ВОЛГОГРАДСКОМ РЕГИОНЕ¹

Скобелина Наталья Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: volnatmax@mail.ru

Аннотация. Доступная среда необходима для безопасного перемещения инвалидов и лиц с ОВЗ в городском пространстве, для их интеграции в общество, для активного участия в общественной жизни. В последние годы в Волгоградском регионе создаются новые технологии, направленные на формирование безбарьерной среды для лиц с ОВЗ и инвалидов.

Ключевые слова: лица с ОВЗ и инвалиды, доступная среда, новые технологии.

TECHNOLOGIES OF A BARRIER-FREE ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE VOLGOGRAD REGION

Natalia A. Skobelina, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Social Work and Pedagogics, Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University (Volgograd, Russia). E-mail: volnatmax@mail.ru

Abstract. A barrier-free environment is needed for people with disabilities to move safely and freely, to help them integrate into society. The goal of the accessibility standards is to contribute to improving equal access for people with disabilities. New technologies are being developed in the Volgograd region.

Key words: people with disabilities, a barrier-free environment, new technologies.

Создание «безбарьерной среды» является общественным благом и связано с социально-экономическим и политическим развитием современного российского государства. Актуальность решения проблемы формирования доступной среды для лиц с ограниченными возможностями в Волгоградской области обусловлена ее масштабностью (более 7 % населения региона являются инвалидами), сложной демографической ситуацией. В 2018 г. в Волгоградской области проживало 186 191 инвалидов, из которых – 8 208 дети-инвалиды. Среди них первую группу имели 20 375 человек, вторую группу – 81 786 человек, третью группу – 75 822 человека [1]. Главным субъектом в процессе формирования доступной среды для лиц с ОВЗ выступает государство. Однако в условиях рыночной экономики оно не справляется с проблемой обеспечения доступности в силу недостаточности средств для развития

¹ Тезисы написаны при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ № 18-413-342004) «Технологии СО НКО в условиях формирования доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья в Волгоградском регионе».

данной сферы. Поэтому, определяя субъектов, активно участвующих в процессе формирования доступной среды в регионе, наряду с органами власти следует выделить и общественные институты, и экономические, информационные практики, и бизнес-структуры. Региональное государственно-частное партнерство представляет собой совокупность формальных практик и неформальных контрактов по совместному использованию материальных и нематериальных ресурсов общества и частного сектора для создания доступной среды, оказания социальных услуг для лиц с ОВЗ.

Доступная среда необходима для безопасного перемещения инвалидов и лиц с ОВЗ в городском пространстве, для их интеграции в общество, для активного участия в общественной жизни. В последние годы в регионе созданы новые технологии, направленные на формирование безбарьерной среды для лиц с ОВЗ. В региональном и муниципальном законодательстве определены основные направления по обеспечению условий доступности объектов и услуг в различных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения: реабилитация лиц с ОВЗ в медицинских реабилитационных центрах, осуществление социальной реабилитации в государственных учреждениях, развитие доступной транспортной инфраструктуры, включая институт социального такси. В городском пространстве Волгограда внедряются технологии, разрабатываемые и применяемые в сфере занятости и социальной поддержки лиц с ОВЗ и инвалидов. В муниципальной программе делается акцент на обеспечении инклюзивного образования детей-инвалидов в МОУ Волгограда. Большое внимание уделяется адаптации объектов социальной и транспортной инфраструктуры. Специфика молодежи как возрастной группы, множество современных молодежных проблем послужили причиной создания инновационных технологий, способствующих вовлечению молодых людей с ОВЗ в социально-экономическую и культурную жизнь общества. Новые технологии в системе физической культуры направлены на содействие адаптации инвалидов в городском пространстве посредством физической культуры и спорта. В информационном обществе большая роль отводится информационно-коммуникативным технологиям, созданию дистанционной формы оказания реабилитационных услуг для лиц с ОВЗ.

В Волгоградском регионе реализуется план мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг на период с 2016 по 2030 гг. В 2017 г. утверждена государственная программа Волгоградской области «Социальная поддержка и защита населения Волгоградской области», в рамках которой реализуется подпрограмма «Формирование доступной среды жизнедеятельности для инвалидов и маломобильных групп населения» [2].

Волгоградская область относится к одному из регионов, которому с 2014 г. выделяется субсидия из федерального бюджета на софинансирование расходов на реализацию мероприятий в сфере обеспечения доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения (за 2014–2017 гг. – 184370,8 тыс. рублей). Общий объем финансирования подпрограммы состав-

ляет 108535,3 тыс. руб. В результате реализации мероприятий по адаптации приоритетных объектов к концу 2018 г. было адаптировано 927 объектов, что составляет 68 % от общего количества объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры.

В организациях социального обслуживания, находящихся в ведении Комитета социальной защиты населения Волгоградской области, применяется дистанционная форма оказания реабилитационных услуг. Используется информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, предоставляются транспортные услуги инвалидам и детям-инвалидам службами «Социальное такси», расположенные на территориях г. Волгограда, г. Волжского, г. Камышина и Камышинского района, г. Михайловки и Михайловского района, г. Урюпинска и Урюпинского района, Жирновского и Котовского районов. Правом на получение данных услуг пользуются инвалиды I и II групп с нарушениями опорно-двигательного аппарата и дети-инвалиды. В 2018 г. транспортными услугами воспользовались 429 человек (инвалиды I группы – 130 человек, инвалиды II группы – 192 человека, дети-инвалиды – 107 человек).

С целью оказания инвалидам дополнительной поддержки в рамках региональной программы осуществляется мероприятие по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации. За 2018 г. было выдано 315 ТСР [3].

В последние годы активно создается модель безбарьерной среды для лиц с ОВЗ и инвалидов. В региональном и муниципальном законодательстве определены основные направления по обеспечению условий доступности объектов и услуг в различных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения: реабилитация и абилитация лиц с ОВЗ в медицинских реабилитационных центрах, осуществление социальной реабилитации в государственных учреждениях, развитие доступной транспортной, социальной, инновационной инфраструктуры. Модель доступной среды включает в себя как физическую, медицинскую, морально-нравственную, информационную, правовую, так и социально-экономическую составляющие. Социально-экономическая составляющая доступной среды предполагает развитие доступной транспортной инфраструктуры, материальную обеспеченность учреждений для создания безбарьерной среды, проекты, гранты СО НКО и государственных структур. Важным являются технологии, разрабатываемые и применяемые в сфере занятости и социальной поддержки лиц с ОВЗ и инвалидов.

Несмотря на то, что работа по формированию доступной среды жизнедеятельности инвалидов и лиц с ОВЗ в Волгоградском регионе продолжается уже несколько лет, из-за своей многогранности и комплексного масштаба она остается по-прежнему востребованной и актуальной. В связи с этим необходимо выполнение долгосрочных мероприятий, создания партнерских отношений, обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия органов власти всех уровней и общественных институтов, а также привлечение различных источников финансирования, не только средств федерального бюджета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
2. Постановление Администрации Волгоградской обл. от 25.09.2017 N 504-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Социальная поддержка и защита населения Волгоградской области» (ред. от 28.12.2018) // Волгоградская правда. 2017. № 166.
3. Постановление Правительства Волгоградской обл. от 12.08.2013 N 389-п «О Порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации за счет средств областного бюджета» (ред. от 14.08.2017) // Волгоградская правда. 2013. № 153.

REFERENCES AND SOURCES

1. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/>
2. Postanovlenie Administracii Volgogradskoj obl. ot 25.09.2017 N 504-p «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Volgogradskoj oblasti «Social'naya podderzhka i zashchita naseleniya Volgogradskoj oblasti» (red. ot 28.12.2018) // Volgogradskaya pravda. 2017. № 166.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Volgogradskoj obl. ot 12.08.2013 N 389-p «O Poryadke obespecheniya invalidov tekhnicheskimi sredstvami reabilitacii za schet sredstv oblastnogo byudzheta» (red. ot 14.08.2017) // Volgogradskaya pravda. 2013. № 153.

МОЛОДЕЖЬ В НОВОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Стегний Василий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: socio@pstu.ru

Аннотация. Рассматривается молодежная политика в современном российском обществе. Анализируется демографическая ситуация в России, ее основные тенденции, проблемы, место и роль молодежи в демографическом пространстве, политика государства в отношении молодежи разных возрастных групп. Выделен ряд направлений в подготовке молодежи к новому ее статусу в новом информационно-инновационном обществе.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, демографическая ситуация и молодежь, молодежь и инновационное общество.

YOUNG PEOPLE IN THE NEW SOCIAL SPACE AND SOCIAL TIME

Vasiliy N. Stegnyy, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of the Department of Social Science and Political Science, Humanitarian Faculty, Perm national research Polytechnic University (Perm, Russia). E-mail: socio@pstu.ru

Abstract. Youth policy in modern Russian society is considered. The author analyzes the demographic situation in Russia, its main trends, problems, the place and role of youth in the demographic space, the state policy towards young people of different age groups. A number of directions in preparation of youth for its new status in the new information and innovative society are allocated.

Key words: youth, youth policy, demographic situation and youth, youth and innovative society.

В последние три десятилетия демографическая ситуация в России, как и в странах Запада, характеризовалась тенденцией сокращения численности населения. С 1992 по 2012 гг. в стране не было естественного прироста населения, 2013–2016 гг. отмечены некоторым естественным приростом, а в 2017–2018 гг. снова смертность начала доминировать над рождаемостью. С 2009 по 2018 гг. эта разница в численности населения покрывалась мигрантами, а с 2018 г. она снова ушла в минус [1, с. 2–3]. В каждом третьем российском регионе людей умирает в 1,5–2 раза больше, чем рождается. Даже приток мигрантов перестал покрывать эту разницу.

По оценкам экспертов, население России в ближайшие 10 лет продолжит сокращаться. По самым оптимистичным оценкам, потери составят около 5 млн. человек. Самый глубокий демографический провал придется на 2026 г., когда основной детородной группой будут женщины, родившиеся в 1999 г.

Это был год самой низкой рождаемости в стране за 30 лет. Сейчас начали рожать женщины, появившиеся на свет в 90-е гг. Это самое малочисленное поколение в новейшей истории, значит, и детей сможет родиться мало [2, с. 3]. Конечно, поскольку любой прогноз носит вероятностный характер, есть и другие варианты прогноза демографической ситуации и рождаемости в России [3, с. 85–99]. Очень многое будет зависеть от того, какая будет проводиться демографическая политика в обществе. Исходя из данной демографической ситуации в стране, государство определилось со стратегией своего развития на ближайшие 10–15 лет. Главная стратегическая задача развития общества – это решение, прежде всего, демографической проблемы, роста численности населения, а, следовательно, и молодежи. Решать данную проблему предлагается несколькими путями, среди которых – естественный прирост населения, а, следовательно, рост численности молодежи в обществе прогнозируется за счет увеличения количества детей в семье. Двухдетная семья стала в России распространенной моделью, но для преодоления провала 90-х годов, надо, чтобы популярной стала трехдетная семья. Следует сделать акцент на появлении третьего ребенка [4, с. 54]. Реальные расходы семьи на рождение и воспитание ребенка до 18 лет около 4 млн. рублей. Сегодняшний материнский капитал значительно меньше той суммы, которая необходима. Надо сделать так, чтобы родительский труд был тоже вознагражден. Вышедшие указы Президента РФ направлены не только на решение демографической проблемы, но и на то, чтобы в центр государственной политики современного российского общества ставилась молодежь. На решение демографической проблемы, наряду с экономическими мерами, направлено развитие медицины, здравоохранения, образования, культуры, массового спорта, решение экологических проблем, обеспечение населения качественными продуктами питания, решение жилищно-коммунальных вопросов, создание в обществе комфортной среды, рост материального благополучия.

На развитие указанных сфер жизнедеятельности нацелены принимаемые в 2018–2019 гг. государственные программы, главная среди них демографическая. Такой подход к решению общественных проблем обуславливает формирование новой модели социально-экономического развития страны на ближайшее и отдаленное ее социальное будущее [5, с. 8–15].

Другая задача современной молодежной государственной политики – подготовить молодежь к построению, развитию инновационного общества и жизнедеятельности в нем. Будущее общество рассматривается как электронное, цифровое, информационное, рыночное, демократическое, инновационное, общество риска. Становление такого общества связывают с новым технологическим укладом, основанным на кибер, цифре, информации. Кто эту триаду освоит, тот совершит не только технологический прорыв, но и выведет социально-экономическое развитие общества на вершину мирового развития. Основу такого общества составляет информативность, при которой деятельность человека начинает основываться и на информационных технологиях [6, с. 121–210].

Когда говорят об инновационном обществе, инновационной экономике, речь идет и о знаниевой, цифровой экономике, обществе, где интеллектуальная форма собственности в ВВП начинает играть определяющую роль. Становление нового типа общества, его экономического и технологического уклада, обуславливает потребность в формировании нового типа личности, работника нового молодого поколения, соединяющего в себе знания, информацию, труд, капитал, квалификацию, культуру, нравственность. Речь идет о гармонично развитой личности, человеке-творце, а не о разумном потребителе. Основу такой личности составляет интеллект человека, опирающийся на его научность, образованность, широкую эрудицию и профессионализм.

Основой деятельности такого человека является внутренний контроль, основанный на саморазвитии, самообразовании, саморегулировании, самоуправлении. Он должен быть определяющим по отношению к внешнему контролю. Это те свойства, которыми должна овладеть молодежь современного общества, ориентируя его на будущее развитие. Инновационное российское общество будет таким, каким она его создаст. Поэтому молодежная политика направлена на понимание современной молодежью своего статуса не только в настоящем, но и в будущем обществе, формирование у нее новых инновационных ценностей, жизненных планов, жизненной стратегии, жизненного пути, цели и смысла жизни, идеалов, основанных на инновационном развитии российского общества.

Решение указанных проблем не произойдет само по себе стихийно, так как общество не может дрейфовать куда попало, это требует конкретной целенаправленной организационной работы с молодежью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Тимаков В.В. Население России сократилось впервые за 10 лет // Комсомольская правда. 2019. 30 января – 6 февраля.
2. Кривякина Е. Эксперты прогнозируют, что рост рождаемости начнется только после 2030 года // Комсомольская правда. 2019. 25 января.
3. Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Федеральная служба гос. статистики. М., 2013. 717 с.
4. Стегний В.Н. Прогнозирование количества детей в семье в социальном будущем // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества: Сб. Материалов междунар. научно-практ. конф. (г. Уфа, 10–11 декабря 2015 г). Уфа: АЭТЕРНА, 2015. С. 51–54.
5. Стегний В.Н. Прогнозирование модели социально-экономического развития страны, территории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 9–20.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – Традиции, 2000. 280 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Timakov V.V. Naselenie Rossii sokratilos' v pervye za 10 let // Komsomol'skaya pravda. 2019. 30 yanvarya – 6 fevralya.
2. Krivyakina E. Eksperty prognoziruyut, chto rost rozhdaemosti nachnetsya tol'ko posle 2030 goda // Komsomol'skaya pravda. 2019. 25 yanvarya.
3. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2013: stat. sb. / Federal'naya sluzhba gos. statistiki. M., 2013. 717 s.
4. Stegnij V.N. Prognozirovanie kolichestva detej v sem'e v social'nom budushchem // ZHiznennyj potencial regiona: social'no-demograficheskie problemy sovremennogo obshchestva: Sb. Materialov mezhdunar. nauchno-prakt. konf. (g. Ufa, 10–11 dekabrya 2015 g). Ufa: AETERNA, 2015. S. 51–54.
5. Stegnij V.N. Prognozirovanie modeli social'no-ekonomicheskogo razvitiya strany, territorii // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2018. № 1. S. 9–20.
6. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress – Tradicii, 2000. 280 s.

СОЦИАЛЬНОЕ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Фирсов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-медицинской реабилитации Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы (Москва, Россия). E-mail: mihail_firsov@mail.ru

Аннотация. Анализируются проблемные аспекты системы социального геронтологического образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: геронтология, социальная работа, социальное образование.

SOCIAL GERONTOLOGICAL EDUCATION

Mikhail V. Firsov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Social and Medical Rehabilitation, Institute of Additional Professional Education for Social Workers, Department of Labor and Social Protection of the City of Moscow (Moscow, Russia). E-mail: mihail_firsov@mail.ru

Abstract. Problematic aspects of the system of social gerontological education in the Russian Federation are analyzed.

Key words: gerontology, social work, social education.

Социально-исторический контекст

Мировой контекст. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, в мире насчитывается 35,6 млн. пациентов, страдающих деменцией. Ежегодно количество больных увеличивается на 7,7 млн. пациентов. В США, Канаде, в странах западной Европы к 2050 г. ожидается больных деменций в возрасте 65–85 лет 115 млн. человек.

Российский контекст. В Российской Федерации сложилась система социального образования. В систему социальной защиты населения переходят учреждения специального коррекционного образования и здравоохранения.

Таблица 1

	2018
Все население, тыс. человек	146880,4
в том числе в возрасте старше трудоспособного	37362,6
Доля численности населения в возрасте старше трудоспособного во всем населении, %	25,4

Политика деинституционализации (макроуровень)

Политика валоризации

- поддержка людей, переходящих на пенсию,
- предоставление людям большего контроля над своей собственной жизнью,

- поддержка опекунов,
- улучшение здравоохранения для людей с ограниченными возможностями здоровья,
- содействие в выборе и контроле над жильем,
- улучшение доступа к занятости,
- развитие высококачественного обслуживания, соответствующего цене и качеству обслуживания,



Политика деинституционализации (мезоуровень)

Таблица 2

Классификация социальных работников	Количество – год	Примечание
Социальный работник	840 000 (на 2000 год)	Независимо от профессиональной подготовки
Лицензированный социальный работник	310 000 (на 2004 год)	Имеющий лицензию на самостоятельную деятельность
Социальный работник	450 000 (на 2000 год)	Вакансии, для кандидатов без базового образования
Клинический социальный работник	193 000 (на 1998 год)	На базе магистерских диссертаций
Социальный работник	603 000 (на 2000 год)	Бакалавры, по аккредитованным программам (NASW) и (CSWE)
Итого, работающих в социальной сфере	1 946 000	

К 2030 г. прогнозируется, что понадобится 70 000 геронтологических социальных работников.

Политика деинституционализации (мезоуровень). ФРГ

2014 г. Diakonie представляет социальные проекты всех протестантских церквей Германии.

28 100 стационарных и амбулаторных учреждений – от домов престарелых и больниц до благотворительных центров.

450 000 социальных работников, занятых на полный и неполный рабочий день.

2014 г. – 1 039 000 социальных работников/социальных педагогов.

Социальное образование в РФ как социально-политический проект транзитивного общества. Уроки истории

- десоветизация
- поддержка непроизводительных слоев населения
- создание рабочих мест для безработных женщин
- система контроля за молодежью

Российская Федерация

- «Политика нового эгалитаризма» – «строительство» пост- транзитивного общества
- Инвалидизация
- Деинституциализация
- Социально-геронтологическое образование как проект посттранзитивного общества
- Переход от студент-центрированного образования к клиент-центрированному образованию

Политика деинституциализации (макроуровень). РФ

Домашний уход

Снижение доли репродуктивного труда среди пенсионеров.

Можно отметить, если в 2011 г. 22% женщин в возрасте 55 лет и старше осуществляли ежедневный уход за детьми, то в 2016 г. – 21,6%.

Снижение наблюдается в данной группе и по направлению ухода «за другими лицами, нуждающимися в посторонней помощи, без оплаты, соответственно с 7,9% в 2011 г., до 6,5 % 2016 г.



В 2016 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 363 некоммерческих организаций.

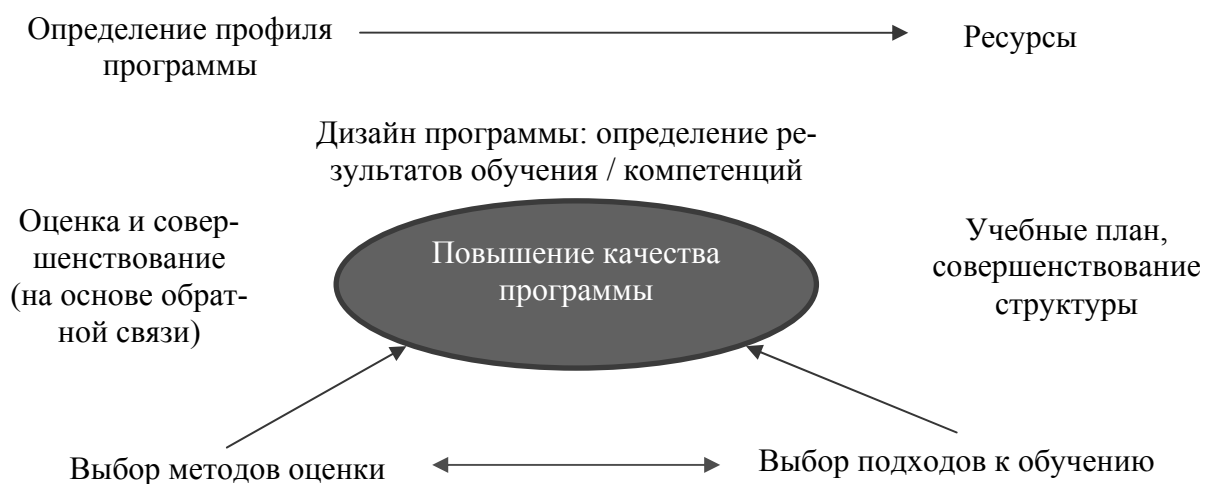
Практика социального служения Русской Православной Церкви осуществлялась в Российской Федерации в этот период в 18191 организациях

- в более 400 проектах помощи инвалидам,
- в 63 православных храмах и общинах велась работа с глухими и слепоглухими людьми,
- более в 200 церковных центрах помощи осуществлялась работа с наркозависимыми клиентами, в том числе работа была реализована в более 70 реабилитационных центрах,
- более 500 православных организаций помогали алкозависимым клиентам и их родственникам, в том числе в более 60 реабилитационных центрах и в 300-ах обществах, братствах и группах трезвости.

Основные противоречия отечественного социального образования в контексте вызовов инвалидизации

- в содержании образования:
между медицинским и социальным геронтологическим образованием, социальным образованием и социальным геронтологическим образованием
- в практике:
между технологиями образования традиционных вузов и технологиями образования и образовательными технологиями «в течение всей жизни»

Социальное геронтологическое образование в методологии «Тюнинг»



ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВНЕДРЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЕНСИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Шашуров Сергей Евгеньевич, заместитель управляющего Отделением Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан (Казань, Россия). E-mail: sshashurov@013.pfr.ru

Аннотация. Пенсионный возраст для назначения трудовой пенсии по старости в 60 лет для мужчин и в 55 лет для женщин начал устанавливаться в нашей стране для разных категорий рабочих еще в конце 20-х годов прошлого столетия. Повышение пенсионного возраста позволит обеспечить рост пенсий для неработающих пенсионеров за счет индексации, существенно превышающей уровень фактической инфляции (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»). Описываются предпосылки принятия решения о повышении пенсионного возраста и изменения в пенсионном законодательстве, связанные с принятием данного решения.

Ключевые слова: пенсионный возраст, социальное обеспечение, пенсионная реформа, демография, законодательство.

PENSION REFORM: PREREQUISITES AND INTRODUCTION OF CHANGES IN THE PENSION LEGISLATION

Sergey E. Shashurov, Deputy Manager of Department of Pension Fund of Russian Federation across the Republic of Tatarstan (Kazan, Tatarstan). E-mail: sshashurov@013.pfr.ru

Abstract. The retirement age for appointment of old-age pension in 60 years for men and in 55 years for women began to be established in our country for different categories of workers still in the late twenties of last century. Raising the retirement age will allow to provide growth of pensions for unemployed pensioners due to the indexation significantly exceeding the level of the actual inflation (according to the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "About the national purposes and strategic problems of development of the Russian Federation until 2024"). In article the author describes prerequisites of making decision on raising the retirement age and the changes in the pension legislation connected with adoption of this decision.

Key words: retirement age, social security, pension reform, demography, legislation.

Пенсионный возраст для назначения пособия по старости устанавливался в России для разных категорий рабочих еще в начале прошлого столетия. В 20-е годы прошлого века, в момент установления пенсионного возраста, продолжительность жизни в России составляла всего 43 года. Действующий пенсионный возраст был установлен во времена тяжелых условий труда и жизни, во времена индустриализации и войн. Сегодня ситуация кардинально из-

менилась: улучшены условия труда и жизни граждан, качество медицинского обслуживания, в экономике преобладают служащие, работники сферы услуг, фрилансеры и самозанятые. Это положительно сказывается и на продолжительности трудоспособного периода жизни человека.

Сегодня практически все страны уже повысили пенсионный возраст. Начало повышения пенсионного возраста в странах мира – 80-е годы XX в.

Среди близких нам по условиям жизни стран евразийского пространства и восточной Европы все страны, за исключением Узбекистана, повысили пенсионный возраст. Для мужчин пенсионный возраст на уровне 65 лет установлен в Молдавии, Азербайджане, а пенсионный возраст для женщин на уровне 63 года установлен в Армении и уже повышается в Казахстане.

В странах Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва) к 2025–2027 г. пенсионный возраст будет повышен до 65 лет, а в странах Старого света (Германия, Испания, Италия) в 2020-е годы – до 67 лет как для мужчин, так и для женщин.

Решение об увеличении продолжительности трудоспособного периода жизни обусловлено формированием совершенно иной демографической ситуации с учетом мировой тенденции старения населения. Если в 1970 г. было в среднем 3,7 человек трудоспособного населения на одного пенсионера, то в 2019 г. этот показатель составит примерно 2,1 человек в трудоспособном возрасте на одного пенсионера.

Российская пенсионная система построена по солидарному принципу, поэтому с учетом данной демографической тенденции обеспечивать достойный рост пенсий в будущем будет затруднительно. Если брать в расчет не просто все трудоспособное население, а только тех людей, которые работают официально и за которых поступают страховые отчисления на пенсию, тогда соотношение работающих и пенсионеров будет еще меньше. Учитывая, что в стране около 43,6 млн. пенсионеров и 57 млн. людей, за которых делаются взносы, пенсионные выплаты одному пенсионеру обеспечивают 1,3 работающих.

Увеличение пенсионного возраста будет плавным: предусматривается длительный переходный период в 10 лет – с 2019 г. по 2028 г. для мужчин и женщин.

Повышение пенсионного возраста на первом этапе затронет мужчин 1959 г.р. и женщин 1964 г.р. Однако они, в соответствии с предложенными Президентом РФ поправками, выйдут на пенсию на 6 месяцев раньше нового пенсионного возраста. В 2028 г. в возрасте 65 лет выйдут на пенсию мужчины 1963 г.р. и женщины 1968 г.р. в возрасте 60 лет.

Если посмотрим на опыт развитых стран (страны ОЭСР), то в 2015 г. средняя продолжительность жизни в этих странах была около 80 лет, при уже установленном текущем пенсионном возрасте на уровне 65 лет для мужчин и женщин.

Если взглянуть на страны, которые унаследовали аналогичную пенсионную систему – страны бывшего СССР, то средняя продолжительность жизни в 2015 г. у них составляла около 72 лет, что сопоставимо с показателями в нашей стране. Однако пенсионный возраст в среднем уже сегодня в

соседних странах составляет 62,4 года для мужчин и 58,7 лет для женщин и будет повышаться.

Сегодня, при средней продолжительности жизни у женщин 78 лет (77,6) и страховом стаже около 30 лет, период пребывания на пенсии составляет 26 лет, т.е. 1 год стажа практически равен 1 году пенсии, тогда как зарубежные страны стараются выдерживать формулу 2 года стажа равны 1 году пенсии.

Повышение пенсионного возраста не предусматривается для граждан, работающих на рабочих местах с опасными и вредными условиями труда, в пользу которых работодатель осуществляет уплату страховых взносов по соответствующим тарифам, устанавливаемых по результатам специальной оценки условий труда для лиц, пенсия которым назначается ранее общеустановленного пенсионного возраста по социальным мотивам и состоянию здоровья, для граждан, пострадавших в результате радиационных или техногенных катастроф, в том числе вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, для лиц, проработавших в лётно-испытательном составе, непосредственно занятым в лётных испытаниях (исследованиях) опытной и серийной авиационной, аэрокосмической, воздухоплавательной и парашютно-десантной техники (мужчины и женщины).

Повышение пенсионного возраста для государственных служащих началось еще в 2017 г.: для государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, а также лиц, занимающих государственные должности РФ, государственные должности регионов и муниципальные должности на постоянной основе, возраст начал постепенно увеличиваться ежегодно на полгода до 65 лет для мужчин и до 63 лет для женщин.

Законопроектом предлагается с 1 января 2020 года увеличить шаг повышения пенсионного возраста государственным служащим – по году в год. Таким образом пенсионный возраст для государственных служащих приводится в соответствие с предложением по темпам повышения общеустановленного возраста.

Предусматривается новое основание для граждан, имеющих большой стаж. Женщины со стажем не менее 37 лет и мужчины со стажем не менее 42 лет смогут выйти на пенсию на два года раньше общеустановленного пенсионного возраста, но не ранее 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

Для граждан предпенсионного возраста сохраняется возможность выйти на пенсию раньше установленного пенсионного возраста при отсутствии возможности трудоустройства. Пенсия в таких случаях устанавливается на два года раньше с учетом предусмотренного законопроектом переходного периода.

Пенсионная реформа предусматривает дополнительные гарантии, которые защитят интересы граждан предпенсионного возраста (он увеличится с 2 до 5 лет на время переходного периода) на рынке труда.

Так, для работодателей предлагается ввести административную и даже уголовную ответственность за увольнение работников предпенсионного возраста, а также за отказ в приеме на работу по причине их возраста. Соответ-

ствующие изменения в законодательство будут вноситься одновременно с принятием законопроекта о повышении пенсионного возраста. Будут разработаны стимулы для работодателей, утверждена специальная программа по повышению квалификации, финансируемая из федерального бюджета. Помимо этого, за работодателем закрепляется обязанность ежегодно предоставлять работникам предпенсионного возраста 2 дня на бесплатную диспансеризацию с сохранением заработной платы.

Пенсионная реформа предусматривает изменения, и связанные с возрастом выхода на социальную пенсию. Гражданам, которые не работали или не приобрели полноценного стажа, необходимого для получения страховой пенсий, социальную пенсию предполагается назначать не в 60 (женщинам) и 65 лет (мужчинам), а в 65 и 70 лет соответственно. Данные изменения предполагается проводить также постепенно. У граждан, имеющих значительные нарушения жизнедеятельности, имеется право обратиться за установлением инвалидности и при положительном решении получать социальную пенсию по инвалидности (независимо от возраста). Важно отметить, что в полном объеме сохраняются пенсии по инвалидности. Лицам, потерявшим трудоспособность, эти пенсии назначаются независимо от возраста при установлении группы инвалидности.

Раздел II

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Section II

SOCIAL POLICY: NEW APPROACHES AND DIRECTIONS OF REALIZATION

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛЮДЕЙ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: РИСКИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ВЫХОДА

Аникеева Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия). E-mail: Olga-double@mail.ru

Аннотация. Повышение пенсионного возраста выявило ряд социальных противоречий, которые поставили в особо сложное положение граждан предпенсионного возраста; проанализированы некоторые из этих противоречий и предложены пути их решения.

Ключевые слова: пожилые граждане, предпенсионный возраст, повышение пенсионного возраста, качество жизни пожилых.

SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE PRE-RETIREMENT AGE IN THE CONDITIONS RAISING THE RETIREMENT AGE: RISKS, CONTROVERSY AND SOLUTIONS

Olga A. Anikeeva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, the Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: Olga-double@mail.ru

Abstract. Raising the retirement age revealed a number of social contradictions which put in a special difficult situation of citizens of pre-retirement age; in article some of these contradictions are analyzed and ways of decisions both theoretical, and applied are offered.

Key words: elderly citizens, pre-retirement age, raising the retirement age, quality of life of elderly.

В соответствии с новым федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» термин «предпенсионный возраст» относится к лицам, которым до выхода на пенсию остается 5 лет. Термин, закрепленный законодательно, в целом не новый, но в условиях повышения пенсионного возраста приобретающий новое значение. В практической социальной работе новые задачи требуют новых подходов, а для этого необходим анализ факторов, которые и формируют поле профессиональной деятельности.

Противоречий ситуации довольно много. Первое – новый закон принят без достаточного экономического, социально-политического, демографического обоснования. Он, как и многие другие решения в социальной политике, носит административно-волевой характер, что делает его особенно противоречивым. И хотя аргументация имела место (и рост численности пожилых

людей, и нагрузка пожилых на трудоспособных граждан, и рост расходов Пенсионного Фонда РФ и бюджета страны – все это неоспоримые факты, требовавшие решений), но обоснования именно такого выхода из сложившейся ситуации Правительство РФ так и не предоставило. В результате этот закон потребовал принятия тоже волевых и административно-карательных санкций, по-видимому, призванных защитить статус предпенсионеров: это запрет на увольнение пожилых или необоснованный отказ в трудоустройстве (штраф предусмотрен в размере до 200 тыс. рублей или принудительные работы до 360 часов). При этом, что означает «необоснованный отказ», определения нет. А найти обоснование по отношению к людям, имеющим серьезное обременение в возрасте и здоровье, в ситуации, когда на рынке труда востребованы энергичные, инициативные работники, владеющие современными технологиями, в том числе и информационно-компьютерными, не представляет больших трудностей. Итак, силовое решение при поддержке силовых санкций.

Второе противоречие заключается в том, что на рынок труда выходят (точнее не уходят с него) миллионы граждан разного уровня квалификации в разных сферах жизнедеятельности. По данным Федеральной службы государственной статистики, 16,8% лиц старше трудоспособного возраста имели высшее образование, 42,7% – среднее и начальное профессиональное образование, при этом 42% выполняли работу ниже своей квалификации [1, с. 22–23]. Более 40% работающих предпенсионеров не имеют профессионального образования, т.е. трудятся на низкоквалифицированной работе и получают соответствующую зарплату. Разработанная программа повышения квалификации и переквалификации не обеспечена исследованиями – в каких областях экономики и какого уровня нужны кадры? Возможно ли обеспечить эти запросы рынка труда с помощью занятости пенсионеров и предпенсионеров? Кто будет оплачивать эту деятельность? Предложенные траектории повышения квалификации апеллируют к самим гражданам, а помощь государства предусмотрена в размерах МРОТ (в течение трех месяцев, что может показаться привлекательным только для очень малоквалифицированных кадров).

Третье противоречие заключается в пассивности социальной позиции самих пожилых людей. Возможно, эта социальная черта связана с советским наследием, но она воспроизводится в современной социальной работе, в том числе и в негосударственных ее формах [2, с 171–181]. Принудительное увеличение пенсионного возраста само по себе не меняет этой позиции, но существенно ослабляет позиции предпенсионеров и пенсионеров на рынке труда.

Четвертое противоречие можно видеть в том, что повышение пенсионного возраста и ставка на занятость пожилых не учитывают возможности здоровья лиц пожилого возраста. Исследователи сосредоточивают внимание на активных трудоспособных гражданах, в частности социологи НИУ ВШЭ указывают, что практически треть занятых пенсионеров занимала должности руководителей или специалистов высшей квалификации, хотя они же под-

тверждают, что плохое здоровье на 63% снижает возможности продолжения трудовой деятельности [3, с. 4; 5].

Таких противоречий можно набрать довольно много, обозначенные можно отнести к основным, и они требуют профессиональной реакции со стороны социальной работы и социальной защиты. Какими могут быть профессиональные решения в части технологий социальной адаптации пожилых в условиях повышения пенсионного возраста?

Прежде всего, необходимы теоретические ответы, хотя это может показаться странным в то время, когда требуются немедленные практические меры. Однако напомним старую истину: нет ничего практичнее хорошей фундаментальной теории. В первую очередь необходимо новое осмысление старости и старения. Новое понимание касается этого возраста как вполне самостоятельного и, по возможности, деятельного периода жизни, независимо от того, занят ли пожилой человек в профессиональной деятельности, в различных формах дополнительной трудовой деятельности, включая хобби и периодические подработки, либо он посвящает жизнь семье, внукам или даже самому себе. Это возраст со своими проблемами и задачами, но и со своими ресурсами и возможностями. Их надо выявить и реализовать [4, с. 61–68].

Другим компонентом теоретической разработки должно стать новое понимание качества жизни. Разумеется, финансирование программ поддержки – важнейшее условие повышения качества жизни пожилых граждан, но абсолютизировать этот показатель не стоит. Осмелимся предположить, что без должной проработки и обоснования, без системного подхода, который у нас провозглашается, но не реализуется в практике социальной поддержки населения, огромные средства уходят впустую, расходуются крайне неэффективно [5, с. 47–58].

Особое внимание надо обратить на изменение отношения общества к пожилым, на преодоление стереотипов, в том числе стереотипов отношения пожилых к самим себе. Это важнейшая задача социокультурного и идеологического плана. Она является составной частью идеологии социальной ответственности и предполагает ответственность государства, бизнеса, общества, но и самих граждан за свое социальное положение и условия существования. Одно из противоречий современной социальной работы во всем мире заключается в том, что растущие социальные проблемы вызывают экспоненциальный рост социальных расходов, что стало проблемой даже для экономически развитых стран [6, с. 133–144]. Необходим поиск новых подходов и технологий в решении проблем пожилых граждан, в особенности предпенсионного возраста.

Повышение пенсионного возраста – социальная реальность современной России. В этих новых условиях социальная работа должна соответствовать вызовам времени и в практическом плане, вырабатывая новые пути решения возникающих задач, и в теоретическом, обеспечивая осмысление новых условий и опыта работы, и в социокультурном плане, обеспечивая переход общества на новый качественный уровень социальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Пожилое население России: проблемы и перспективы. Социальный бюллетень № 5. Март 2016 г. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. 45 с.
2. Саралиева З.Х., Петрова И.Э. Пожилые в российской негосударственной социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2018. Том 16. № 1. С. 95–108.
3. Синявская О., Ермолина А., Любушина Е. Занятость после выхода на пенсию в России: роль пенсий – активное долголетие или вынужденная необходимость? // Материалы XVIII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ 2017 г. (Электронный ресурс) URL: <https://iq.hse.ru/news/204917251.html> (Дата обращения 26.02.2019).
4. Сизикова В.В., Аникеева О.А. Активное долголетие как проблема и целевая установка социальной работы с пожилыми людьми // Социальная работа в России: традиции и инновации. Сборник научных статей /кол. авторов; под общ ред. Г.П. Медведевой. М.: РУСАЙНС, 2018. 238 с. С. 61–68.
5. Сизикова В.В., Аникеева О.А., Фомина С.Н. Индикаторы качества жизни старшего поколения: поиск новых подходов в социальной защите и социальном обслуживании. //Практика социальной работы в современном глобальном мире: пересечение культур и времен: Коллективная монография. / Под общ ред. М.В. Фирсова, Я.В. Шимановской – М.: Издательство РГСУ, 2018. 282 с. С.47–58.
6. Сизикова В.В., Аникеева О.А. Социальная работа: время перемен (российский и зарубежный опыт) //Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 133–140.

REFERENCES AND SOURCES

1. Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy. Social'nyj byulleten' № 5. Mart 2016 g. M.: Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF, 2016. 45 s.
2. Saraliev Z. H., Petrova I.E. Pozhilye v rossijskoj negosudarstvennoj social'noj rabote // ZHurnal issledovanij social'noj politiki. 2018. Tom 16. № 1. S. 95–108.
3. Sinyavskaya O., Ermolina A., Lyubushina E. Zanyatost' posle vyhoda na pensiyu v Rossii: rol' pensij – aktivnoe dolgoletie ili vynuzhdennaya neobhodimost'? // Materialy XVIII Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii NIU VSHE 2017 g. (Elektronnyj resurs) URL: <https://iq.hse.ru/news/204917251.html> (Data obrashcheniya 26.02.2019).
4. Sizikova V.V., Anikeeva O.A. Aktivnoe dolgoletie kak problema i celevaya ustanovka social'noj raboty s pozhilymi lyud'mi // Social'naya rabota v Rossii: tradicii i innovacii. Sbornik nauchnyh statej /kol. avtorov; pod obshch red. G.P. Medvedevoj. M.: RUSAJNS, 2018. 238 s. S. 61–68.
5. Sizikova V.V., Anikeeva O.A., Fomina S.N. Indikatory kachestva zhizni starshego pokoleniya: poisk novyh podhodov v social'noj zashchite i social'nom obsluzhivanii. //Praktika social'noj raboty v sovremennom global'nom mire: peresechenie kul'tur i vremen: Kollektivnaya monografiya. /Pod obshch red. M.V. Firsova, YA.V. SHimanovskoj – M.: Izdatel'stvo RGSU, 2018. 282 s. S. 47–58.
6. Sizikova V.V., Anikeeva O.A. Social'naya rabota: vremya peremen (rossijskij i zarubezhnyj opyt) //Social'naya politika i sociologiya. 2017. T. 16. № 5 (124). S. 133–140.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Биюшкина Надежда Иосифовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Аннотация. Анализируются основные тенденции правового регулирования сферы образования в Российском и Советском государстве. Делается вывод о том, что правовая регламентация образовательных отношений в указанные периоды имела как общие черты (формирование единой образовательной системы, ликвидация неграмотности, повышение общего уровня культуры среди населения), так и принципиальные различия, связанные с необходимостью формирования коммунистических убеждений и взглядов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Ключевые слова: образование, правовая регламентация, Российское государство, Советское государство, всеобщее обязательное обучение, советский патриотизм, пролетарский интернационализм.

LEGAL REGULATION OF EDUCATION IN THE RUSSIAN AND SOVIET STATES: MAIN TRENDS

Nadezhda I. Biyushkina, Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Abstract. The author of the article analyzes the main trends in the legal regulation of education in the Russian and Soviet states. It is concluded that the legal regulation of educational relations in these periods had both common features (the formation of a unified educational system, the elimination of illiteracy, an increase in the general level of culture among the population), and fundamental differences related to the need to form communist beliefs and attitudes, Soviet patriotism and proletarian internationalism.

Key words: education, legal regulation, Russian state, Soviet state, universal compulsory education, Soviet patriotism, proletarian internationalism.

В настоящее время образование играет первостепенную роль в определении социального статуса личности, в формировании социальной структуры общества, порядка и стабильности, являясь одним из главных и эффективных каналов социальной мобильности. Кроме того, наличие взаимосвязи между образованием и правом как социальными институтами позволяет характеризовать их как идеологические ретрансляторы социального опыта, что обуславливает особую актуальность выбранной темы исследования.

В древние периоды развития государственности на Руси правовое регулирование образовательной сферы отсутствовало. В рассматриваемый пе-

риод духовенство являлось носителем не только религиозных традиций, но и письменной культуры общества в целом, о чем свидетельствует летописание. Одним из первых крупных законодательных актов, регламентировавших вопросы образования, стал сборник решений Стоглавого собора 1551 г., который детально регламентировал процедуру разработки и утверждения органами государственной власти образовательных программ и общих требований, предъявляемых властью к данной сфере. Обучение производилось только по тем книгам, которые официально были одобрены церковью[1]. Коренные изменения в правовом регулировании сферы образования произошли в петровскую эпоху. Модернизация промышленности, создание регулярной армии и флота, все эти глобальные процессы обуславливали необходимость массовой подготовки кадрового корпуса высококвалифицированных специалистов в самых разных областях. На территории страны была сформирована сеть светских государственных специальных и общеобразовательных учреждений.

Развитие общественных отношений способствовало тому, что в начале XIX века в нормативно-правовых актах закреплялись положения об обязательности получения образования, в том числе для прохождения службы. Сфера регулирования образования стала формироваться по кодификационному принципу, что свидетельствует о высоком уровне развития данной области [2]. В целом, следует сделать вывод о том, что на протяжении веков в Российском государстве оставался неизменным уровень проработанности и юридической техники положений нормативно-правовых актов, которые регулировали сферу образования.

Революционные события, произошедшие в Российском государстве в 1917 г., Первая мировая война, гражданская война и военная интервенция, последующие процессы индустриализации и коллективизации стали причинами существенных изменений в процедуре правовой регламентации сферы образования. 19 июня 1920 г. Совнаркомом РСФСР учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, деятельность которой была направлена на формирование у населения коммунистических взглядов и убеждений, советского патриотизма и пролетарского интернационализма [3]. В период с 1930 по 1940-е гг. органами государственной власти было издано множество постановлений, которые регламентировали отдельные аспекты сферы образования. События Великой Отечественной войны, безусловно, создавали трудности в функционирование образовательных отношений, что потребовало проведение реформ в области народного образования, направленных на восстановление всеобщего и перестройку учебно-воспитательного процесса с учетом военных условий. Следующие изменения в правовом регулировании сферы образования были связаны с формированием системы профессиональной подготовки кадров в послевоенный период.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовая регламентация образовательных отношений в указанные периоды имела общие черты (формирование единой образовательной системы, ликвидация неграмотности, повышение общего уровня культуры среди населения) и принципиальные различия, связанные с необходимостью формирования коммунистиче-

ских убеждений и внедрением классового подхода к системе образования в период создания основ Советского государства. В дальнейшем классовый подход заменяется принципами гуманизма, советского патриотизма и интернационализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Стоглав. Казань: Типография губернского правления. 1862. 454 с.; Российская государственная библиотека. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003121952> (Дата обращения: 17.03.2019).
2. Биюшкина Н.И. Проблемы организационно-правовой регламентации системы высшего образования в Российском государстве: история и современность // Право и политика. 2017. № 5. С. 50–67.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров № 312. Об Учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943. С. 479. Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42332> (Дата обращения: 19.03.2019 г.).

REFERENCES AND SOURCES

1. Stoglav. Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 1862. 454 s.; Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003121952> (Data obrashcheniya: 17.03.2019).
2. Biyushkina N.I. Problemy organizacionno-pravovoj reglamentacii sistemy vysshego obrazovaniya v Rossijskom gosudarstve: istoriya i sovremennost' // Pravo i politika. 2017. № 5. S. 50–67.
3. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov № 312. Ob Uchrezhdenii Vserossijskoj CHrezvychajnoj Komissii po likvidacii bezgramotnosti. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR M. 1943. S. 479. Istoricheskie materialy. Elektronnyj resurs. URL: <http://istmat.info/node/42332> (Data obrashcheniya: 19.03.2019 g.).

ВЛИЯНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ RLMS-HSE 2003–2017 ГГ.¹

Воронин Геннадий Леонидович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: voronin@mail.ru

Крамер Анастасия Дмитриевна, студентка Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: nas.kramer@gmail.com

Аннотация. На основе данных RLMS-HSE в период с 2003 по 2017 гг. рассматривается влияние инвалидности на социальное положение человека, в том числе на такие показатели, как уровень образования, занятость и доход.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями, динамика инвалидизации населения России, уровень дохода, уровень образования, уровень занятости.

THE IMPACT OF DISABILITY ON THE SOCIAL STATUS OF THE INDIVIDUAL: ACCORDING TO THE RESULTS OF RLMS-HSE 2003–2017

Gennady L. Voronin, Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: voronin@mail.ru

Anastasia D. Kramer, Student of the Faculty of Social Sciences of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: nas.kramer@gmail.com

Abstract. This article examines, based on RLMS-HSE data from 2003 to 2017, what impact a disability has on a person's social status, including indicators such as education, employment and income.

Key words: people with disabilities, the dynamics of disability in Russia, income level, level of education, employment rate.

В настоящий момент, по официальным данным, в России инвалидность имеют 12,1 миллионов человек (чуть более 8% от всего населения страны) [1].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной Нижегородской семьи».

В силу своей многочисленности инвалиды представляют особый интерес не только для политиков, но и для социальных исследователей. Вопрос о том, какое влияние инвалидность оказывает на жизнедеятельность человека, является одним из основных и подробно изучается как отечественными авторами, так и зарубежными. А.В. Демьянова и А.Л. Лукьянова в своих работах показывают, что наличие инвалидности негативно сказывается на занятости человека [2; 3]. А.А. Дарган указывает на более низкое качество жизни людей с инвалидностью [4]. Зарубежные авторы отмечают, что люди с инвалидностью больше подвержены риску бедности, а также, что наступление инвалидности может приводить к снижению заработка и другой экономической активности человека [5; 6]. Наличие инвалидности, как правило, влечет за собой те или иные формальные, юридические ограничения. Так, например, российское законодательство предусматривает ограничение длительности рабочего дня для инвалидов I и II группы [7].

Цель данной работы – определить, оказывает ли инвалидность влияние на социальное положение человека в России. В рамках работы мы рассмотрим такие показатели, как уровень образования, уровень занятости и размер доходов. В качестве эмпирической базы анализируются данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) в период с 2003 по 2017 гг. [8].

Для анализа положения инвалидов, в первую очередь, нам необходимо определить уровень инвалидизации населения. По данным RLMS-HSE, в период с 2003 по 2017 г. наличие инвалидности было выявлено у 7,5 – 9,0% населения России (см. рис. 1). В 2017 г. 7,5% россиян имели инвалидность.

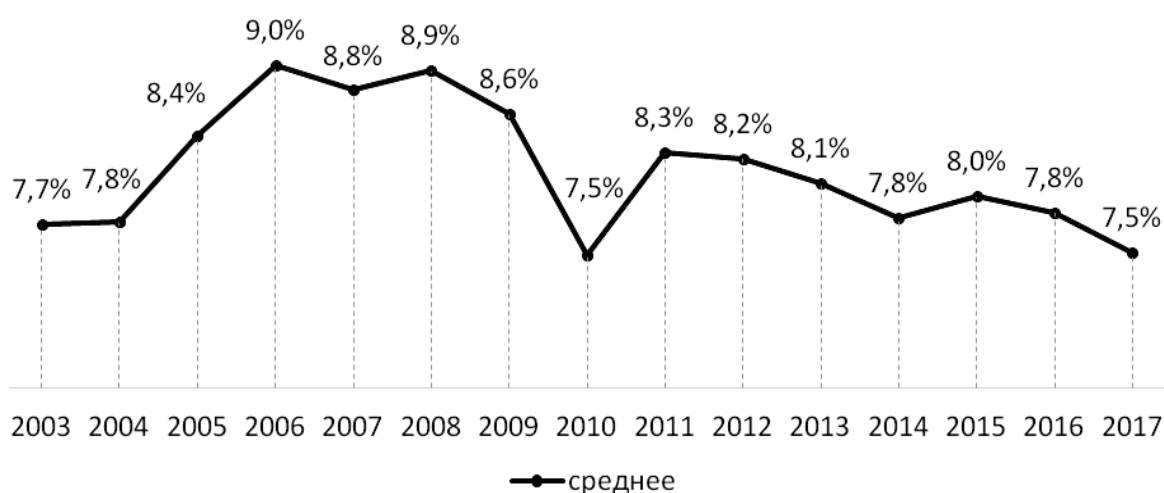


Рис. 1. Доля населения России, имеющего группу инвалидности, 2003–2017 гг., %

С точки зрения половозрастной структуры, среди инвалидов стабильно больше женщин (в 2017 году их доля составила 57%) и представителей старшей возрастной группы (в целом за весь период обследования больше 60% ин-

валидов относились к людям пенсионного возраста). Это объясняется в первую очередь тем, что женщин в нашей стране несколько больше, чем мужчин (и чем старше поколение, тем более значительным становится это различие) и проблемы со здоровьем проявляют себя чаще в более старшем возрасте. Согласно данным мониторинга, средний возраст назначения инвалидности на протяжении всего рассматриваемого периода варьировался от 52 до 55,7 лет.

Первым показателем, который мы рассмотрим, будет уровень образования. Исходя из данных RLMS-HSE, можно сделать вывод, что инвалиды имеют более низкий уровень образования. Среди инвалидов значительно больше людей, которые имеют образование ниже общего среднего (26–41%, против 19–25% у людей без инвалидности, с учетом 95% доверительного материала), хотя это число в последние годы постоянно сокращается. Позитивная тенденция сокращения разрыва в уровне образования заметна и в группе лиц со средним образованием. Если в середине 2000-х разрыв между двумя группами составлял более 10%, то в 2017 г. этот разрыв был ликвидирован (28,6% в группе инвалидов против 29,1% у лиц без инвалидности). В целом, доли лиц со средним специальным образованием в группах инвалидов и неинвалидов не имеют статистически значимых различий (23,2% против 24,3%, соответственно). То есть, на данных ступенях образования мы четко можем наблюдать позитивные тенденции. В группах лиц с высшим образованием заметна тенденция к росту разрыва между инвалидами и неинвалидами, имеющими высшее образование – от 1,4% в 2003 к 5,2% в 2017 г. В среднем за весь период исследования 18% инвалидов имели высшее образование, в то время как среди людей без инвалидности этот показатель для анализируемой возрастной группы составил 22%. На неравенство в сфере образования инвалидов и неинвалидов влияют семья, место проживания, типы школ вблизи проживания семей с инвалидами, возможности самих инвалидов [9].

Значительное влияние инвалидность оказывает на уровень занятости. Данные RLMS-HSE говорят о том, что у инвалидов, которые находятся в экономически активном возрасте (15–72 года), значительно более низкий уровень занятости, чем у людей без инвалидности. Работу имеет только каждый пятый инвалид (см. рис.2).

Данные RLMS-HSE позволили нам также сравнить доходы, заработную плату и пенсии людей с инвалидностью и без нее, а также людей с разными группами инвалидностей. Стоит уточнить, что под доходами в мониторинге понимались все денежные выплаты, которые человек получил за месяц, предшествующий времени проведения опроса, в том числе зарплату, пенсию, премии, какую-либо прибыль и др. Под заработной платой понимались именно деньги, полученные на основном месте работы.

В среднем доход инвалидов за весь период обследования был меньше дохода неинвалидов на 2,7 тысячи рублей в ценах 2017 г. или на 15% (см. рис 3). Доход обеих групп стабильно рос на протяжении всего рассматриваемого периода вплоть до 2014 г., когда в России начался очередной экономический кризис, но данные за 2017 г. показывают, что доходы населения несколько выросли. Если брать за основу для сравнения только заработную плату людей, то

здесь разрыв между двумя группами значительно больше. В среднем за весь период зарплата неинвалидов была на 5,5 тысяч рублей в ценах 2017 г. или на 23% больше. Эта ситуация во многом объясняется дискриминацией со стороны работодателей; сокращенным рабочим днём; меньшей производительностью труда инвалидов по сравнению с другими работниками; значительный процент инвалидов заняты в менее оплачиваемых сферах трудовой деятельности. При сравнение размеров пенсий инвалиды ожидаемо получают больше – в среднем на 13% за весь период обследования.

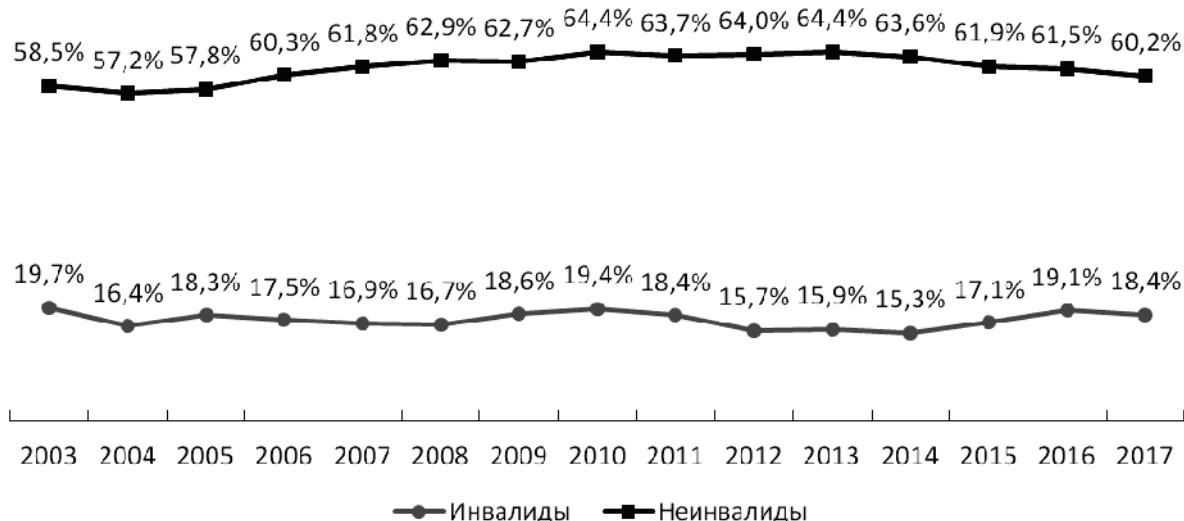


Рис. 2. Уровень занятости инвалидов и неинвалидов экономически активного возраста, 2003–2017 гг., %

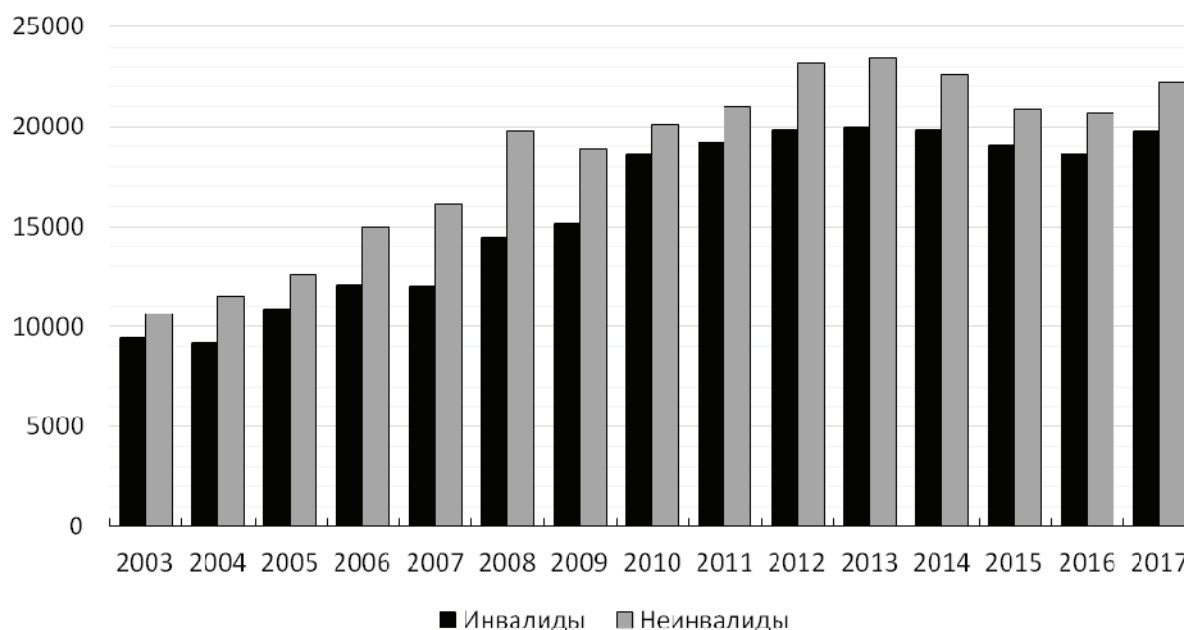


Рис. 3. Динамика среднего дохода за месяц, 2003–2017 гг., в рублях 2017 г.

В рамках анализа нам также было важно узнать, как группа инвалидности влияет на доходы инвалидов. В результате оказалось, что доходы инвалидов 1-ой группы выше доходов инвалидов 2-ой и 3-ей группы (на 7% и 2%, соответственно). Преимущество обеспечивается за счет более высоких пенсий инвалидов 1-ой группы, на что указывает наш анализ. Так, пенсии инвалидов 1-ой группы в среднем были больше, чем у инвалидов 2-ой и 3-ей группы на 16% и 29%, соответственно. Можно предположить, что такой разрыв инвалиды 3-ей группы компенсируют зарплатой, получаемой на работе, т.к. эти инвалиды являются трудоспособными.

Как мы видим, инвалиды уступают людям без инвалидности по целому ряду важных объективных социальных характеристик, таких как образование, уровень занятости, доход. Можно сделать вывод, что наличие инвалидности оказывает серьезное влияние на социальное положение человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-1.doc
2. Демьянова А.В. Низкий уровень занятости инвалидов в России – результат дискриминации? / А.В. Демьянова, А.Л. Лукьянова // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 3. С. 385–411. – URL: <https://publications.hse.ru/view/210431892> (дата обращения: 24.02.2019).
3. Демьянова А.В. Влияние статуса инвалидности на предложение труда в России / А.В. Демьянова, А.Л. Лукьянова // Прикладная эконометрика. 2016. Т. 44. С. 50–74. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/200016465> (дата обращения: 24.02.2019).
4. Дарган А.А. Качество жизни людей с ограниченным жизненным пространством // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 98–114. (дата обращения: 01.03.2019).
5. Pinilla-Roncancio, Mónica. (2015). Disability and poverty: two related conditions. A review of the literature. Revista de la Facultad de Medicina, 63(Suppl. 1), 113–123
6. Meyer B.D., Mok W. (2013). Disability, earnings, income and consumption. NBER WorkingPaperNo. 18869.
7. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 N 181-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2019).
8. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).
9. Старик И.Н. Доступность образования для людей с ограниченными возможностями здоровья // Теория и практика общественного развития. 2011. №2. С. 80–84. (дата обращения: 24.02.2019).

REFERENCES AND SOURCES

1. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-1.doc
2. Dem'yanova A.V. Nizkij uroven' zanyatosti invalidov v Rossii – rezul'tat diskriminacii? / A.V. Dem'yanova, A.L. Luk'yanova // Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2017. T. 21. № 3. S. 385–411. – URL: <https://publications.hse.ru/view/210431892> (data obrashcheniya: 24.02.2019).
3. Dem'yanova A.V. Vliyanie statusa invalidnosti na predlozhenie truda v Rossii / A.V. Dem'yanova, A.L. Luk'yanova // Prikladnaya ekonometrika. 2016. T. 44. S. 50–74. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/200016465> (data obrashcheniya: 24.02.2019).
4. Dargan A.A. Kachestvo zhizni lyudej s ogranichennym zhiznennym prostanstvom // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2015. № 1. S. 98–114. (data obrashcheniya: 01.03.2019).
5. Pinilla-Roncancio, Mónica. (2015). Disability and poverty: two related conditions. A review of the literature. Revista de la Facultad de Medicina, 63(Suppl. 1), 113–123
6. Meyer B.D., Mok W. (2013). Disability, earnings, income and consumption. NBER WorkingPaperNo. 18869.
7. Federal'nyj zakon "O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii" ot 24.11.1995 N 181-FZ [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 24.02.2019).
8. Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHE (RLMS-HSE)», provodimyj Nacional'nym issledovatel'skim universitetom «Vysshaya shkola ekonomiki» i OOO «Demoskop» pri uchastii Centra narodonaseleniya Universiteta Severnoj Karoliny v CHapel Hille i Instituta sociologii Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sociologicheskogo centra RAN. (Sajty obsledovaniya RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> i <http://www.hse.ru/rlms>).
9. Starik I.N. Dostupnost' obrazovaniya dlya lyudej s ogranichenymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. №2. S. 80–84. (data obrashcheniya: 24.02.2019).

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ

Максимова Маргарита Николаевна, доктор экономических наук, декан факультета социальной работы и высшего сестринского образования, заведующий кафедрой экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (Казань, Россия). E-mail: soc90@mail.ru

Миршарипова Эльвина Азатовна, студентка факультета социальной работы и высшего сестринского образования Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (Казань, Россия). E-mail: mirsharipovas@mail.ru

Аннотация. Приводятся результаты исследования, проведенного среди молодых инвалидов в г. Казань и г. Нижний Новгород. Выявляются проблемы. Выделяется приоритетное направление – доступность и совершенствование профессионального образования молодых инвалидов в образовательных учреждениях для повышения эффективности их трудоустройства.

Ключевые слова: инвалид, трудоустройство молодых инвалидов, центры занятости, образовательные организации, профессиональная мотивация и самоопределение.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES

Margarita N. Maximova, Doctor of Sciences (Economy), Dean of the Faculty of Social Work and Higher Nursing Education, Head of the Department of Economic Theory and Social Work, Kazan State Medical University (Kazan, Russia). E-mail: soc90@mail.ru

Elvina Az. Mirsharipova, Student of the Faculty of Social Work and Higher Nursing Education, Kazan State Medical University (Kazan, Russia). E-mail: mirsharipovas@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studies conducted among young people with disabilities in the city of Kazan and the city of Nizhny Novgorod. Identify problems. Highlighted priority areas – the preparation of young people with disabilities of educational institutions to work; organization of interaction of the educational organization and employment centers.

Key words: disabled, employment of young people with disabilities, professional motivation and self-determination, education.

В современном обществе проблема занятости инвалидов актуальна. Необходима специальная подготовка молодых инвалидов, не имеющих опыта работы, к трудоустройству. Помимо пенсии, специальных пособий и социальных выплат, необходимо предоставлять данной категории населения возможность получать доход от трудовой деятельности, нести ответственность, применять свои способности, навыки и знания, приносить пользу и чувствовать себя полноценными людьми [1].

Недостаточно обращается внимания на отсутствие специальных программ по обучению инвалидов трудоустройству. Лишь небольшое число учебных заведений имеет специализированное оборудование учебных комнат и непосредственно рабочих мест для инвалидов [2]. Инвалиды пока не могут обучаться и работать на равных условиях с другими гражданами.

Многие инвалиды, желающие работать, не имеют этой возможности из-за множества препятствий. С определенными трудностями инвалид сталкивается еще на этапе получения профессии [3].

С целью выявления проблем молодых инвалидов в сфере трудоустройства нами совместно с Центром занятости населения (ЦЗН) г. Казани был проведен анкетный опрос инвалидов в возрасте от 19 до 35 лет. Объем выборки – 50 человек.

Из всего количества обратившихся в ЦЗН инвалидов 66% являются инвалидами вследствие общего заболевания, 22% имеют нарушения опорно-двигательного аппарата, остальные – нарушения слуха, зрения и страдают психическими расстройствами. Только 17% респондентов являются инвалидами с детства, то есть они получили инвалидность вследствие заболевания, травмы, дефекта, возникшего в детстве, или врожденного дефекта, повлекшего стойкое ограничение жизнедеятельности. Большинство респондентов (79%) получили группу инвалидности в более позднем возрасте по различным причинам (профессиональная травма, хроническое заболевание, автомобильная авария).

Согласно рекомендациям медико-социальной экспертизы, 53% респондентов противопоказан труд с повышенной физической активностью, 44% нуждаются в работе, которая не будет приносить им психологической нагрузки, 39% нужен сокращенный рабочий день, 30% доступен труд в специальных условиях и 49% противопоказан труд на высоте [4]. Это показывает, что инвалиды нуждаются в особых рабочих местах, условия которых не будут приносить им вреда, где они смогут качественно выполнять свои профессиональные обязанности.

В ходе проведенного опроса было выявлено, что 60% опрошенных получили среднее профессиональное образование, 32% – среднее (полное) образование. Высшее образование имеют только 8% инвалидов. Опыт работы у 40% опрошенных составляет от 1 года до 3 лет, у 37% – от 5 лет и более и 23% не имеют опыта работы вообще.

Молодые люди отметили, что трудности с трудоустройством возникают в связи с состоянием здоровья (66%), недостатком опыта работы и образования (55%) и нежеланием работодателя принимать на работу человека, имеющего ограничения (19%).

Респондентами были выделены основные причины безработицы среди инвалидов: 46% указывают на частые отказы работодателя, 52% отмечают недостаточно развитую и адаптированную для людей с ограниченными возможностями систему образования, 54% – отсутствие специальных рабочих мест.

Преобладающее число респондентов полагаются на ЦЗН в поиске подходящего места работы (71%), поскольку они доверяют специалистам и отмечают полезность предоставляемых услуг. ЦЗН дают консультации об актуальных профессиях (30%), способах самореализации в профессиональной сфере (50%), повышении квалификации, переобучения (30%), пособие по безработице (22%). Большинство молодых инвалидов (74%) считают свой уровень знаний недостаточным и хотели бы пройти дополнительное обучение.

По мнению опрошенных, сложившуюся ситуацию на рынке труда можно изменить созданием специальных рабочих мест (46%), доступностью образования (37%), совершенствованием индивидуальной программы реабилитации (15%), повышением информированности (5%).

Более 80% инвалидов интересует исключительно постоянная работа, поскольку им важна стабильность в работе и уверенность в завтрашнем дне. Они отмечали, что наличие постоянного места работы позволит им существенно улучшить материальное положение, самореализоваться, развить свои способности, что, несомненно, будет способствовать повышению уверенности в себе, обретению независимости, возможности чувствовать себя частью коллектива. Среди молодых инвалидов 70% предпочитают работу в офисе работе на дому, так как у них будет возможность общаться с людьми, выполнять коллективную работу, высказывать свое мнение, предлагать свои идеи, чему-то научить или научиться у коллег и руководителей.

Молодые инвалиды хорошо информированы об услугах ЦЗН, своих правах, имеют желание приступить к профессиональной деятельности.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. выделено направление работы с молодежью – формирование механизма обеспечения краткосрочной формы подготовки и переподготовки кадров, в т. ч. и молодых инвалидов (в формате online через личные кабинеты работодателей); модернизация профессионального образования, в т. ч. посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ.

В 2018 г. в Нижнем Новгороде было проведено анкетирование молодых инвалидов различных социально-демографических групп, категорий заболеваний [5]. Выборочная совокупность исследования составила 60 человек (42 безработных и 18 студентов). Результаты проведенного опроса и анкетирования молодых инвалидов в Н. Новгороде в целом опровергают общее представление о том, что практически все инвалиды настроены как иждивенцы, не желающие работать и ждущие помощи от государства. Среди инвалидов, ищущих работу, половина имели трудовые рекомендации и были готовы приступить к работе. Никто из опрошенных молодых инвалидов не заявил, что не желает работать. Часть респондентов в настоящее время работают, причем даже те, кто проходит обучение в техникуме-интернате. Многие работают не по специальности, а там, где есть рабочие места, причем есть занятые на временных работах. Респонденты проинформированы об услугах ЦЗН. Труд половины инвалидов был неквалифицированным.

Сравнивая результаты опросов в г. Казань и г. Нижний Новгород, можно прийти к выводу, что:

- респонденты г. Казани ищут постоянную работу, тогда как среди респондентов г. Н. Новгорода есть работающие на временных работах;
- молодые инвалиды, проживающие в Казани и Нижнем Новгороде проинформированы об услугах ЦЗН, о существующих программах по трудоустройству;
- несмотря на то, что возникают проблемы при трудоустройстве, молодые инвалиды обоих городов стремятся трудоустроиться;
- респонденты обоих городов связывают повышение эффективности трудоустройства с доступностью образования, получением профессии и улучшением образовательных программ.

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы: в образовательных учреждениях при профессиональном обучении необходимо продолжать профессиональное консультирование; проведение профориентационной работы; развивать у молодых инвалидов предпринимательские навыки и самозанятость с целью формирования и развития мотивации к трудовой деятельности; участвовать в дальнейшем трудоустройстве, сопровождении после окончания обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Столбовская Н.Н., Какалия Л.А. Проблема трудоустройства инвалидов в РФ / Н.Н. Столбовская, Л.А. Какалия // Вестник научных конференций. 2017. № 35 (19). С. 147–148.
2. Никитина А.В. К вопросу о проблеме трудоустройства инвалидов в РФ / А.В. Никитина // Экономика и социум. 2017. № 4 (35). С. 7–14.
3. Кузьмина Н.В., Колчина А.Г. Проблемы трудоустройства инвалидов в современной России / Н.В. Кузьмина, А.Г. Колчина // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Социология XXI века: традиции и инновации». Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. С. 348.
4. Официальный сайт медико-социальной экспертизы [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.invalidnost.com>. (Дата обращения: 17.02.2019 г.).
5. Трудоустройство инвалидов: «ГКУ ЦЗН города Н. Новгорода» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://trud-nnov.ru>. (Дата обращения: 17.02.2019).

REFERENCES AND SOURCES

1. Stolbovskaya N.N., Kakaliya L.A. Problem of employment of disabled persons in the Russian Federation / N.N. Stolbovskaya, L.A. Kakaliya // Vestnik nauchnykh konferencij. 2017. № 35 (19). S. 147–148.
2. Nikitina A.V. K voprosu o probleme zatrudneniya invalidov v RF / A.V. Nikitina // Ekonomika i socium. 2017. № 4 (35). S. 7–14.
3. Kuz'mina N.V., Kolchina A.G. Problemy zatrudneniya invalidov v sovremennoj Rossii / N.V. Kuz'mina, A.G. Kolchina // Materialy nauchno-prakticheskoy kon-

ferencii Dyl'novskiechteniya «Sociologiya XXI veka: tradiciiinnovacii». Saratov: Izd-vo «Saratovskijistochnik», 2017. S. 348.

4. Oficial'nyjsajtmediko-social'nojekspertizy [El. resurs]. Rezhimdostupa: <http://www.invalidnost.com>. (Data obrashcheniya: 17.02.2019 g.).

5. Trudoustroystvoinvalidov: «GKU CZN goroda N. Novgoroda» [El. resurs]. Rezhimdostupa: <http://trud-nnov.ru>. (Dataobrashcheniya: 17.02.2019).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: НАПРАВЛЕНИЯ, РЕСУРСЫ И БАРЬЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Петрова Ирина Эдуардовна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Аннотация. Религиозные организации России осваивают поле профессиональной социальной работы начиная с 1991 г. (начала институционализации социальной работы как профессии, а также нового этапа свободы совести в России). В качестве теоретических подходов к исследованию следует отметить атрибутивный, феноменологический и герменевтический направления социологии профессий, а также теорию религиозной экономики.

Ключевые слова: религиозные организации, социальная работа, социально ориентированные некоммерческие организации.

RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE SOCIAL WORK SPACE: DIRECTIONS, RESOURCES AND BARRIERS TO PROFESSIONALIZATION

Irina E. Petrova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Abstract. Religious organizations in Russia have mastered the field of professional social work since 1991 (the beginning of the institutionalization of social work as a profession, as well as the new stage of freedom of conscience in Russia). As a theoretical approach to research, the attributive, phenomenological, and hermeneutical areas of the sociology of occupations, as well as the theory of religious economics, should be noted.

Key words: religious organizations, social work, socially oriented non-profit organizations.

Первые попытки обсуждения значимых тем (категории клиентов, участие религиозных объединений в программах социальной политики) сопровождались масштабными благотворительными проектами, а также поведением научно-практических конференций, но профессиональные черты эта деятельность приобрела не раньше 2011 г. (через 20 лет после начала процесса). Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 2011 г. одобрил внедрение системы церковной социальной работы, запустив процесс профессионализации «сверху» [1] рекомендацией ввести на приходах штатную должность социального работника [2].

Другие конфессии России демонстрируют развитие конфессиональной социальной работы из локальных инициатив (сценарий профессионализации «снизу») [1].

Сама социальная работа в лоне российской социальной политики прошла значительный путь изменения в этот период (с 1991 г. по настоящее время), существенно изменилась законодательная база и возможность участия негосударственных акторов в социальном обслуживании. Выполнение государственного задания на оказание услуг населению становится площадкой реализации профессиональной социальной работы религиозными сервисами.

Реестры поставщиков социальных услуг субъектов Российской Федерации [3] с каждым годом расширяют представительство негосударственных участников разных форм собственности и организации – индивидуальные предприниматели, социальный бизнес, некоммерческие организации, в том числе, религиозные, – с 2015 г. [4]. В 2016 и 2017 гг. анализ участия НКО в реестрах поставщиков российских регионов выполнен А.В. Тарасенко, в 2018 г. проведено авторское исследование о представленности религиозно ориентированных НКО в качестве поставщиков услуг населению [5].

Реестры социально ориентированных некоммерческих организаций формируются для поддержки проектов различных региональных акторов, в том числе в сфере социальной защиты, начиная с 2013 г. [6]. Авторское исследование реестров СО НКО выборочно 20 регионов России за период с 2013 г. по настоящее время, позволяет говорить о гораздо большем присутствии религиозных организаций именно в них. Развитие проектов социальной направленности не требует стандартизации деятельности и обучения профессионалов, в отличие от строгих требований государственного задания [7].

Важной характеристикой конфессиональной социальной работы является ее направленность на духовные ценности в сочетании с профессиональными установками. Такой комплекс может существенно отличаться от ценностной системы светской социальной работы [8].

Проведенный автором контент-анализ интервью священнослужителей и сотрудников религиозных социальных служб (n=59, 2008–2013 гг., средняя длительность интервью около 1 часа) выявил важные социокультурные особенности социальной деятельности. Один из 18 факторов оказался нагруженным темой культурных особенностей негосударственной социальной работы и включает в себе следующие подтемы: любовь как основа социальной помощи, духовность в качестве ключевого отличия религиозной социальной работы, а также авторитет, в том числе священнослужителей, в реализации социального служения.

В число социокультурных ресурсов религиозной социальной работы российские исследователи включают в себя основания конфессионального богословия, структуру обучения и передачи профессионального опыта в социальных сервисах религиозного объединения (например, испрошение благословения на занятие должности или организацию проекта) [9], религиозный капитал организации.

Религиозный капитал формируется из комплекса активностей – вовлеченность членов религиозной группы в ее деятельность; объем знаний о ре-

лигии и эмоциональная привязанность [10]. Социальная работа может выступить фактором сплоченности религиозной общины, социальным лифтом для рядовых членов, увеличивая религиозный капитал организации.

Понятие заботы является содержательным стержнем социальной помощи, основанной на богословских концепциях всех религиозных течений. Сотрудники религиозных сервисов транслируют понимание заботы как Божьей цели, а благополучатели находятся перед выбором, разделять такое представление или же получить услуги у светских поставщиков [11].

Барьерами профессионализации выступают как внутренние, так и внешние факторы.

Религиозные организации по-разному позиционируют социальное служение в иерархии всех видов активности (культовая деятельность первична, внекультовая вторична). Ускоренная и излишняя профессионализация воспринимается как бюрократизация духовно ориентированной работы, ограничение гибкой, инициативной заботы рамками формального государственного задания, что выхолостит саму суть социального служения [12].

Религиозные организации становятся полноправными акторами профессиональной социальной работы в современной России. В качестве некоммерческих организаций религиозно ориентированные социальные сервисы оказывают бесплатные и возмездные социальные услуги населению, получают поддержку региональных ведомств для реализации своих проектов, а также участвуют в конкурсе на оказание социальных услуг в рамках государственного задания. В последние годы присутствие религиозно ориентированных социальных организаций в разнообразных реестрах субъектов РФ становится все более заметным. Профессионализация социальной работы в целом по стране и религиозной, в частности, становится вызовом для сотрудников служб и администраторов религиозных организаций и объединений. Конфессиональная социальная работа во многом восполняет пробелы светской социальной работы, обращаясь к нуждающимся, которым не оказывают помощь государственные службы. Социальная работа религиозных организаций специфична по своим ценностям, она обращена к богословскому пониманию любви, заботы и основывается на духовной трактовке процесса помощи. Сплоченность общины, духовный потенциал обращения к Богу, социальная деятельность религиозной организации изучаются в концепции религиозного капитала. Социальная работа общины способствует приращению религиозного капитала и может послужить социальным лифтом для многих членов общины. Внутренние и внешние барьеры профессионализации религиозной социальной работы не позволяют ей пока соперничать на равных с государственной или светской негосударственной социальной работой, но вполне подчеркивают ее специфические черты. Дальнейшая профессионализация религиозной социальной работы будет зависеть как от совершенствования государственной политики в сфере поддержки СО НКО, так и с пересмотром роли социальной работы в жизни конфессиональных общин современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. Ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН. 2008. С. 139–156. Режим доступа: URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1342>. (Дата обращения 23.03.2019).
2. О принципах организации церковной социальной работы русской Православной Церкви. Режим доступа: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>. (Дата обращения 15.03.2019).
3. Реестр поставщиков социальных услуг Нижегородской области. Режим доступа: URL: <http://www.minsocium.ru/index.php/sotsialnoe-obsluzhivanie/reestr>. (Дата обращения 16.03.2019).
4. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.11.2013 №442-ФЗ. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558. (Дата обращения 21.03.2019).
5. Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий/ издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. Серия Препринт М-58/17. 2017. Режим доступа: URL: <https://publications.hse.ru/preprints/212712779> (Дата обращения 21.03.2019).
6. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. (Дата обращения 21.03.2019).
7. Постановление Правительства Нижегородской области от 01.09.2017 г. № 652 «О формировании и ведении Реестра поставщиков социальных услуг в Нижегородской области и Регистра получателей социальных услуг Нижегородской области». Режим доступа: URL: http://www.minsocium.ru/docs/reestr/p_pno_652_01_09_2017.pdf. (Дата обращения 21.03.2019).
8. Четыре особенности церковного социального служения. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chetyre-osobennosti-cerkovnogo-socialnogo-sluzheniya>. (Дата обращения 26.03.2019).
9. Забаев И.В. Смирение в хозяйственной этике Русской православной церкви// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 175–202. Режим доступа: URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/people/zabaev> (Дата обращения 21.03.2019).
10. Белькова А. Отношения государства и церкви в теории религиозной экономики// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 178–198. Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-gosudarstva-i-tserkvi-v-teorii-religioznoy-ekonomiki>. (Дата обращения 21.03.2019).
11. Петрова И.Э. Забота как концептуальный подход в социальной работе религиозных организаций// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 139–143. Режим доступа: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29739425>. (Дата обращения 21.03.2019).
12. Орешина Д.А. партнерский приход: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах русской православной церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 5(67). С. 99–120. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partnyorskiy-prihod-sotrudnichestvo-svyaschennosluzhiteley-i-miryan-kak-faktor-razvitiya-sotsialnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh>. (Дата обращения 21.03.2019).

REFERENCES AND SOURCES

1. Mansurov V.A., YUrchenko O.V. Konstruirovaniye novykh statusnykh pozitsiy v processe professionalizatsii // Modernizatsiya social'noy struktury rossiyskogo obshchestva / Otv. Red. Z.T. Golenkova. M.: Institut sociologii RAN. 2008. S. 139–156. Rezhim dostupa: URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1342>. (Data obrashcheniya 23.03.2019).
2. O principah organizatsii cerkovnoy social'noy raboty russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Rezhim dostupa: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>. (Data obrashcheniya 15.03.2019).
3. Reestr postavshchikov social'nykh uslug Nizhegorodskoy oblasti. Rezhim dostupa: URL: <http://www.minsocium.ru/index.php/sotsialnoe-obsluzhivanie/reestr>. (Data obrashcheniya 16.03.2019).
4. Federal'nyy zakon «Ob osnovakh social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federatsii» ot 28.11.2013 №442-FZ. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558. (Data obrashcheniya 21.03.2019).
5. Tarasenko A.V. Diversifikatsiya sfery social'nykh uslug v Rossii: faktory regional'nykh razlichij/ izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Seriya Preprint M-58/17. 2017. Rezhim dostupa: URL: <https://publications.hse.ru/preprints/212712779> (Data obrashcheniya 21.03.2019).
6. Federal'nyy zakon «O nekommercheskikh organizatsiyakh» ot 12.01.1996 № 7-FZ. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. (Data obrashcheniya 21.03.2019).
7. Postanovlenie Pravitel'stva Nizhegorodskoy oblasti ot 01.09.2017 g. № 652 «O formirovanii i vedenii Reestra postavshchikov social'nykh uslug v Nizhegorodskoy oblasti i Registra poluchateley social'nykh uslug Nizhegorodskoy oblasti». Rezhim dostupa: URL: http://www.minsocium.ru/docs/reestr/p_pno_652_01_09_2017.pdf. (Data obrashcheniya 21.03.2019).
8. CHetyre osobennosti cerkovnogo social'nogo sluzheniya. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chetyre-osobennosti-cerkovnogo-socialnogo-sluzheniya>. (Data obrashcheniya 26.03.2019).
9. Zabaev I.V. Smirenije v hozyajstvennoj etike Russkoj pravoslavnoj cerkvi// Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2018. № 4(36). S. 175–202. Rezhim dostupa: URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/people/zabaev> (Data obrashcheniya 21.03.2019).
10. Bel'kova A. Otnosheniya gosudarstva i cerkvi v teorii religioznoj ekonomiki// Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2013. № 3. S. 178–198. Rezhim dostupa: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-gosudarstva-i-tserkvi-v-teorii-religioznoj-ekonomiki>. (Data obrashcheniya 21.03.2019).
11. Petrova I.E. Zabota kak konceptual'nyy podhod v social'noj rabote religioznykh organizatsij// Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. 2017. T. 17. № 2. S. 139–143. Rezhim dostupa: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29739425>. (Data obrashcheniya 21.03.2019).

12. Oreshina D.A. partnerskij prihod: sotrudnichestvo svyashchennosluzhitelej i miryan kak faktor razvitiya social'noj deyatelnosti v sovremennyh prihodah russkoj pravoslavnoj cerkvi // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2016. Vyp. 5(67). S. 99–120. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partnyorskiy-prihod-sotrudnichestvo-svyashchennosluzhiteley-i-miryan-kak-faktor-razvitiya-sotsialnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh>. (Data obrashcheniya 21.03.2019).

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СПЕЦИАЛИСТА ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), заведующий кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Смакотина Наталья Леоновна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: smakotina@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена происходящими социально-экономическими и политическими преобразованиями, которые выдвинули новые требования к кадровому обеспечению реализации государственной молодежной политики и стимулировали поиск новых подходов в организации и методическом обеспечении системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов по работе с молодежью. Рассматриваются методические аспекты разработки примерной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» в соответствии с актуализацией Федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: государственный образовательный стандарт, примерная образовательная программа высшего образования, профессиональный стандарт, стандартизация высшего образования, федеральный государственный образовательный стандарт, специалист по работе с молодежью.

THE ACTUALIZATION OF THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF SPECIALIST WORKING WITH YOUNG PEOPLE: A SYSTEMATIC APPROACH

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Pedagogy and Organization Work with the youth of the Russian State Social University, (Moscow, Russia). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Natalia L. Smakotina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Global Social Studies and Youth Studies of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: smakotina@mail.ru

Abstract. The relevance of this article is due to the ongoing socio-economic and political transformations, which put forward new requirements for staffing the implementation of the state youth policy and stimulated the search for new approaches in the organization and methodological support of the system of training, retraining and advanced training of specialists working with young people. The article deals with the

methodological aspects of the development of an exemplary educational program of higher education in the field of training "organization of work with young people" in accordance with the actualization of Federal state educational standards.

Key words: state educational standard, approximate educational program of higher education, professional standard, standardization of higher education, Federal state educational standard., specialist in work with youth.

Введение

Процессы глобализации в конце XX века привели к трансформации национальных систем образования в рамках Европейского Союза, положив начало сближению систем высшего образования стран Европы с тем, чтобы создать единое образовательное пространство высшего образования.

В июне 1999 г. была подписана Болонская декларация (совместная Декларация Министров Образования стран Европы на встрече в Болонье 19 июня 1999 г.). Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. на Берлинской конференции. Возникла необходимость гармонизации «для расширения и совместимости» автономных вузов. В этой связи в середине 90-х годов XX в. ввели федеральные государственные образовательные стандарты в России, которые претерпели значительные изменения как по структуре, так и содержанию образовательных программ, что в свою очередь изменило и саму систему государственной стандартизации высшего образования, сделав ее более гибкой.

С этого момента федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС 3) менее жестко нормируют содержание образования, задавая лишь рамочную регламентацию структуры образовательных программ, условий их реализации и результатов освоения (ФГОС 3, ФГОС 3+, в перспективе ФГОС 4), по сравнению с прошлым поколением государственных образовательных стандартов (ГОС-1, ГОС-2), которые задавали набор дисциплин с фиксированной трудоемкостью. Например, структура государственных образовательных стандартов второго поколения (ГОС-2) строилась на циклах: цикл ГСЭ – Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины; цикл ЕН – Общие математические и естественнонаучные дисциплины; цикл ОПД – Общепрофессиональные дисциплины; ДС – Дисциплины специализации; ФТД – Факультативные дисциплины. Центральное место в структуре ГОС-2 занимал Раздел 4. Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы подготовки.

Отличительными особенностями федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения от его предшественников была направленность на результаты выявления запросов участников образовательных отношений, личности, общества и государства к результатам образования, на достижение качества образования в соответствии с запросами рынка труда.

Второе принципиальное отличие новых стандартов от предшествующих версий – включение в структуру образовательного стандарта инвариантной части (то, что обязательно к выполнению) – 60% времени, отведенного на ос-

воение модуля ОПОП обязательно, и 40% вариативной части, определяемой образовательной организацией.

Стандарты второго поколения (государственный образовательный стандарт ГОС) имеют федеральный компонент со строго определенным перечнем дисциплин и их содержанием, который в обязательном порядке должен был быть выполнен, и региональный компонент, содержание которого образовательное учреждение определяло самостоятельно. Региональный компонент в общей сложности составляет почти 5% от всей образовательной программы.

Вариативная часть дает возможность расширения и углубления подготовки, определяемой содержанием обязательной части, получения дополнительных компетенций, умений и знаний, необходимых для обеспечения конкурентоспособности выпускника в соответствии с запросами регионального рынка труда и возможностями продолжения образования.

Еще одно отличие в поколениях стандартов было в разработке профессиональной образовательной программе. На основании государственных образовательных стандартов разрабатывалась профессиональная образовательная программа (ПОП), а на основании федеральных государственных образовательных стандартов разрабатывается основная профессиональная образовательная программа образовательного учреждения (ОПОП).

Отличия наблюдаются и в требованиях. В стандартах второго поколения (ГОС) были определены требования к минимуму содержания профессиональной образовательной программы (ПОП), в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) определяются требования к *результатам образования, структуре и условиям реализации* основной профессиональной образовательной программе образовательного учреждения (ОПОП).

Принципиальным отличием образовательных стандартов нового поколения является их ориентация на результат обучения, достижение не только предметных образовательных результатов, но, прежде всего, формирование личностной компетентности учащихся, овладение ими универсальными способами учебной деятельности.

Новый стандарт построен на компетентностном подходе, что сильно меняет роль студента в учебном процессе. Учащийся должен уметь не просто воспроизводить информацию, а самостоятельно мыслить и быть готовым к реальным жизненным ситуациям.

В этой связи необходима корректировка учебных программ, приведение их в соответствие с требованиями нового ФГОС. Образовательные программы дисциплины должны быть ориентированы на повышение качества подготовки специалистов на основе создания механизмов эффективного освоения студентами компетенций, необходимых в профессиональной деятельности.

Если ранее учебные программы определяли цели, содержание, объем и порядок изучения дисциплины, то современные программы включают перечень результатов образования, формируемых дисциплиной с указанием соответствующих компетенций, перечень основных образовательных технологий

(форм, методов обучения, типовых задач), используемых для формирования компетенций, перечень типовых заданий для контроля и самооценки уровня заявленных в дисциплине результатов образования (компетенций).

Обращает внимание в требованиях новых образовательных стандартов включение контрольно-измерительных процедур, согласно которым возможно диагностировать не только усвоенные студентом знания, умения и навыки, но и уровень сформированности определенной компетенции.

Особенности построения федеральных государственных образовательных стандартов и совокупность обязательных требований к образованию ведут к проектированию новой основной образовательной программы, соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отношений, их объему.

Дальнейшая актуализация федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС 3++) была связана с сопряжением с профессиональными стандартами, областью и сферами профессиональной деятельности, обобщенными трудовыми функциями, общепрофессиональными компетенциями, индикаторами достижения, требованиями к кадровому обеспечению, (учитываются педагогические работники Организации, участвующие в реализации программы, и лица, привлекаемые к реализации программы на иных условиях), что подчеркивало особенности при проектировании основной профессиональной образовательной программы образовательного учреждения.

Развитие государственной стандартизации высшего образования, проходит в условиях глобализации социальных процессов и рынка труда, что требует внимательного отношения к кадровому потенциалу, прежде всего – молодежи.

Следует подчеркнуть, что развитие кадрового потенциала сферы молодежной политики представляет собой сложный, многогранный управленческий процесс, направленный на пополнение квалифицированными и высококвалифицированными специалистами, способными наиболее эффективно осуществлять возложенные на них функции и полномочия органов государственной власти в управлении государственной молодежной политикой.

К основным принципам развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации, в соответствии с утвержденной в 2008 г. Концепцией развития кадрового потенциала, относятся:

- «признание молодежи как социальной группы, имеющей стратегическое значение для будущего общества;
- разностороннее развитие образовательного процесса (вариативность организационных структур, форм, уровней, продолжительности и содержания обучения, расширение диапазона профессиональной востребованности образовательных программ и проектов);
- функциональное взаимодействие образовательной и профессиональной деятельности в целях совершенствования образовательного процесса;
- дифференциация обучения – выбор форм и методов обучения в зависимости от состава обучаемых, уровня их профессиональной подготовки и конкретных задач обучения;

- осуществление поддержки, координации и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, неправительственных организаций, иных юридических и физических лиц в реализации кадрового потенциала государственной молодежной политики в Российской Федерации;
- развитие преемственности, стабильности и совершенствования мер по формированию и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации» [1].

Необходимо отметить, что совокупность вышеуказанных принципов развития кадрового потенциала сферы молодежной политики должна учитываться при определении стратегических приоритетов реализации государственной молодежной политики.

Определяя статус «кадровый потенциал сферы ГМП», российские ученые особое внимание уделяют квалификации как важнейшему признаку соответствующей категории работников. В частности, ведущие социологи В.А. Луков, А.И. Турчинов обозначают кадровый потенциал сферы ГМП как «...квалифицированный состав работников предприятия, учреждения, общественной организации и в целом всей системы управления обществом и производством» [2; 5]. Таким образом, отметим, что к кадрам молодёжной политики относятся работники «...органов по делам молодежи, учреждений органов по делам молодежи, специалисты по работе с молодёжью, активисты молодежных общественных объединений, имеющие профессиональную квалификацию и непосредственно участвующие в реализации целей и задач государственной молодёжной политики в современном российском обществе» [3, с. 55].

С принятием Основ государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года (далее – Основы ГМП на период до 2025 года) была сформирована новая модель государственной молодёжной политики на долгосрочный период, которая ориентируется на качественно новые функции по развитию системы сертификации знаний и компетенций молодёжи. В настоящее время важнейшим условием реализации основных направлений государственной молодежной политики является совершенствование образовательного потенциала специалиста, занятого в сфере молодежной политики и развития молодежи, специалиста по работе с молодёжью который имеет «...соответствующую профессиональную квалификацию, работник федерального, регионального или муниципального органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, а также организации любой формы собственности, осуществляющей работу с молодёжью».

Несмотря на то, что с 2003 г. осуществляется системная подготовка кадров в сфере молодежной политики, в настоящее время особую актуальность приобретает необходимость обеспечения уровня соответствия между востребованным количественным и качественным потенциалом руководителей и специалистов, работающих с молодёжью, и деятельностью отраслевых вузов, колледжей, институтов повышения квалификации и переподготовки кадров, кадровых служб предприятий, обеспечивающих кадры для работы с молодёжью [4, с. 55].

Указанное обстоятельство обуславливает качественно новый подход к разработке и утверждению программ подготовки и переподготовки специалистов по работе с молодежью. В соответствии с утвержденными в 2018 г. федеральными государственными образовательными стандартами по направлению подготовки Организация работы с молодежью уровней бакалавриата и магистратуры (далее – ФГОС), возник вопрос о разработке актуальных примерных образовательных программ, которые в соответствии со статьей 12 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» разрабатываются с учетом их уровня и направленности.

В рамках данного исследования предлагается рассмотреть разработанный авторами проект Примерной основной образовательной программы направления подготовки Организация работы с молодежью уровня бакалавриат (далее – ПООП), который может служить комплексным методическим документом при разработке и реализации основных профессиональных образовательных программ, сопряженных с профессиональной деятельностью выпускников – специалистов по работе с молодежью.

Особое внимание в проекте ПООП следует обратить на описание профессиональной деятельности выпускника-бакалавра, который ориентирован на следующие области профессиональной деятельности:

01 Образование и наука (в сфере научных исследований);

03 Социальное обслуживание (в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде);

сфера молодежной политики и развития молодежи (реализация программ, проектов и мероприятий по работе с молодежью, поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений (п. 1.11 ФГОС);

Типы задач:

организационно-управленческий, информационно-аналитический, проектный, организационно-массовый, социально-технологический, научно-исследовательский (п. 1.12 ФГОС), которые в представленной ниже таблице раскрывают актуальность Перечня основных задач профессиональной деятельности выпускников.

Таблица 1

Перечень основных задач профессиональной деятельности выпускников

Область профессиональной деятельности (по Реестру Минтруда)	Типы задач профессиональной деятельности	Задачи профессиональной деятельности
1	2	3
01 Образование и наука (в сфере научных исследований);	Научно-исследовательский	1. Организация и участие в проведении конгрессов, конференций, семинаров, выставок и иных мероприятий в сфере молодежной политики 2. Применение статистических и социологических методов сбора социальной информации

1	2	3
	Информационно-аналитический	1. Сбор, обработка и анализ информации в целях повышения результативности и эффективности работы в сфере молодежной политики 2. Проведение информационных кампаний совместно со средствами массовой информации о мероприятиях в сфере молодежной политики
03 Социальное обслуживание, (сфера организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде)	Организационно-управленческий	1. Планирование, контроль и организация работы с персоналом, реализующим деятельность в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 2. Организация работы по контролю качества, результативности и эффективности предоставления социальных услуг в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 3. Проведение работы по продвижению и популяризации позитивного опыта в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 4. Организация мероприятий по привлечению ресурсов организаций, общественных объединений, добровольческих (волонтерских) организаций и частных лиц к реализации мероприятий в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 5. Участие в выявлении проблем в молодежной среде и выработке их организационного решения в области занятости, трудоустройства, предпринимательства, досуга, быта и взаимодействия с объединениями и организациями, представляющими интересы молодежи. 6. Взаимодействие с общественными институтами, молодежными и детскими общественными объединениями, участвующих в организации мероприятий в сфере молодежной политики 7. Организация информационного обеспечения молодежи по вопросам реализации молодежной политики, взаимодействие с молодежными СМИ и молодежными редакциями СМИ
	Научно-исследовательский	1. Проведение мониторинговых исследований с выявлением проблем в молодежной среде в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, по вопросам профилактики асоциального поведения подростков и молодежи

1	2	3
	Проектный	1. Участие в развитии проектно-аналитической и экспертно-консультационной деятельности в молодежной среде 2. Участие в разработке и внедрении проектов и программ по проблемам детей, подростков и молодежи. 3. Поддержка инициатив в молодежной среде
	Организационно-массовый	1. Организация предоставления социальных услуг, мер социальной поддержки и государственной помощи в сфере отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 2. Развитие механизмов адресной помощи молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, и молодежи, нуждающейся в особой заботе государства
	Социально-технологический	1. Диагностика и оценка результативности организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде 1. Планирование действий, выбор социальных технологий (в том числе (инновационных) форм и методов предоставления социальных услуг в сфере организации досуга и отдыха детей, подростков и молодежи, профилактики асоциальных явлений в молодежной среде
Сфера молодежной политики и развития молодежи	Организационно-управленческий	1. Планирование, контроль и организация работы с персоналом, реализующим деятельность в сфере молодежной политики и развития молодежи. 2. Организация работы по контролю качества, результативности и эффективности предоставления социальных услуг в сфере молодежной политики и развития молодежи 3. Проведение работы по продвижению и популяризации позитивного опыта в сфере молодежной политики и развития молодежи 2. Организация мероприятий по привлечению ресурсов организаций, общественных объединений, добровольческих (волонтерских) организаций и частных лиц к реализации мероприятий в сфере молодежной политики и развития молодежи
	Проектный	1. Разработка проектов (программ) в сфере молодежной политики и развития молодежи 3. Экспертиза проектов (программ) в сфере молодежной политики и развития молодежи

Образовательная организация высшего образования, осуществляющая подготовку кадров в сфере молодежной политики, вправе дополнительно установить тип задач профессиональной деятельности, к которой готовится выпускник программы, с определением задач, соответствующих этому типу.

Создание условий для оптимального обеспечения сферы молодежной политики профессионально подготовленными кадрами, обеспечивающими развитие и реализацию потенциала молодежи в интересах России, является основной целью развития кадрового потенциала молодежной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Россия и Болонский процесс. URL <http://mirznanii.com/a/180846/rossiya-i-bolonskiy-protsess/> (дата обращения 08.01.2019.).
2. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе. М.: ЕЦЭП, 2005. С. 8.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 39.03.03. Организация работы с молодежью. Утвержден Приказом Министра образования и науки Российской Федерации. 20 октября 2015 г. № 1173. Раздел. 4.
4. Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 г. № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов».
5. Приказ Минспорттуризма России от 23 декабря 2008 г. № 72 «Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации».
6. Ростовская Т.К. Социальная работа с молодежью: сборник нормативных правовых документов: Практическое пособие / Т.К. Ростовская; под ред. Б.Б. Гусева, В.И. Журко, Ю.В. Коврижных. 2013, 622 с.
7. Луков Вал. А. Гуманитарная экспертиза: взгляд экспертов-гуманитариев: Итоги экспертного опроса (май-октябрь 2007 г.). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. 70 с.
8. Управление персоналом: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. А.И. Турчинова. М.: Изд-во РАГС, 2008. 608 с.
9. Ростовская Т.К. Совершенствование образовательного потенциала специалиста сферы государственной молодежной политики // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2015. № 1. С. 55–61.
10. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.
11. Ростовская Т.К. Три кита» управления государственной молодежной политикой в современной России: в 3 томах. Т. III: Кадровое обеспечение реализации государственной молодежной политики: монография / Т.К. Ростовская, Фомина С.Н. М.: ФЦОЗ, 2017. 184 с.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 39.03.03 «Организация работы с молодежью», утвержденный приказом Минобрнауки России от 5 февраля 2018 г. № 77.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 39.04.03 «Организация ра-

боты с молодежью» утвержденный приказом Минобрнауки России от 5 февраля 2018 г. № 82.

14. Приказ Минтруда России от 29.09.2014 № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.11.2014 N 34779).

REFERENCES AND SOURCES

1. Rossiya i Bolonskij process. URL <http://mirznanii.com/a/180846/rossiya-i-bolonskiy-protsess/> (data obrashcheniya 08.01.2019.).

2. Bolonskij process i ego znachenie dlya Rossii. Integraciya vysshego obrazovaniya v Evrope. M.: ECEP, 2005. S.8.

3. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya. Uroven' vysshego obrazovaniya. Bakalavriat. Napravlenie podgotovki 39.03.03. Organizaciya raboty s molodezh'yu. Utverzhden Prikazom Ministra obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. 20 oktyabrya 2015g. №1173. Razdel.4.

4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.01.2013 №23 «O Pravilah razrabotki, utverzhdeniya i primeneniya professional'nyh standartov».

5. Prikaz Minsporttutrizma Rossii ot 23 dekabrya 2008 g. № 72 «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya kadrovogo potentsiala molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii».

6. Rostovskaya T.K. Social'naya rabota s molodezh'yu: sbornik normativnyh pravovyh dokumentov: Prakticheskoe posobie / T.K. Rostovskaya; pod red. B.B. Guseva, V.I. ZHurko, YU.V. Kovrizhnyh. 2013, 622 c.

7. Lukov Val. A. Gumanitarnaya ekspertiza: vzglyad ekspertov-gumanitariev: Itogi ekspertnogo oprosa (maj-oktyabr' 2007 g.). M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2007. 70 s.

8. Upravlenie personalom: Uchebnik. Izd. 2-e, dop. i pererab. / Pod obshch. red. A.I. Turchinova. M.: Izd-vo RAGS, 2008. 608 s.

9. Rostovskaya T.K. Sovershenstvovanie obrazovatel'nogo potentsiala specialista sfery gosudarstvennoj molodezhnoj politiki // Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki. 2015. № 1. S. 55–61.

10. Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdeny rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2014 g. № 2403-r.

11. Rostovskaya T.K. Tri kita» upravleniya gosudarstvennoj molodezhnoj politikoj v sovremennoj Rossii: v 3 tomah. T. III: Kadrovoe obespechenie realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: monografiya / T.K. Rostovskaya, Fomina S.N. M.: FCOZ, 2017. 184 s.

12. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 39.03.03 «Organizaciya raboty s molodezh'yu», utverzhdenyj prikazom Minobrnauki Rossii ot 5 fevralya 2018 g. № 77.

13. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya – magistratura po napravleniyu podgotovki 39.04.03 «Organizaciya raboty s molodezh'yu» utverzhdenyj prikazom Minobrnauki Rossii ot 5 fevralya 2018 g. № 82.

14. Prikaz Mintruda Rossii ot 29.09.2014 № 667н «O reestre professional'nyh standartov (perechne vidov professional'noj deyatel'nosti)» (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 19.11.2014 N 34779).

ПЛАНИРОВАНИЕ МЕСТНОГО РАЗВИТИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Солдаткин Александр Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: alexander.soldatkin@gmail.com

Юко Никула, старший научный сотрудник Центра российских и восточноевропейских исследований Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия). E-mail: jouko.nikula@helsinki.fi

Аннотация. Обсуждаются некоторые результаты (в части, касающейся Нижегородской области) международного исследовательского проекта, реализованного в 2016 г. исследователями из России, Швеции и Латвии. В центре обсуждения находится обсуждение проблем социально-экономического состояния и планирования развития в малых городах. Делается вывод о том, что возможный путь успешного и устойчивого развития имеет в своей основе налаживание коммуникации и сотрудничества акторов на местном уровне.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, местные сообщества, коммуникация, планирование.

LOCAL DEVELOPMENT PLANNING IN SMALL TOWNS: DEVELOPMENT TRENDS AND CONSTRAINTS

Alexander E. Soldatkin, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: alexander.soldatkin@gmail.com

Jouko Nikula, Senior Researcher of the Center for Russian and Eastern European Studies, University of Helsinki (Helsinki, Finland). E-mail: jouko.nikula@helsinki.fi

Abstract. The paper discusses some results (concerning Nizhny Novgorod region) of an international research project conducted in 2016 by Russian, Swedish, and Latvian researchers. It focuses on the processes of discussions on the current state of affairs in socio-economic sphere of small towns, and on local planning of socio-economic development. It is concluded that among the first possible steps towards successful development should be establishing sustainable social communication and cooperative ties among local actors, such as administrations, businesses, and public activists.

Key words: socio-economic development, local communities, communication, planning.

Неравномерность социально-экономического развития достаточно давно обсуждается в современной социологии России. Одним из способов построения теоретической рамки для такого обсуждения является выделение

различных типов территорий по географическому или поселенческому признаку. Одной из наиболее известных концепций такого рода является концепция «четырёх России» Н.В. Зубаревич [1; 2]. Попытки социогеографической стратификации российских регионов предпринимают и иностранные исследователи. Так, А.-М. Сэтре и Л. Гранберг в своей книге [3] дают описание «другой России», России не столиц и мегаполисов, но регионов, средних и малых городов.

В 2016 г. в рамках международного исследовательского проекта «Взаимодействие среднего и малого бизнеса и местного самоуправления для развития территорий», реализованного сотрудниками университетов Упсалы, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода и Латвийского университета в двух малых городах Нижегородской области были проведены исследовательские сессии с представителями местных администраций, среднего и малого бизнеса, общественных организаций. Сбор данных осуществлялся методами глубинного интервью, групповой дискуссии, а также деловой игры в формате Ketso. Метод Ketso впервые был применен для исследования взаимодействия на местном уровне в Нижегородской области в 2011–2012 г. [4, гл. 1, 6].

Ketso как метод планирования и исследования сообществ был разработан в 1995 г. доктором Джоанн Типпет по итогам полевой практики в Лесото. К 2005 г. метод был формализован и предложен как набор инструментов и техник для проведения групповых обсуждений [5]. В ходе обсуждения участники обмениваются мнениями и создают совместную модель ситуации вокруг обсуждаемого предмета по выбранным направлениям в четырёх аспектах:

- имеющиеся достижения;
- желаемое состояние;
- препятствия, ограничения на пути к желаемому состоянию;
- средства преодоления препятствий через личную и групповую активность участников.

Наиболее часто обозначаемые участниками цели развития, желаемые состояния обстановки в муниципалитетах отражают текущее проблемное поле социально-экономического развития. В качестве приоритетных выделяются цели развития инфраструктуры (прежде всего дорожной), а также продолжения и завершения текущих программ поддержки и развития. С небольшим отрывом за ними следует проблематика человеческих ресурсов. Одним из лейтмотивов обсуждений был отток населения из малых городов, прежде всего, молодёжи.

Следующая по частоте обсуждений тема – развитие социального и коммуникативного потенциала населения малых городов. Необходимость проявления инициативы местными акторами уже осознаётся, что приводит к осознанию и коммуникативных трудностей, разобщённости и недостатка информированности на местном уровне, что, в свою очередь, ведёт к осознанию цели преодоления этих недостатков. Осознание недостаточности социальной солидарности, сотрудничества на местном уровне носит достаточно выраженный характер. По количеству упоминаний в ряду ограничивающих этот фактор следует сразу за лидирующим инфраструктурным.

Как показал анализ, фокусировка на факторах инфраструктуры и качества социальных связей более характерна для представителей общественных организаций. Представители местных администраций и бизнеса видят ситуацию под несколько другим углом. Для них важнейшее место в ряду ограничивающих развитие факторов занимает ограниченность финансовых ресурсов и поддержки со стороны государственной власти. Однако и в их модели ситуации второе-третье места в списке рейтинга проблем отведено инфраструктуре и качеству социальных связей (см. табл. 1).

Таблица 1

**Направления и ограничения развития:
социальный аспект в восприятии членов местных сообществ**

Цели, желаемые направления развития	Проблемы, ограничения
Лучшее качество и большее количество человеческих ресурсов: • Программы удержания и привлечения молодых специалистов • Профессиональное образование (в т.ч. программы переподготовки) • Сохранение социальной инфраструктуры (детсады, школы, больницы) • Развитие местных сообществ, сохранение низовых структур общественного самоуправления	Распад социальных связей: • Социальная атомизация, снижение интереса к общественным проблемам и потребностям • Безразличие, недостаток инициативы • Взаимное непонимание • Социально-демографические проблемы, отток молодежи

Сохранение и развитие человеческих ресурсов воспринимается представителями местных сообществ не только в социально-демографическом и экономическом аспекте (как сохранение работоспособного населения), но и как способ сохранить уникальных характер сообществ.

Таблица 2

**Направления и ограничения развития: реализация текущих программ
и сотрудничество в восприятии членов местных сообществ**

Цели, желаемые направления развития	Проблемы, ограничения
• Программы удержания и привлечения молодых специалистов • Городское благоустройство (включая элементы доступной городской среды для детей, инвалидов, пожилых) • Совершенствование информационной среды (повышение доступности информации) • Повышение качества планирования на местном уровне, участие в федеральных и региональных конкурсах, грантовых программах • Демонстрация видимых результатов работы, очевидных улучшений	• Низкая мотивация к сотрудничеству между горожанами • Недостаточная поддержка инициатив местными властями • Трудности с финансированием местных общественных организаций • Недостаток координации между общественными организациями

Что касается реализации текущих программ развития, то представители местных сообществ нередко критикуют позиции администраций за недостаточную поддержку, отсутствие заинтересованности. При этом отсутствие финансовой поддержки не служит основной причиной критики, чаще отмечается недостаток взаимодействия. Вместе с тем, однако, в ходе обсуждений неоднократно высказывались намерения (с обеих сторон) активизировать сотрудничество в решении социальных проблем (см. табл. 2).

Таким образом, желаемые направления развития и осознаваемые препятствия для развития в местных сообществах тесно связаны и формируют своего рода замкнутый круг. Наиболее жесткими и трудно поддающимися решению на местном уровне выступают инфраструктурные, финансовые и отчасти социально-демографические проблемы. Решение проблем в социально-коммуникационной сфере представляется менее затруднённым. Несмотря на наличие собственных проблемных аспектов, именно социально-коммуникационная сфера местных сообществ, налаживание коммуникации на низовом уровне представляется перспективной точкой входа в процессы обсуждения и решения местных проблем для всех типов местных акторов (администрации, бизнеса, общественности). В случае успеха налаживания коммуникации и выработки общего видения проблем поиск внешних ресурсов для их решения может стать следующим шагом для местных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Наталья Зубаревич. Четыре России // Ведомости, 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (Дата обращения 01.04.2019 г.).
2. Наталья Зубаревич. Четыре России и новая политическая реальность // Polit.Ru. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (Дата обращения 10.04.2019 г.).
3. Granderg L., Sätre A.-M. The Other Russia: Local experience and societal change // Leo Granberg, Ann-Mari Sätre. Routledge, 2016. 194 p.
4. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / под общей ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород – Москва: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 268 с.
5. Ketso <https://ketso.com/> (Дата обращения 11.04.2019 г.).

REFERENCES AND SOURCES

1. Natal'ya Zubarevich. CHetyre Rossii // Vedomosti, 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (Data obrashcheniya 01.04.2019 g.).
2. Natal'ya Zubarevich. CHetyre Rossii i novaya politicheskaya real'nost' // Polit.Ru. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (Data obrashcheniya 10.04.2019 g.).

3. Granderg L., Sätre A.-M. The Other Russia: Local experience and societal change // Leo Granberg, Ann-Mari Sätre. Routledge, 2016. 194 p.
4. Partisipatornyj podhod v povysheniya kachestva zhizni naseleniya: Mono-grafiya / pod obshchej red. N.M. Rimashevskoj, N.N. Ivashinenko. Nizhnij Novgorod – Moskva: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 268 s.
5. Ketso<https://ketso.com/> (Data obrashcheniya 11.04.2019 g.).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХИАТРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ¹

Судьин Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия). E-mail: sergeysudin@fsn.unn.ru

Сучков Юрий Александрович, главный врач Клинической психиатрической больницы №1 (Нижегород, Россия). E-mail: yusuchkov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности взаимодействия профессионального пространства психиатрии и социальной работы на примере клинической психиатрической больницы №1 г. Нижнего Новгорода. Отмечаются такие факторы динамики социальной среды, как изменение парадигмы психиатрического лечения и признание комплексного характера психических нарушений, что обуславливает высокую потребность в социальных работниках в профессиональном пространстве психиатрии.

Ключевые слова: социальная работа в психиатрии, психосоциальная реабилитация, самопомощь, общественные организации, работающие в пространстве психиатрии.

SOCIAL WORK IN PSYCHIATRY: PROSPECTS FOR APPLICATION AND STRUCTURAL LIMITATIONS

Sergey A. Sudjin, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: sergeysudin@fsn.unn.ru

Yury A. Suchkov, Chief Doctor, Clinical Psychiatric Hospital №1 (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: yusuchkov@yandex.ru

Abstract. The peculiarities of interaction between professional spaces of psychiatry and social work on the example of clinical psychiatric hospital №1 in N. Novgorod are considered. Such factors of dynamics of social environment as change of paradigm of psychiatric treatment and recognition of complex character of mental disorders that causes high demand for social workers in professional space of psychiatry are noted.

Key words: social work in psychiatry, psychosocial rehabilitation, self-help, public organizations working in the space of psychiatry.

Динамика социальной среды актуализирует потребность в специалистах нового типа, появление которых возможно лишь в междисциплинарном пространстве, разрушающем привычные представления о содержательной авто-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной Нижегородской семьи».

номии отдельных видов деятельности. Одним из наиболее ярких примеров подобной профессиональной диффузии является пересечение пространств психиатрии и социальной работы.

В основе этого процесса лежит, во-первых, изменение самой парадигмы психиатрической помощи, а во-вторых, признание комплексного характера психических нарушений, в происхождении которых огромная роль принадлежит социальным факторам.

Изменение парадигмы психиатрической помощи представляет собой сложный процесс, состоящий из нескольких компонентов. Прежде всего, это усиление роли внестационарного звена в структуре психиатрического лечения и реабилитации. В результате этого уменьшается период пребывания в стационаре, высвобождается и сокращается коечный фонд, а основное время тратится на восстановление социальных и коммуникативных навыков. Если говорить о конкретных показателях, то в клинической психиатрической больнице №1 г. Н.Новгорода к 2005 г. число коек стационара сократилось с 425 до 200, обеспеченность круглосуточными койками сегодня составляет 5,5 на 10 тысяч населения (РФ – 8,9). Мощность дневных стационаров увеличилась в 4 раза и составляет сегодня 200 мест дневного пребывания – дневной стационар и медико-реабилитационное отделение по 100 мест. При этом структурные изменения не привели к росту общественно опасных действий и суицидов у психически больных.

Необходимо отметить, что перенесение во внестационарные звенья основного акцента помощи не означает отказа от иных форм работы. Комплексная лечебно-реабилитационная помощь и дифференцированный подход на всех этапах лечения (стационар, дневной стационар, поликлиника) включают фармакотерапию, психообразование и психотерапию, социальную помощь и зависят от тяжести психических расстройств, выраженности поведенческих нарушений, социально-психологических факторов.

Описанная трансформация психиатрического лечения влечет за собой резкое возрастание потребности в специалистах по социальной работе, на которых и будет возложен основной груз по реализации программ психосоциальной реабилитации во внестационарном звене. В настоящее время численность социальных работников в психиатрии регулируется приказом Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 № 566н [1], однако многие его положения носят или декларативный, или рекомендательный характер. Это свидетельствует о сложностях процесса институционализации социальной работы в психиатрических учреждениях. Тем не менее, игнорировать ее вклад в результаты лечения и реабилитации было бы неправильно. В настоящее время специалисты по социальной работе решают следующие задачи.

- Совместно с другими специалистами полипрофессиональной бригады (врачом, психотерапевтом, психологом, трудовым инструктором) создают терапевтическую среду в учреждении, терапевтические сообщества пациентов, группы по интересам;
- Занимаются решением вопросов социальной защиты и поддержки лиц, страдающих психическими расстройствами, восстановления их социальных связей, повышения уровня их социальной адаптации;

- Проводят социальное обследование пациентов (семейные отношения, бытовые и производственные условия, характер труда);
- Составляют социальную характеристику пациента и разрабатывают индивидуальный план его социальной реабилитации;
- Способствуют восстановлению функционирования пациента в различных социальных группах, оказывают помощь в налаживании семейных отношений, взаимодействии с ближайшим окружением, неформальными группами (в т.ч. с группами по интересам), рабочим коллективом;
- Проводят работу по восстановлению трудовых навыков пациента, вовлечению его в трудовую деятельность, оказывают ему помощь в рациональном трудоустройстве;
- Осуществляют мероприятия, направленные на восстановление у пациента навыков общения, межличностных отношений (специалист по социальной работе участвует в организации и проведении различных психосоциальных групп, с 2015 г. групповые формы работы осуществляются в круглосуточном стационаре);
- Проводят клубную работу;
- Оказывают помощь в решении бытовых вопросов, включая рациональное распределение бюджета, питание, соблюдение гигиенических и санитарных правил, доставку продуктов питания, лекарств, уборку помещения;
- Способствуют восстановлению социального положения пациента, получению льгот, социально-правовой защиты (восстановление на работе, оформление пенсии, получение необходимых документов, оформление опеки, помещение в интернат);
- Участвуют в подготовке выписываемого из стационара пациента к жизни в обычных социальных условиях;
- Осуществляют взаимодействие с организациями, оказывающими социальную помощь;
- Организуют взаимодействие учреждения со средствами массовой информации и населением с целью формирования адекватного отношения к лицам, страдающим психическими расстройствами [2].

Другой важный момент, касающийся трансформации психиатрической практики, заключается в изменении профессионального взгляда на семью больного ее роль в процессе психиатрического лечения. Если раньше семья рассматривалась преимущественно как терапевтический ресурс, среда, призванная обеспечить удовлетворение потребностей пациента, то в настоящее время все больше внимания уделяется правам семьи и ее собственным проблемам.

Появление психически больного в семье оказывается переломным моментом, после которого семья уже никогда не будет прежней. Процесс ее трансформации, сопряженный с необходимостью перераспределения социальных ролей внутри семьи, компенсаций, отказа от притязаний и ожиданий, не может протекать безболезненно. Факт, что семье нужна помощь в адаптации к новой ситуации, очевиден.

Особую роль здесь приобретает опыт семей, уже прошедших через эти перипетии и готовых поделиться им с нуждающимися. Основными субъектами его трансляции оказываются общественные организации родственников психиатрических пациентов. Именно они обладают наиболее адекватной информацией относительно рисков и кризисов, с которыми сопряжена болезнь, могут транслировать наиболее успешные практики совладающего поведения [3].

Наиболее популярным форматом работы общественных организаций является самопомощь – технология, основанная на взаимной поддержке лиц, имеющих одинаковые проблемы, путем обмена опытом. Групповой характер самопомощи дает возможность ознакомиться со всевозможными вариантами развития событий и стратегиями их преодоления; с другой стороны, возможности роста численности групп самопомощи в сфере психиатрии почти не ограничены в силу разнообразия и многоликости ментальных нарушений.

Важнейшим партнером больницы является Нижегородское отделение первой и единственной в стране Общероссийской общественной организации инвалидов вследствие психических расстройств и их семей «Новые возможности». Основными направлениями деятельности Нижегородского отделения являются: психореабилитация, психопросвещение, психообразование, трудоустройство, взаимодействие с родственниками, которые невозможно рассматривать отдельно друг от друга, вместе они дают положительный результат.

Центр социально-психологической поддержки «Новые возможности» расположен за пределами больницы. Ежедневно туда приходят пациенты, члены их семей, с которыми профессионалы (психиатры, социальные работники, психологи) и волонтеры проводят образовательные и поддерживающие группы, арт-терапию, индивидуальное консультирование. Среди других площадок для проведения психосоциальных воздействий можно выделить Центр современного искусства «Арсенал», выставочный зал на площади Минина, ботанический сад, детскую спортивную школу по настольному теннису. В областной детской библиотеке под руководством профессионального режиссера-постановщика проводит репетиции театр «Спиритус», актерский состав которого состоит из пациентов больницы и их родственников.

С 2011 г. Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода в тесном взаимодействии с Нижегородским отделением «Новые возможности» успешно реализует проект «День открытых дверей в психиатрической больнице», который проводится в День психического здоровья ВОЗ. Целью проекта является повышение осведомленности (психопросвещение) населения о проблемах психического здоровья и снижение стигматизации лиц, страдающих психическими расстройствами.

В настоящее время успешно осуществляется проект «Клуб «Вместе» на средства Президентского гранта, который выиграл фонд «Культурная столица Поволжья». Партнерами проекта являются Центр современного искусства «Арсенал» и «Новые возможности». Проект осуществляется для людей с ментальными заболеваниями, и главная задача – их социализация. Сотрудники больницы участвуют в качестве профессиональных экспертов. На площадке «Арсенала» участники проекта (30 человек) занимаются творчеством: рисуют, танцуют, пробуют свои силы в театральном мастерстве.

Немаловажным является и экономическая сторона вопроса: стоимость стационарного лечения значительно выше стоимости работы как в нестационарных подразделениях, обеспечивающих необходимую комплексность реабилитационных мероприятий, так и общественных организаций, способных привлекать грантовое финансирование и спонсорскую помощь. Взаимное проникновение профессиональных пространств социальной работы и психиатрии служит примером адаптации наиболее успешных практик международного опыта в социально-психиатрической сфере [4], а также является драйвером динамики социального законодательства в части взаимодействия государственных институтов и некоммерческих организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 N 566н. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132933/. Дата обращения: 12.10.2018.
2. Судьин С.А., Сучков Ю.А. Служба социальной работы в психиатрической больнице // Материалы Международной научно-практической конференции «Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии». Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 667–671.
3. Судьин С.А. Уровни гражданско-общественной активности в работе с психически больными и членами их семей // Теория и практика общественного развития, 2016. № 4. С. 37–42.
4. Судьин С.А. Социальный работник в системе психиатрического обслуживания Германии: социально-ролевой и организационный аспекты // Материалы Международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников». Н.Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 465–469.

REFERENCES AND SOURCES

1. Prikaz Minzdravsocrazvitiya Rossii ot 17.05.2012. N 566n. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132933/. Data obrashcheniya: 12.10.2018.
2. Sud'in S.A., Suchkov YU.A. Sluzhba social'noj raboty v psihiatricheskoj bol'nice // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Pomogayushchie professii: naunoe obosnovanie i innovacionnye tekhnologii». N.Novgorod: Izd-vo NISOC, 2016. S. 667–671.
3. Sud'in S.A. Urovni grazhdansko-obshchestvennoj aktivnosti v rabote s psichicheski bol'nymi i chlenami ih semej // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2016. № 4. S. 37–42.
4. Sud'in S.A. Social'nyj rabotnik v sisteme psihiatricheskogo obsluzhivaniya Germanii: social'no-rolevoj i organizacionnyj aspekty // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Specifika professional'noj deyatel'nosti social'nyh rabotnikov». N.Novgorod: NISOC, 2015. S. 465–469.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В СЕРБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Толвайшис Леонас Людвикович, кандидат политических наук (PhD), профессор Факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла» (Белград, Сербия). E-mail: leonas.tolvaisis@fdb.edu.rs

Аннотация. Рассматривается становление модели работы с молодёжью в Сербии. Представлена институциональная основа работы с молодёжью. Основные направления работы с молодёжью рассматриваются с учётом навыков, необходимых для успешного взаимодействия с молодёжью в контексте динамики социальной среды. Обозначены роли основных институциональных субъектов и тенденции дальнейшего развития молодёжной политики в Сербии.

Ключевые слова: работа с молодёжью, специалист по работе с молодёжью, молодёжная политика.

PROFESSIONALIZATION OF YOUTH WORK IN SERBIA IN THE CONTEXT OF SOCIAL ENVIRONMENT DYNAMICS

Leonas L. Tolvaishis, Candidate of Sciences (Politology) (PhD), Professor of the Faculty of security and international politics, Union – Nikola Tesla (Belgrade, Serbia). E-mail: leonas.tolvaisis@fdb.edu.rs

Abstract. The article analyses the evolution of youth work model in Serbia. It presents the institutional framework of youth work. The main areas of youth work are reviewed in the context of skills necessary for successful interaction with youth, considering a dynamic social environment. The article outlines the roles of the main institutional actors and trends of the ongoing development of youth policy in Serbia.

Key words: youth work, youth worker, youth policy.

Одним из ответов государственных институтов на изменчивую динамику социальной среды является работа с молодёжью как способ управления переменами, носителями которых являются молодые люди. Традиции работы с молодёжью в Сербии корнями уходят в XIX век, когда в стране распространились гуманитарные организации. Начало современных форм работы с молодёжью в стране положено после Второй мировой войны с внедрением системы трудоустройства и поощрения молодёжи с помощью стипендий, а также вовлечением молодёжных организаций в процесс принятия решений.

Крах социализма повлёк за собой исчезновение существовавших форм работы с молодёжью. Ввиду отсутствия институциональных рамок и стратегических документов государственного уровня, в 1990-ые гг. ведущую роль в сфере работы с молодёжью перенимают неправительственные организации. Единственный государственный орган в области молодёжной политики – Сек-

тор по делам молодёжи при Министерстве образования и спорта – был учреждён в ноябре 2001 г. В ответ на его упразднение после президентских выборов 2004 г. неправительственными организациями основана Коалиция молодёжи Сербии, выдвинувшая требование учредить государственный орган по делам молодёжи. Инициатива получила поддержку широких слоёв молодёжи. Учреждение Министерства по делам молодёжи и спорта по итогам прошедших в мае 2007 г. внеочередных парламентских выборов является прямым следствием молодёжной инициативы и примером влияния молодёжи на развитие институтов. Принятая в 2008 г. Стратегия молодёжи Сербии на период 2009–2014 гг. и учреждённые одновременно с её принятием ассоциации молодёжных объединений положили начало политике качества работы с молодёжью. Закон о молодёжи в Сербии принят в 2011 г. благодаря сотрудничеству Министерства по делам молодёжи и спорта и ряда неправительственных организаций [1, с. 5–6]. Последовала разработка Стратегии молодёжной политики на 2015–2025 гг. [2] и двухгодичных планов действий.

Законом о молодёжи, положенным в основу модели молодёжной политики Сербии, регулируются меры по улучшению социального положения молодёжи и созданию условий для реализации её потребностей и интересов [3, ст. 1]. Молодёжная политика определяется как совокупность мер и действий государственных и негосударственных субъектов, направленных на создание благоприятных условий для развития молодёжи [3, ст. 2]. Вместе с тем следует отметить, что профессионализация, стандартизация и обеспечение качества работы с молодёжью в Сербии являются сравнительно новыми тенденциями.

Сербская модель молодёжной политики опирается на развитую систему сотрудничества между государственными, региональными, местными и неправительственными акторами [4], деятельность которых координируется Министерством по делам молодёжи и спорта. Национальная ассоциация практиков работы с молодёжью (НАПОР) учреждена в 2009 г. с целью официального наделения работы с молодёжью статусом профессии. На уровне Автономного края Воеводины ключевую роль играет Краевой секретариат по делам спорта и молодёжи, а в рамках муниципальных администраций действуют местные управления по делам молодёжи, координирующие и содействующие сотрудничеству различных акторов, развитию потенциала молодёжных ассоциаций и неформальных групп, осуществляющих сбор и распределение средств.

В сербской модели работы с молодёжью различаются три вида профессий: молодёжный активист, или лидер, молодёжный работник (координатор программ по работе с молодёжью) и специалист по работе с молодёжью [5]. В начале 2019 г. профессия молодёжного работника в Сербии включена в классификатор профессий Национальной службы трудоустройства, являющийся инструментом отслеживания спроса и предложения профессий на рынке труда, выявления необходимых изменений в системах высшего образования и трудоустройства, программах поощрения экономики. Применение классификатора на практике подразумевает возможности подготовки Министерством просвещения специалистов по работе с молодёжью; создания механизмов трудоустройства компетентных молодёжных работников в образовательных

учреждениях, спортивных организациях, творческих объединениях, центрах социальной работы, студенческих общежитиях и пр.; развития организаций, осуществляющих молодёжную работу; укрепления позиций молодёжных работников в сферах, актуальных для молодёжи, в учреждениях всех уровней от муниципального до национального, а также повышения качества программ по работе с молодёжью.

Работа с молодёжью в Сербии понимается как планомерная деятельность, дополняющая формальное образование, проводимая молодёжными работниками с помощью методов неформального образования и информирования с целью оказания поддержки молодёжи в процессе обретения самостоятельности [6, с. 2]. Ключевым элементом работы с молодёжью является концепция участия, создающего условия для совместного принятия решений молодёжными работниками и представителями молодёжи, что, в свою очередь, способствует личностному и социальному развитию молодых людей посредством формирования ценностей, социальных навыков и потенциала молодёжи с учётом социальной динамики.

Изучение динамики социальной среды организовывается посредством неформальной образовательной деятельности, совмещающей досуг, просвещение и развитие молодёжной инициативы. Направления работы с молодёжью включают в себя гражданскую активность, просвещение в области здорового образа жизни, профилактику социальной изоляции и выпадения из рынка труда, социальное образование (профессиональное ориентирование, развитие идентичности и ценностей, управление эмоциями, лидерство и командную работу), межкультурное сознание, информирование молодёжи посредством координационных центров в целях привития навыков принятия решений относительно организации жизни молодого человека, экологическое самосознание, профессиональное консультирование молодёжи, а также управление досугом в целях развития физического и интеллектуального потенциала молодёжи как первой ступени на пути вовлечения в прочие виды молодёжной работы [5, с. 69]. Преимущество трудоустройства молодёжного работника заключается в проактивном подходе к молодым людям, подразумевающим проявление инициативы в установлении контактов с молодёжью по месту деятельности и вовлечению её в программы, не ожидая поступления запросов со стороны молодёжи.

Сегодняшние молодёжные работники зачастую являются прежними пользователями молодёжных программ, что свидетельствует о наметившейся традиции преемственности в работе с молодёжью. Тем не менее, около 80% молодёжных работников всё ещё работают на добровольных началах. Следовательно, большинство занятых в работе с молодёжью специалистов несёт серьёзную ответственность за реализацию молодёжных программ на безвозмездной основе. Система работы с молодёжью в Сербии зависит от энтузиазма и находчивости молодёжных работников в обеспечении ресурсов, необходимых для реализации программ. На базе классификатора предстоит разработать государственные квалификационные требования к молодёжной работе, конкретизировать квалификации, обозначить соответствующие образовательные программы и вузы, в которых они будут внедряться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Клашња С. Стратешки оквир омладинске политике у Републици Србији – изазови и перспективе. Београд: Београдска отворена школа, 2013.
2. Министарство омладине и спорта Републике Србије. Национална стратегија за младе за период од 2015. до 2025. године.
4. Закон о младима. Службени гласник РС, № 50/2011.
5. Perovic B. Country sheet on youth policy in Serbia. Council of Europe, 17 May 2016. http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/9038134/Country_sheet_Serbia_2016.pdf/2eea9820-bdc6-4ac4-83e3-4f1314b7e12f
6. Речник омладинске политике. Дефинисање појмова и субјеката омладинске политике у Републици Србији и њихових улога. Београд: Кровна организација младих Србије, 2017.
7. Смернице за осигурање квалитета програма омладинског рада Националне Асоцијације Практичара/ки Омладинског Рада. Златибор: НАПОР, 2009.

REFERENCES AND SOURCES

1. Klashnja S. Strateshki okviromladinske politike u Republici Srbiji – izazovi i perspektive. Beograd: Beogradska otvorena shkola, 2013.
2. Ministarstvoo mladine i sporta Republike Srbije. Nacionalna strategija za mlade za period od 2015. do 2025. godine.
4. Zakon o mladima. Sluzhbeni glasnik RS, № 50/2011.
5. Perovic B. Country sheet on youth policy in Serbia. Council of Europe, 17 May 2016. http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/9038134/Country_sheet_Serbia_2016.pdf/2eea9820-bdc6-4ac4-83e3-4f1314b7e12f
6. Rechnik omladinske politike. Definisane pojmove i subjekata omladinske politike u Republici Srbiji i njihovih uloga. Beograd: Krovna organizacijamladih Srbije, 2017.
7. Smernice za osiguranje kvaliteta programa omladinskog rada Nacionalne Asocijacie Praktichara/ki Omladinskog Rada. Zlatibor: NAPOR, 2009.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОМОЩИ ЗАВИСИМЫМ

Хорст Боссонг, профессор, декан факультета педагогических наук и социальной работы, Университет Дуйсбург-Эссен (Эссен, Германия). E-mail: horst.bossong@uni-due.de

Аннотация. Рассматривается существующее состояние финансирования системы помощи нарко- и алкозависимым в Германии; анализируются пути и возможности повышения эффективности ее финансирования.

Ключевые слова: социальная работа с нарко- и алкозависимыми, социальная работа в Германии, международный опыт социальной работы.

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF FUNDING ASSISTANCE TO ADDICTS

Horst Bossong, Professor, Dean of the Faculty of Educational Sciences, University of Duisburg-Essen (Essen, Germany). E-mail: horst.bossong@uni-due.de

Abstract. The current state of funding for the German drug and alcohol dependent care system is reviewed, and the ways and possibilities of improving the efficiency of its funding are examined.

Key words: social work with drug and alcohol addicts, social work in Germany, international experience of social work.

1. Kontext

Ohne Frage gehört der Bereich der Drogen- und Suchthilfe zu den am besten ausgestatteten und methodisch diversifiziertesten Sektoren der Sozialen Arbeit. Die Gründe dafür reichen in die späten 1980er Jahre zurück, als das Sucht- bzw. genauer: das Drogenproblem die breite Öffentlichkeit massiv irritierte. Das beständige Anwachsen offener innerstädtischer Drogenszenen, eine unübersehbar starke Verelendung einschließlich steigender HIV-Raten und Hepatitis-Infektionen speziell in der Gruppe der Heroinabhängigen, der Anstieg der Beschaffungs- und Begleitkriminalität sowie die vergleichsweise extrem niedrigen Therapie-Erfolgsquoten und eine abnehmende Reichweite der hergebrachten, nahezu ausnahmslos abstinenzorientierten Suchtberatungs – und Behandlungsangebote katalysierten das Drogenproblem in die Medien und damit in die öffentliche Aufmerksamkeit. Kommunen und Staat gerieten in die Defensive: Bundesweit gefordert und mit Erfolg durchgesetzt wurde der massive Ausbau des Beratungs- und Therapieangebots sowie eine methodisch deutliche Diversifizierung der Hilfelandschaft: Sog. niedrigschwellige Tagesaufenthaltsstellen nebst anderer „Überlebenshilfen“, Streetwork, institutionell organisierter Spritzentausch, Methadonsubstitution, fachkundig betreute Drogenkonsumräume, „niedrigschwellige“ Arbeitstrainings- und Beschäftigungsprogramme, schließlich in einigen Städten ärztliche Heroinprogramme wurden – jenseits der klassischen stationären und

seit den frühen 1990er Jahren auch ambulanten Therapieangebote – vielerorts institutionalisiert.

Sieht man von den durchweg ärztlich geleiteten suchttherapeutischen Angeboten (stationäre/ ambulante Therapien) sowie der ärztlichen Drogen- bzw. Ersatzdrogenbehandlung, soweit diese im Regelsystem der gesundheitlichen Versorgung organisiert ist, ab, dann sind mit Blick auf die öffentlichen Finanzierungsmodalitäten vor allem die sog. niedrigschwelligen Angebote und Beratungsstellen interessant. Ebenso interessant ist, dass das bis in die frühen 1990er Jahre hinein weitgehend außerhalb des öffentlichen Aufmerksamkeitsrads liegende Feld der Beratung und Betreuung Alkoholabhängiger, später auch Spielsüchtiger, Essgestörter usw., am Ausbau der Drogenhilfe partizipierte: Was für die Gruppe der Drogenabhängigen notwendig schien, musste, wenngleich in relativ geringerem Umfang, auch für die Abhängigen legaler Substanzen und nicht-stoffgebundener Abhängigkeitserkrankungen gelten – Sucht ist eben Krankheit, einerlei um welche Ausprägung es geht.

In vielen kommunalen Diskussionen wird indes die heutige Situation der Finanzierung der Drogen- und Suchthilfe kritisch gesehen. Wegen umfassender Konsolidierungsaufgaben der kommunalen Haushalte in den letzten Jahren beklagen freie Träger die Situation oftmals als „Mangelverwaltung“. Die vorhandene Infrastruktur wird bisweilen als marode bzw. unzureichend bezeichnet. Konstatiert wird, dass die Personalsituation in unterschiedlichen Bereichen aktuell sehr angespannt sei. Gerade das personale *pädagogische* Angebot ist ein wesentliches Qualitätsmerkmal auch der niederschwelligen Angebote. Wenn z.B. keine Fachkräfte mehr in den offenen Bereichen für notwendige fachliche Leistungen vorgehalten werden (können), sondern nur noch sozialarbeiterisch nicht ausgebildete Hilfskräfte, ist das eine durchaus bedenkenswerte Entwicklung. Denn niedrigschwellige Hilfen dürfen sich nicht auf eine *Betreuung in der Exklusion* ausrichten, sondern sie müssen auf die Inklusion und Teilhabeorientierung zielen. Hierfür müssen engagierte und fachlich gut ausgebildete Sozialarbeiter zur Verfügung stehen. Vergleichbares gilt für den therapeutischen Sektor: Wenn z.B. die Suchttherapie, insbesondere im ambulanten Bereich, vorwiegend von zusatzausgebildeten Fachkräften durchgeführt wird, diese aber durch die Rentenversicherer nicht kostendeckend refinanziert sind, ist auch dies ein Grund, die Finanzierung dieses Aufgabenfeldes auf den Prüfstand zu stellen.

Schließlich sind auch mit Blick auf innovative Finanzierungsoptionen der Drogen- und Suchthilfe einige Probleme in den Blick zu nehmen und speziell das Umsatzsteuerrecht in die Überlegungen einzubeziehen. Da das Umsatzsteuerrecht keine persönliche Befreiung für Körperschaften bei der Verfolgung gemeinnütziger Zwecke vorsieht, unterliegen nach den allgemeinen Grundsätzen sämtliche Lieferungen und Leistungen, welche ein Unternehmer gegen Entgelt erbringt, der Umsatzsteuer (§ 1 UStG). Für die Frage, ob und ggf. in welchem Umfang für eine *Leistung gegen Entgelt* eine Umsatzsteuerbefreiung infrage kommt, ist an jeden einzelnen Leistungsvorgang (Gegenstand) selbständig anzuknüpfen. Folglich ist für jede Einzelleistung (und nicht etwa pauschal) zu bestimmen, ob sie umsatzsteuerbar und umsatzsteuerpflichtig ist.

2. Hergebrachte Finanzierungsarten

Die in ihrer Systematik seit Jahrzehnten hergebrachte Art der Finanzierung sog. Niedrigschwelliger Überlebenshilfen und Beratungseinrichtungen erfolgt zu meistim Wege der Gewährung von *Zuwendungen* nach § 23 und weiterer Bestimmungen der jeweiligen LHO. Gefördert werden damit Projekte und Institutionen; erstere sind – meist entgegen der Realität – von ihrer Spezifik her inhaltlich bestimmte und zeitlich befristete Aktivitäten, letztere zielen auf die Förderung einer kompletten Institution, die als solche im öffentlichen Interesse stehende Aufgaben wahrnimmt.

Dass niedrigschwellige Tagesaufenthalts- und Überlebenshilfestellen im *öffentlichen, also jeweils kommunalen Interesse* liegen, ist, allemal sobald die politische Entscheidung hierzu getroffen ist, unzweifelhaft. Dass überdies auch therapievorbereitende Beratungsangebote diesem Erfordernis genügen, hat sich im Laufe der Jahrzehnte faktisch als unstreitig durchgesetzt, auch wenn unter systematischen Gesichtspunkten ebenso eine Zuständigkeit der Sozialversicherungsträger in Betracht gezogen werden könnte.

Ein zweiter Grundsatz der Zuwendungsgewährung zielt auf den Gedanken der *Förderung*. Generell favorisieren die einschlägigen haushaltsrechtlichen Bestimmungen *keine Vollfinanzierung*, vielmehr soll gemäß VV zu § 44 LHO/BHO diese nur *ausnahmsweise* vorkommen, „wenn die Erfüllung des [Zuwendungs-]Zwecks im notwendigen Umfang“ anders nicht realisierbar ist. In den frühen Jahren der (ambulant) Suchthilfe wurde diesem Gedanken oft durch Einsatz ehrenamtlich tätiger Kräfte und die Großzügigkeit privater Spender Rechnung getragen, doch in den jüngeren Jahrzehnten sind vor allem die Ehrenamtlichen vielfach weggefallen, sodass der sog. Eigenanteil immer weiter zurückging – teilweise auf unter 10% der jeweils p.a. anfallenden Gesamtkosten. Es war vor allem die finanziell äußerst angespannte Phase der späten 1990er und frühen 2000er Jahre, die die meisten Kommunen dazu veranlasste, auf einen wieder angemessenen (und mithin höheren) Eigenanteil der Zuwendungsempfänger zu bestehen. Gefordert waren somit sog. Drittmiteinnahmen, die die Einrichtungen zu erwirtschaften hatten und haben. Allerdings zeigte sich bald und zeigt sich bis heute, dass es sich tatsächlich oft vornehmlich um quasi unechte Drittmittel handelt, insofern lediglich bestimmte, ohnehin anfallende, also reguläre Aufgaben bzw. Leistungen fortan in neuer und anderer Art, nämlich in Form von Leistungsentgelten (re-)finanziert wurden und werden, die sodann als Drittmiteinnahmen geltend gemacht werden. Dies betrifft beispielsweise die (kommunal finanzierte) psychosoziale Betreuung Substituierter oder etwa die (über den jeweiligen Landeshaushalt bezuschussten) Beratungsangebote in Strafanstalten, mancherorts auch bestimmte Aufklärungs- und Präventionsaktivitäten in Schulen, sofern diese von den jeweiligen Schulträgern oder aus den Budgets der Schulen (re-)finanziert werden. In derartigen Fällen wird erkennbar der (fortdauernden) öffentlichen Finanzierung lediglich „ein neues Kleid“ verpasst. Andererseits, und dies ist wichtig zu betonen, ist heute das Gros der Einrichtungen genötigt, mit teilweise erheblichem Aufwand externe Förderer bzw. Sponsoren für ihre Arbeit – und hier speziell für besonders markante Aktivitäten – zu gewinnen; Aufwände – genauer: Transaktionskosten, bei denen

oft die Wirtschaftlichkeit, also ein jeweils stimmiges Aufwands-Ertrags-Verhältnis, zweifelhaft ist.

Schließlich ein dritter Aspekt: Zuwendungen werden zur *Erfüllung bestimmter Zwecke* gewährt. Über diesen Punkt hatte es vor allem im Stadtstaat Hamburg Mitte der 1990er Jahre eine heftige Kontroverse gegeben, in deren Mittelpunkt die Interpretation des Wortes „bestimmt“ stand. Zum einen: Wer *bestimmt* die Zwecke? Zum anderen: Heißt „bestimmt“, dass die Zwecke en détail bestimmt sein müssen, oder reicht auch eine Zweckbestimmung en gros? Schließlich: Was genau meint, wenn man letzteres verneint, *en détail*? Der Kontext dieser Kontroverse war seinerzeit die Absicht des Hamburger Senats, mit den in der Stadt ansässigen Trägern der Drogen- und Suchthilfe Zuwendungsverträge abzuschließen, die in der Tat sehr differenziert die jeweils zu erbringenden Leistungen in Art, Umfang und Qualität definierten. Heute sind Verfahren zur –mehr oder minder– differenzierten Leistungsbeschreibung (nicht hingegen Zuwendungsverträge) im Kontext der Zuwendungsgewährung in zahlreichen Kommunen Gang und Gäbe; derlei wird auch von den Rechnungshöfen landauf landab immer wieder gefordert. Dennoch können sie einige grundlegende Schwächen der Zuwendungsfinanzierung nicht kompensieren.

Das Instrument der Zuwendungsfinanzierung ist und bleibt – trotz aller Modifikationen der letzten zwei Jahrzehnte – im Kern eine *Input-orientierte* Art der Finanzierung sozialer Dienstleistungen. Gefördert werden die jeweiligen Einrichtungs- und sonstigen Overheadkosten (i.d.R. etwa 20% der Gesamtkosten) sowie das Vorhalten fachlich versierten Personals in einer bestimmten Menge (i.d.R. 80% der Gesamtkosten). Der Output und allemal der Outcome bleibt trotz der über die Jahre hin drastisch gestiegenen (nicht selten auch überbordenden) Dokumentations- und Rechenschaftspflichten letztlich eine black box und, was nicht minder misslich ist: finanziell von politischen (und medialen) Konjunkturen abhängig, also unsicher, nicht selten unterfinanziert und im Hinblick auf die Leistungsstärke der Suchthilfeträger und ihres Personals tendenziell ungerecht. Die Frage ist folglich: Kann's nicht auch anders gehen?

3. Optionen einer zeitgemäßen Finanzierung

Eine zwar des Öfteren diskutierte, aber kaum praktizierte Finanzierungsvariante zielt auf einen auf drei Säulen fußenden *Finanzierungsmix*: 1. eine pauschale (Voll-) Finanzierung der – nicht unmittelbar leistungsbezogenen – Infrastrukturkosten, z.B. Miet- und Mietnebenkosten, anfallende Versicherungsbeiträge und sonstige allg. Pflichtabgaben, sodann 2. die Subventionierung (d.h. Anteilsfinanzierung) des sog. niedrigschwelligen Bereichs, die im Wesentlichen die Kosten für das Angebotsspektrum der Tagesaufenthaltsstellen, Streetwork usw. bezuschusst; schließlich 3. die kostendeckende Entgeltfinanzierung für alle strukturierten einzelfallbezogenen Beratungs-, Therapievermittlungs- und Betreuungsleistungen zuzüglich der schon jetzt vielfach üblichen Einzelfallentgelte für ambulante Therapien und substitutionsbegleitende Psychosoziale Betreuungen.

Auf diese Weise, so der Gedanke, ließe sich sowohl für die Leistungsnutzer wie für die Öffentlichkeit ein Optimum an *Kostentransparenz* erzielen, zugleich

aber auch ein notwendiges oder doch mindestens wünschbares Maß an *Wertschätzung* gegenüber der jeweils offerierten bzw. bezogenen Leistung sichern – ein Aspekt von zweifellos nicht zu unterschätzender Bedeutung, denn die Botschaft lautet: Strukturierte professionelle Beratungs- und Betreuungsarbeit besitzt einen (Tausch-)Wert, der in Geld ausgedrückt werden kann, und den wertzuschätzen angemessen und erforderlich ist.

Nachteile eines solchen Finanzierungsmix sind die erkennbar hohen Verwaltungsaufwände – und zwar sowohl für den leistungserbringenden Träger wie für die finanzierende öffentliche Verwaltung; es sind aber auch eine Reihe nicht zu unterschätzender sozialleistungsrechtlicher Hürden zu nehmen: Insbesondere müssten Anspruchsrechte der suchtfährdeten und abhängigen Zielgruppen – und damit im Gegenzug: Leistungserbringungspflichten der Kommunen, der Träger und der Einrichtungen – in Art, Umfang und Qualität rechtlich normiert und hinsichtlich der jeweiligen leistungsbezogenen Entgelthöhenlandes- oder kommunalpolitisch festgeschrieben werden.

Langfristig könnte es indes um mehr gehen. Denn wer immer sich den heutigen Leistungsstand sowie den Grad der Diversifizierung des Leistungsangebots, also sowohl die Qualität als auch die Quantität des Suchthilfesektors anschaut, der vermag eigentlich nicht recht zu verstehen, dass all diese Angebote zu großen Teilen einer im Grunde antiquierten und im Kern instabilen (denn Zuwendungen sind prinzipiell *freiwillige* Leistungen der Kommunen bzw. des Staates) Finanzierungssystematik unterworfen sind; dies umso weniger, als inzwischen vielerorts nicht nur frei-gemeinnützige, sondern zumindest partiell auch gewerbliche Leistungsanbieter einschließlich Start-up-Unternehmen den Markt prägen – eine Tendenz, die im Zuge der fortschreitenden Digitalisierung (Stichwort: Online-Beratung; digital vernetzte und hoch flexible Angebotsformate) vermutlich weiter zunehmen wird.

Dennoch: Die Kommune als *Öffentlicher Träger* ist und bleibt verantwortlich für die Daseinsvorsorge, die u.a. die Sicherung des öffentlichen Zugangs zu existentiellen Leistungen entsprechend der Bedürfnisse der Bürger, orientiert an definierten qualitativen Standards und zu sozial verträglichen Preisen, umfasst. Die Leistungen zur Erhaltung und Herstellung der persönlichen Gesundheit gehören zum Kanon der existentiellen Leistungen der Daseinsvorsorge. Welche Leistungen als existentiell notwendig anzusehen sind, ist durch die politische Ebene auf der Grundlage einer jezeitgebundenen *integrativen* Gesundheits- und Sozialplanung zu ermitteln. Dabei sind die notwendigen infrastrukturellen und personalen Leistungen in ihrer Quantität zu ermitteln und mit qualitativen Standards zu unterlegen. In diesem Sinne können und müssen fundierte Entscheidungsgrundlagen für die Drogen- und Suchthilfe zielgenau durch eine regelmäßige *integrative* Sozial- bzw. Gesundheitsberichterstattung gewährleistet werden, die, über die gesundheitliche Lage und Versorgung der (Allgemein-)Bevölkerung hinausgehend, auch die spezifische Zielgruppe der Suchtkranken in den Blick nimmt. Sie beschreibt und analysiert die bestehende Situation und leitet daraus Handlungsbedarfe für Entscheidungsträger in der Politik und für das Gesundheits- und Sozialwesen ab.

Finanzpolitisch konsequent wäre dann eine Finanzierung auf Basis einer *echten Leistungsentgeltsystematik*, die dem entspräche, was wir im alltäglichen Leben

in allen gängigen personenbezogenen Dienstleistungssektoren selbstverständlich kennen: Leistung gegen Geld samt Verbraucherschutz. Im Suchthilfesektor bedeutete dies, dass sämtliche für die Einzelfallberatung/-betreuung anfallenden Kosten je nach Aufwand berechnet (d.h. Personal- und Personalnebenkosten *zuzüglich* notwendigem Overhead) über pauschalisierte Vergütungssätze (bspw. Stundensätze oder Fallpauschalen) entgolten und lediglich im begründeten Bedarfsfall (etwa als Starthilfe) noch Investitionszuschüsse oder -darlehen in Form von Zuwendungen gewährt würden. Unverkennbar zielt eine solche Finanzierung auf Output, denn finanziert wird die konkrete Dienstleistung, nicht das Vorhandensein einer Einrichtung als solcher. *Qualitätssicherung* wäre hier vornehmlich über die Anwendung zertifizierter QM-Konzepte sowie Qualitätsdialoge und auch unangemeldete behördliche Kontrollen sicherzustellen – beides durchaus schon vielfach gängige Formen der Qualitätssteuerung, die wirksam ergänzt werden müssten durch einen verbindlich normierten *Verbraucherschutz*, der die Rechte der Klient*innen stärkt.

Freilich sind auch hier die bereits oben skizzierten Nachteile und Schwierigkeiten nicht vom Tisch: Nur wenn dem einzelnen Abhängigen – analog etwa zum Persönlichen Budget – nach Bedarfsfeststellung eine Art Gutscheinsystem (möglichst in elektronischer Form) eröffnet und zugebilligt würde, mittels dessen er die fall- und situationsweise benötigten Leistungen abrufen bzw. in Anspruch nehmen und umgekehrt der betreffende Leistungserbringer diese abrechnen könnte, wäre das Ganze praktikabel, und zwar allemal dann, wenn im Zuge voranschreitender Digitalisierung (auch) in den Kommunen elektronisch gesteuerte Abrechnungssysteme gängig werden – dass dies angesichts der eher bescheidenen praktischen Fortschritte in diesem Feld noch etliche Zeit braucht, liegt wohl auf der Hand. Aber es dürfte zweifellos Sinn machen, sich schon heute auch mit den längerfristigen Perspektiven und Optionen der (durch Digitalisierung geprägten) Zukunft produktiv zu beschäftigen.

Раздел III

СЕМЕЙНАЯ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

Section III

FAMILY AND YOUTH POLICY: TRENDS OF DEVELOPMENT AND INNOVATIVE APPROACHES

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПОРТИВНОГО ПЕДАГОГА В ЦЕНТРЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Абелькалнс Илвис, доктор наук, доцент, Латвийский Университет (Рига, Латвия).
E-mail: Ilvis.abelkalns@lu.lv

Голубева Аусма, доктор наук, доцент, Латвийский Университет (Рига, Латвия)

Клемпере-Сипягина Агита, магистр педагогики, лектор, Латвийский Университет (Рига, Латвия)

Аннотация. Выявляется значимость деятельности спортивного педагога в Центрах свободного времени для детей и молодежи. Внимание уделяется общим и профессиональным компетенциям спортивного педагога.

Ключевые слова: педагог свободного времени, педагог спорта, Центр свободного времени, компетентность.

THE PERFORMANCE OF A SPORT TEACHER AT FREE TIME ACTIVITIES' CENTER IN LATVIA

Abelkalns Ilvis, Doctor of Science, Associate Professor, University of Latvia (Riga, Latvia)
E-mail: Ilvis.abelkalns@lu.lv

Golubeva Ausma, Doctor of Science, Associate Professor, University of Latvia (Riga, Latvia)

Klempere-Sipyagina Agita, Master of Pedagogy, Lecturer, University of Latvia (Riga, Latvia)

Abstract. The article is devoted to revealing the importance of the activity of a sports teacher in free time centers for children and youth. Attention is paid to general and professional competences of sports teachers.

Key words: teacher of leisure time activities, sports teacher, leisure time centre, teacher's competence.

Представители молодого поколения всегда находятся под пристальным вниманием специалистов разных профилей, деятельность которых направлена на различные аспекты жизнедеятельности населения, в частности, на профилактику отклоняющихся видов поведения. Рост девиаций в молодежной среде связан со многими факторами, одним из которых являются деструктивные тенденции проведения свободного времени, а именно: криминализация молодежного досуга, употребление зависимых веществ, чрезмерное использование Интернет технологий, разрыв межпоколенных связей. К тому же неправильное питание и неподвижный образ жизни значительной части молодого поколения, которые фактически являются сегодня характеристиками свободного времяпровождения детей и молодежи, еще в большей степени

актуализируют проблему изучения организации досуга данной возрастной категории.

Вовлечение детей и молодежи в деятельность, связанную с проведением свободного времени, является важным аспектом жизнедеятельности, способствующим их развитию как личности, укреплению здоровья. Одним из способов проведения свободного времени является двигательная активность, которая способствует всестороннему физическому и психическому развитию, являясь важным социализирующим средством.

В г. Риге находится 10 Центров проведения свободного времени, где школьники могут участвовать в занятиях по интересам, приобретая знания и навыки в области изобразительного и музыкального искусства, двигательной активности и других видов творчества. В Центрах свободного времени дети и молодежь имеют возможность отдохнуть и выбрать для себя понравившийся вид творческой, спортивной активности.

Статья 47 Закона «Об образовании Латвийской Республики» предусматривает, что образовательные учреждения, созданные государственными органами и органами местного самоуправления, имеют право осуществлять образовательные программы по интересам, а также юридические и физические лица могут осуществлять эти программы после получения соответствующей лицензии в местном самоуправлении. Преподавателем образования по интересам может работать человек, получивший высшее педагогическое образование или завершивший программы повышения квалификации, или педагог со специальным педагогическим образованием [1]. При этом особое внимание уделяется профессиональной компетентности педагогов.

В Руководящих принципах Европейского Союза в 2006 г. и в Руководстве по образованию в Латвии 2018 г., компетенция определяется как комбинация знаний, навыков и подходов, соответствующих контексту [2].

Б. Хоскинс (Bryony Hoskins) и Р. Дикин Крик (Ruth Deakin Crick) интерпретируют понятие «компетентность» как комплекс сочетания знаний, навыков, понимания, ценностей, отношений и желаний, которые служат основой для действий человека в данном мире в конкретной области [2].

Учитель спорта также должен в своей деятельности опираться на компетентностный подход, т.к. он обязан уметь управлять разными ситуациями, связанными с обеспечением педагогического процесса, обеспечением безопасной и благоприятной среды, построением позитивных мотивирующих межличностных отношений. Для этого, по мнению В. Озолс (V. Ozols), представитель сферы образования (в нашем случае – это учитель спорта), взаимодействующий с детьми и молодежью, должен обладать индивидуально-психологическими особенностями, которые позволяют ему осуществлять данный вид деятельности на более высоком профессиональном уровне. Исследователь выделил следующие способности, от которых зависит эффективность деятельности педагогов, в том числе и учителя спорта: дидактические, коммуникативные, организационные, авторитетные, академические способности [3]. Особое значение автор придает последним трем способностям. Так, в частности, авторитетные способности – это способность педаго-

га влиять на детей и молодежь собственными характеристиками личности, такими как сила воли, эмоциональность. По мнению автора, авторитет должен быть у каждого учителя, только уровень его выражения может быть различным, что зависит от индивидуальности каждого учителя. Академические способности позволяют учителю углубленно осваивать свой предмет, посещая различные курсы повышения квалификации, переподготовки и индивидуально обучаясь в автономном режиме [3]. Авторы считают необходимым добавить и такую способность, как разработка учебных программ, что сопряжено со знаниями и опытом, накопленными за многие годы.

Согласно статье 47 часть 1 Закона Латвийской Республики «Об образовании по интересам», оно является добровольным, и не требует наличия необходимой степени определенного уровня образования [1].

Основными задачами образования интересов являются: развитие способностей и талантов детей и молодежи; предоставление возможности для творческого самовыражения и развития своей индивидуальности; обеспечение значимых и полезных развлечений; содействие развитию гражданской и национальной идентичности; содействие профилактической работе для предотвращения негативных тенденций среди молодежи; обеспечение руководства для выбора профессии; получение дополнительного образования, подходящего для практической работы и жизни [4].

Участие в мероприятиях Центра свободного времени (ЦСВ) способствует процессу социализации учащихся. Это особенно важно для детей и молодежи, которые испытывают трудности в социальной интеграции.

Как подчеркивают Э. Фридрихссон, И. Гринтале и др. (Fridrihsone E., Grīntāle I.), социальная интеграция – это процесс, который направлен на то, чтобы предоставить всем, в основном наиболее нуждающимся, обездоленным членам общества, возможность участвовать в жизни общества. Одним из способов интеграции детей и молодежи в социум может являться вовлечение целевой аудитории в деятельность ЦСВ [5].

Задача учителя спорта как педагога свободного времени состоит в том, чтобы мотивировать учеников активизироваться в сфере физической культуры и спорта, раскрыть свои физические способности, принимая во внимание индивидуальные интересы и способности каждого человека.

В рамках заявленной темы было проведено исследование, в ходе которого приняли участие руководители Рижских Центров свободного времени (N=3 чел.) и спортивные учителя (N=5 чел.). С помощью качественного метода (интервью) были выявлены особенности деятельности педагогов в Центрах свободного времени для детей и молодежи, их уровень компетентности в контексте деятельности свободного времени.

Авторов статьи интересует вопрос, каким должен быть педагог по интересам образования – спортивный учитель? Респонденты отметили, что учитель, безусловно, должен иметь профессиональное образование в соответствующей области; принимать активное участие в спортивных мероприятиях, уметь вовлекать учеников в спортивные игры, знать правила игры; обладать умением подготовки, творческой организации спортивных соревнований и

мероприятий. Однако для учителя спорта как профессионала этого недостаточно, спортивный педагог должен ориентироваться в спортивных событиях как в Латвии, так и в глобальном масштабе, чтобы быть готовым к обсуждению интересующих молодежь вопросов, касающихся сферы физической культуры и спорта.

В основном посещают Центр свободного времени ученики в возрасте 11–12 лет. Самой большой мотивацией для посещения центра является встреча с друзьями, а также спортивные мероприятия. Мотивация школьников к занятиям спортом в ЦСВ в большей степени связана с возможностью получить положительные эмоции и познакомиться с новыми друзьями.

Спортивный учитель в Центре свободного времени должен быть разносторонним (образованным, знающим, спортивным, с навыками слушания) и обладать широким спектром качеств (дружелюбным, веселым, ободряющим, заслуживающим доверия, поучительным), что является важными составляющими общей и профессиональной компетентности. Учитель спорта в ЦСВ должен быть наделен любовью к детям, умением слушать их, вдохновляющим, дружелюбным, физически активным, разносторонним человеком (быть компетентным в спортивных играх, уметь обращаться с новейшими технологиями, быть артистичным, креативным, хорошо осведомленным в этой области), с желанием совершенствоваться. Значимость ЦСВ сегодня, несомненно, высока потому, что школьникам предлагается место, где они могут проводить свободное, содержательное, развивающее и безопасное времяпровождение со своими сверстниками под наблюдением учителей, в определенной степени контролирующих процесс их жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Latvijas Republikas tiesību akti. Izglītības likums (Законодательство Латвийской Республики. Закон об образовании); Likumi.lv; [Atsauce: 16.05.2014.] Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=50759>.
2. Mācīšanās lietpratībai (Обучение знаниям) (2018). Kolektīvā monogrāfija. LU Akadēmiskais apgāds, 263. lpp. Pieejams: <https://doi.org/10.22364/ml/2018>.
3. Ozols V. (1990), Tavanākamā profesija. Skolotājs, (Ваша следующая профессия. Учитель), Rīga „Zvaigzne” 1990.
4. Interese un izglītība Latvijā un interese un izglītības iestāžu lomā, (Образование Интересов: в Латвии и роль учебных заведений по интересам), Pētījums. [Atsauce: 16.05.2014.] Pieejams: http://www.cbjc.lv/petijumi/petijuma_zinojums_interesu_izglitiba_12.pdf.
5. Fridrihsone E., Grīntāle I., Jansone A., Misāne G., (2011). Brīvprātīgā darba organizēšana pašvaldībā, Rokasgrāmatas pašvaldības darbiniekiem (Организация волонтерской работы в муниципалитете, справочник для работников местного самоуправления); Rīgas Domes Izglītības, kultūras un sporta departaments.

REFERENCES AND SOURCES

1. Latvijas Republikas tiesību akti. Izglītības likums (Zakonodatel'stvo Latvijskoj Respubliki. Zakon ob obrazovanii); Likumi.lv; [Atsauce: 16.05.2014.] Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=50759>.
2. Mācīšanās lietpratībai (Obuchenie znaniyam) (2018). Kolektīvā monogrāfija. LU Akadēmiskais apgāds, 263. lpp. Pieejams: <https://doi.org/10.22364/ml/2018>.
3. Ozols V. (1990), Tavanākamā profesija. Skolotājs, (Vasha sleduyushchaya professiya. Uchitel'), Rīga „Zvaigzne” 1990.
4. Interesei izglītībā Latvijā un interesei izglītības iestādē, (Obrazovanie Interestov: v Latvi i rol' uchebnyh zavedenij po interesam), Pētījums. [Atsauce: 16.05.2014.] Pieejams: http://www.cbjc.lv/petijumi/petijuma_zinojums_interesu_izglitiba_12.pdf.
5. Fridrihsone E., Grīntāle I., Jansone A., Misāne G., (2011). Brīvprātīgā darba organizēšanas pašvaldībā, Rokasgrāmatas pašvaldības darbiniekiem (Organizaciya volonterskoj raboty v municipalitete, spravochnik dlya rabotnikov mestnogo samoupravleniya); Rīgas Domes Izglītības, kultūras un sporta departaments.

СОВРЕМЕННАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ В МНОГОМЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Акутина Светлана Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, сервиса и туризма Психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: sakutina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается отношение студенческой молодежи к браку и созданию семьи, представлен анализ приоритетных семейных ценностей; выявлено, что молодежь ориентирована в первую очередь на создание успешной карьеры, значение семьи в системе ценностей современной студенческой молодежи занимает второстепенные позиции. Приоритетным остается профессиональное самоопределение, возможность быть востребованным на современном рынке труда.

Ключевые слова: студенческая семья, семейные ценности, брак, общество, карьера, профессиональное самоопределение.

THE MODERN STUDENT FAMILY IN THE MULTIDIMENSIONAL SPACE OF SOCIETY: THE VALUE ASPECT

Svetlana P. Akutina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Social Work, Service and Tourism, Faculty of Psychology and Pedagogy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch (Arzamas, Russia). E-mail: sakutina@mail.ru

Abstract. The article discusses the attitude of student youth towards marriage and family formation, presents an analysis of priority family values; It was revealed that young people are primarily focused on creating a successful career, the importance of the family in the value system of modern students takes secondary positions. The priority remains professional self-determination, the ability to be in demand in the modern labor market.

Key words: student family, family values, marriage, society, career, professional self-determination.

Молодежь определяет будущее страны, государства, поэтому изменение особенностей ее самоопределения представляет для общества большой научный интерес и практическое значение. Особенно важным является отношение молодежи к браку и семье. «Крепкая, здоровая семья – залог здорового общества и крепкого государства. Поэтому социум заинтересован в подготовке молодого поколения к созданию крепкой семьи» [1]. Происходящие в современном обществе кризисные явления затрагивают многие сферы общественной жизни, в том числе и семейные. Как отмечает в своих исследованиях Ю.П. Лежнина, «несмотря на модификацию ценностных установок, семья

не перестает быть не просто важной, но очень важной ценностью» [2]. Укрепление института семьи будет невозможно без внесения коррекций в ценностные установки современной молодежи, а в нашем контексте – студенческой семьи. Качество жизни студенческой семьи напрямую зависит от качества жизни общества и выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связано с восприятием членами семьи своего положения в обществе. На данный феномен влияют различные факторы, называемые ресурсами семьи, которые в своей совокупности могут быть использованы для удовлетворения потребностей членов семьи и определяются как ресурсный потенциал семьи [3].

Студенческая семья – это особый тип семей, где оба супруга являются студентами дневной (очной) формы обучения высшего или среднего учебного заведения, а также неполная семья с детьми, в которой мать или отец являются студентом дневной (очной) формы обучения. Основным показателем жизнеспособности студенческой семьи, по мнению З.Х. Саралиевой, является ее ресурсность. «Ресурсность семьи – это один из компонентов жизнеспособности семьи и определяется как комплексное, интегративное понятие, совокупность потенциалов для формирования и удовлетворения основных потребностей семьи» [4, с. 197].

Ценностные ориентации молодежи, отношение их к семье и браку стали предметом исследования многих отечественных ученых: А.С. Власенко, В.И. Добрыниной, Е. Зритневой, Ю.А. Зубок, Т.В. Ищенко, А.И. Ковалевой, З.Х. Саралиевой. Социологи отмечают, что в контексте формирования семейных ценностей и установок у молодежи приоритетными становятся ценности образования, материальные блага, построение карьеры, профессиональное самоопределение, самостоятельность. Одной из наиболее приоритетных задач современной социологической науки является накопление эмпирических фактов, знания об изучаемых явлениях.

С целью выявления отношения студенческой молодежи к семье, браку, ценностям семейной жизни нами был проведен анкетный опрос среди студентов-очников 1-х – 4-х курсов Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа», «Туризм», «Сервис» в количестве 133 человека в возрасте от 17 до 21 года. В опросе приняло участие 39 юношей, что составляет 29,3%, доля девушек – 94 человека (70,7%). Задачей данного исследования было выявление значения семьи в системе ценностей студенческой молодежи. В результате проведенного исследования было выявлено, что студенческая молодежь ориентирована, в первую очередь, на создание успешной карьеры и профессионального самоопределения, а значение семьи в системе ценностей современной студенческой молодежи недостаточно высоко. На вопрос, «Каким на ваш взгляд является подходящий (приемлемый) возраст для создания семьи?», первые позиции заняла возрастная категория от 24–28 лет (42,4%), второе место заняла позиция 21–23 года (37,7%), третье место 29–35 (16,3%), четвертое место – 19–20 лет (4,6%). Третьим вопросом анкеты ставилась цель выявить отноше-

ния студенческой молодежи к браку. Нами были получены следующие результаты: 64,6%, среди них 47,4% – юноши, опрошенных считают, что их устраивает гражданский брак, так как он является «репетицией, подготовкой к настоящему, зарегистрированному браку», «помогает приобрести опыт совместного проживания и ведения хозяйства», «умения распределить бюджет», «освоить в дальнейшем роли мужа и жены», «является необременительным совместным союзом, который можно прекратить в любое время». Как видим из ответов студентов, большая их часть не считает семью и брак первостепенной ценностью, у них не сформирована ответственность за другого человека. Рождение ребенка практически не является обязательным условием регистрации брака: так считают 55,4 % опрошенных юношей и 31,3 % девушек. Данные факты позволяют сделать вывод, что современная студенческая молодежь не ставит во главу угла семейные ценности, ценности брака, рождения детей, сохранение семейных традиций, продолжения рода. Девушки также отметили, что рождение и воспитание ребенка возможно без отца, а рождение первого ребенка отнесено примерно к 25–27 годам, чтобы «можно было устроиться в жизни», «встать на ноги», «найти хорошо оплачиваемую работу». Приоритетным для студенческой молодежи остается профессиональное самоопределение, возможность сделать карьеру.

Пятый вопрос анкеты содержательно был направлен на выявление мнения о распределении функциональных ролей в семье. Ответы распределились следующим образом: юноши считают, что главой семьи должен быть мужчина (61,1%), 27,8% юношей ответили, что роли в семье должны быть распределены поровну в зависимости от ситуации. Ответы девушек распределились следующим образом: 43,9% – в семье главным должен быть мужчина, 47,4% отвели главную роль в семье женщине, 8,9% затруднились с ответом. Как видно из ответов девушек, практически половина считает, что главную роль в семье должна выполнять женщина, что указывает на высокий уровень самостоятельности современных девушек, способность зарабатывать, воспитывать детей, независимо от мужчины.

Наше исследование показало, что студенческая молодежь не стремится к созданию семьи, карьера является главной ценностью в жизни. Такие же ценности, как семья, брак, дети, не являются приоритетными. Это говорит о деформации социального института семьи и изменения традиционного уклада семейных ценностей, несформированности ответственного и осознанного родительства. Основными мотивами вступления в брак студенческая молодежь отмечает такие позиции: любовь (42%), желание иметь детей (17%), «поддержка в трудную минуту, чтобы был рядом надежный человек» (10%), «вступить в брак и создать семью, потому что так принято в нашем обществе» (4%), незапланированная беременность (27%).

Таким образом, можно сказать, что в современном мире кардинально изменились жизненные приоритеты, в том числе и семейные ценности. Одни ученые говорят о трансформации института семьи, другие – об упадке семейных ценностей. Очевидно, семья приспосабливается к новым условиям и происходит процесс обострения противоречия между семейными и внесемейными

ми ценностями. Исследования показали, что семья и наличие детей перестали быть социально значимыми приоритетами в системе ценностей современной молодежи, они значительно утратили свою позицию. Современная молодежь превыше всего ставит независимость и карьеру, достижение высокого статуса. Семья планируется после создания успешной карьеры в далекой перспективе. Чтобы преодолеть негативное отношение к созданию семьи, трансформации семейных ценностей, необходима комплексная целенаправленная работа в данном направлении, поиск новых путей, технологий пропаганды семейных ценностей в контексте инновационных процессов, происходящих в современном обществе и затрагивающих все сферы жизнедеятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Левина А.А. Семья в системе ценностей современной молодежи: социологический аспект // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28016> (дата обращения: 07.02.2019).
2. Лежнина Ю.П. Семья в ценностных ориентациях / Ю.П. Лежнина // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69–77.
3. Молодая семья в современном обществе [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / Е.В. Рыбак, Н.Г. Слепцова, А.Б. Федулова, Н.В. Цихончик, под общей ред. А.Б. Федуловой. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: САФУ имени М.В. Ломоносова, 2017. 238 с.
4. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи / З.Х. Саралиева // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2002. № 1. С. 192–200.

REFERENCES AND SOURCES

1. Levina A.A. Sem'ya v sisteme cennostej sovremennoj molodezhi: sociologicheskij aspekt // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2013. № 10 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28016> (data obrashcheniya: 07.02.2019).
2. Lezhnina YU.P. Sem'ya v cennostnyh orientacijah / YU.P. Lezhnina // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. № 12. S. 69–77.
3. Molodaya sem'ya v sovremennom obshchestve [Elektronnyj resurs]: uchebno-metodicheskoe posobie / E.V. Rybak, N.G. Slepцова, A.B. Fedulova, N.V. Cihonchik, pod obshchej red. A.B. Fedulovoj. 2-e izd., ispr. i dop. Arhangel'sk: SAFU imeni M. V. Lomonosova, 2017. 238 s.
4. Saralievа Z.H. Social'no-psihologicheskaya sub"ektnost' i kompetentnost' sem'i / Z.H. Saralievа // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. 2002. № 1. S. 192–200.

МАЛООБЕСПЕЧЕННЫЕ СЕМЬИ С ДЕТЬМИ: СЕТИ ВЗАИМНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Варызгина Алла Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: varyzgina@mail.ru

Сэтре Анна-Мария, директор по научной деятельности, Институт российских и евроазиатских исследований, Университет Упсалы (Упсала, Швеция). E-mail: ann-mari.satre@ires.uu.se

Гранберг Лео, почетный профессор, Факультет гуманитарных наук, Александровский институт, Университет Хельсинки (Хельсинки, Финляндия). E-mail: leo.granberg@helsinki.fi

Аннотация. На основании результатов серии международных проектов анализируются сети социальной поддержки как один из основных источников поддержки малообеспеченных семей с детьми и их активности, направленной на снижение риска бедности.

Ключевые слова: семьи с детьми, сети взаимной поддержки, бедность.

LOW-INCOME FAMILIES: SOCIAL NETWORKS OF MUTUAL SUPPORT

Alla A. Varyzgina, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer of the Department of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: varyzgina@mail.ru

Ann-Mari Satre, Research Director, Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University (Uppsala, Sweden). E-mail: ann-mari.satre@ires.uu.se

Granberg Leo, Professor Emeritus, Humanistic Faculty, Aleksanteri Institute, University of Helsinki (Helsinki, Finland). E-mail: leo.granberg@helsinki.fi

Abstract. The paper is based on the results of a series of international projects. The paper analyses social support networks as one of the main sources of support for low-income families with children and their activity in reducing the risk of poverty.

Key words: families with children, social networks of mutual support, poverty.

Семьи с детьми остаются наиболее материально уязвимой категорией населения. По данным исследований, рождение даже первого ребенка, как правило, заметно снижает уровень материального благосостояния семьи, а также ее потребительские стандарты, зачастую ставя семью на грань бедности [1; 2; 3]. Семьи с детьми являются не только объектами социальной поддержки, но и субъектами, преодолевающими жизненные трудности за счет трансформации своей трудовой и потребительской активности, конвертации

имеющихся в семье ресурсов за счет активного взаимодействия с социальной сферой.

Малообеспеченные семьи с детьми, как правило, проявляют активность в повышении своего жизненного уровня. Степень и форма активности семей, а также ее успешность напрямую зависят от ресурсности семей [4; 5]. Ресурсные семьи избирают, как правило, стратегии, направленные на качественные изменения в жизни семьи, приводящие в перспективе к повышению жизненного уровня. В свою очередь, активность низкоресурсных семей часто ограничивается деятельностью, направленной на выживание семьи, предотвращение дальнейшего падения жизненного уровня [6].

Малообеспеченным семьям с детьми оказывается государственная поддержка, однако, в современной экономической ситуации она не является достаточной и не способна решить задачу преодоления бедности семьи. Поэтому даже среди бедных семей число обращающихся за помощью в государственные организации, органы социальной защиты невелико [7]. Невелико и число малообеспеченных семей, обращающихся за помощью в некоммерческие общественные организации. Основным источником поддержки семьи в трудной жизненной ситуации являются сети социальной поддержки.

Статья основана на результатах серии международных проектов, реализованных Финским центром перспективных исследований университета Хельсинки (Финляндия), Центром российских и евразийских исследований университета Упсалы (Швеция) и Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского, проведенных на протяжении 2010–2018 гг. в Нижегородской области. Нижегородская область представляется среднестатистическим регионом России по уровню социально-экономического развития и по уровню социальной активности [7]. В рамках исследований были проведены интервью в столице региона, а также в малых городах и сельской местности с 58 малообеспеченными семьями с детьми, а также с 20 НКО области.

Система межсемейной взаимопомощи, реципрокный обмен остается важным фактором снижения бедности во многих странах и в России, в том числе [8; 9]. Включенность семьи в социальные сети поддержки предоставляет ей доступ к обмену широким сектором ресурсов местного сообщества, обеспечивает выживаемость домохозяйств [10; 11; 12]. Взаимная поддержка семей довольно разнообразна и включает в себя следующие аспекты:

- обмен одеждой, обувью (преимущественно детской), игрушками;
- помощь деньгами, товарами (особенно в отношении семей в особо трудной жизненной ситуации);
- помощь советом, обсуждение проблем;
- объединение усилий в решении общих проблем;
- совместная деятельность по организации досуга для детей;
- деятельность по благоустройству территорий;
- организация клубов, кружков (приобретение новых навыков).

В отличие от межсемейных обменов между родственниками, семьями родителей и детей [10], взаимная поддержка семей с детьми, как правило, не-

монетарна. В большинстве случаев социальная активность семей направлена на их ближайшее окружение – родственников, друзей, знакомых, коллег. Это подтверждает значение слабых связей в жизни семьи [13]. Несмотря на то, что межсемейные обмены, как правило, скорее направлены на выживание семьи и не решают стратегической задачи повышения ее жизненного уровня, сети взаимной поддержки, неформальные отношения служат важным фактором существования семьи [11].

Ограниченность ресурсов малообеспеченной семьи, а также исключенность семей из сетей взаимной поддержки снижает возможности семьи в избрании проактивной стратегии преодоления бедности. Задачей государственных, некоммерческих организаций, взаимодействующих с малообеспеченными семьями с детьми, предоставляющим им различные социальные услуги, должно стать направление активности на создание условий для вовлечения социально исключенных семей в процесс взаимопомощи. Социально исключенные низкоресурсные малообеспеченные семьи с детьми, не включенные в сети взаимной поддержки, ограничены в выборе стратегий выживания и особенно стратегий повышения жизненного уровня и выхода из бедности. В частности, ограничены их возможности в обращении за помощью к существующим некоммерческим организациям, т.к. информация о НКО и о том, как они могут помочь, распространяется, в первую очередь, по каналам межличностной коммуникации, в том числе в пространстве Интернет.

Как правило, социальные сети поддержки основаны на личных контактах и довольно стабильны по числу и составу участников. Однако, в некоторых случаях сети взаимной поддержки организуются спонтанно (например, для решения разовых крупных проблем, таких как помощь погорельцам) и включают в себя участников, не знакомых друг с другом лично. Такие самоорганизующиеся сети взаимопомощи для совместного решения проблем являются одним из проявлений механизма общественного участия в снижении риска бедности. Общественные некоммерческие организации могут играть роль фасилитаторов более активного взаимодействия семей с детьми, вовлечения их в сети взаимной поддержки, направленной на снижение риска бедности семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Региональные особенности уровня и качества жизни: Монография / под ред. Римашевской Н.М. М.: ООО «М-Студио», 2012. 392 с.
2. Римашевская Н.М. Семья и дети в условиях транзитивной экономики // Социальный капитал и социальное расслоение / Под ред. Джудит Л. Твигг и КэйтШектер, 2003. 384 с.
3. Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Январь-август / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 33 с.
4. Сен А. Развитие как свобода / Сен А. / Пер с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

5. Kay R., 2011. (Un)caring communities process of marginalization and access for formal and informal care and assistance in Rural Russia. *Journal of Rural studies*. 27(1): 45–53.
6. Attitudes, Poverty and Agency in Russia and Ukraine / ed By Ann-Mari Satre, IldikoAsztalos Morell. Rothledge, 2015. 160 p.
7. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения. Под общей редакцией Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород-Москва, 2013. 268 с.
8. Ivashinenko N. 2014. Searching for a new approach to face poverty on the local level: A case study in a small Russian town. *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe* 22(3): 403–419.
9. Куликова А.В. Сети социального взаимодействия как стратегия выживания домохозяйств // Гуманитарии в XXI веке Министерство образования и науки РФ; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук; Нижегородское региональное отделение Межрегиональной общественной организации «Академия гуманитарных наук»; Под общей редакцией З.Х. Саралиевой, 2013. С. 139–142.
10. Барсукова С.Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 34–45.
11. Salmi A-M. 2006. Social networks and everyday practices in Russia. Helsinki: Kikimora Publikations. 120p.
12. Shubin S. 2007. Networked poverty in Rural Russia. *Europ-Asia studies* 59(4): 591–620.
13. Granovetter M.S. [1973] The strength of weak ties. *American Journal of Psychology*, 78 (6): 1360–1380.

REFERENCES AND SOURCES

1. Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni: Monografiya / pod red. Rimashevskoj N.M. M.: ООО «М-Studio», 2012. 392s.
2. Rimashevskaya N.M. Sem'ya i deti v usloviyah tranzitivnoj ekonomiki // Social'nyj kapital i social'noe rassloenie / Pod red. Dzhudit L. Tvigg i KejtSHekter, 2003. 384 s.
3. Naselenie Rossii v 2018 godu: dohody, raskhody i social'noe samochuvstvie. Monitoring NIU VSHE. YAnvar'-avgust / pod red. L.N. Ovcharovoj. M.: NIU VSHE, 2018. 33 s.
4. Sen A. Razvitie kak svoboda / Sen A. / Per s angl. pod red. i s posleslov. R.M. Nureeva. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 432 s.
5. Kay R., 2011. (Un)caring communities process of marginalization and access for formal and informal care and assistance in Rural Russia. *Journal of Rural studies*. 27(1): 45–53.
6. Attitudes, Poverty and Agency in Russia and Ukraine / ed By Ann-Mari Satre, IldikoAsztalos Morell. Rothledge, 2015. 160 p.
7. Partisipatornyj podhod v povyshenii kachestva zhizni naseleniya. Pod obshchej redakciej N.M. Rimashevskoj, N.N. Ivashinenko. Nizhnij Novgorod-Moskva, 2013. 268 s.
8. Ivashinenko N. 2014. Searching for a new approach to face poverty on the local level: A case study in a small Russian town. *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe* 22(3): 403–419.

9. Kulikova A.V. Seti social'nogo vzaimodejstviya kak strategiya vyzhivaniya domohozyajstv // Gumanitarii v HKHI veke Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, fakul'tet social'nyh nauk; Nizhegorodskoe regional'noe otdelenie Mezhhregional'noj obshchestvennoj organizacii «Akademiya gumanitarnyh nauk»; Pod obshchej redakciej Z.H. Saralievvoj, 2013. S. 139–142.
10. Barsukova S.YU. Setevye obmeny rossijskih domohozyajstv: opyt empiricheskogo issledovaniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. № 8 (256). S. 34–45.
11. Salmi A-M. 2006. Social networks and everyday practices in Russia. Helsikni: Kikimora Publikations. 120r.
12. Shubin S. 2007. Networked poverty in Rural Russia. Europ-Asia studies 59(4): 591–620.
13. Granovetter M.S. [1973] The strength of weak ties. American Journal of Psychology, 78 (6): 1360–1380.

КОНФЛИКТЫ, ПОЯВИВШИЕСЯ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ¹

Григорьева Ирина Андреевна, доктор социологических наук, профессор, профессор Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: soc28@yandex.ru

Квасова Олеся Сергеевна, студентка Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olesya010397@gmail.com

Аннотация. Рассмотрен ряд вопросов, касающихся технологии проведения начавшейся в 2018 г. в России пенсионной реформы. Международная практика свидетельствует, повышение возраста выхода на пенсию – основная используемая мера. Реализуется в более медленном темпе, чем полгода в год. Рассмотрены варианты изменения пенсионной системы, не учтенные в предложенной реформе. Другие варианты – увеличение трудового стажа или собираемости социальных отчислений с предприятий, реализовать было бы еще сложнее из-за нахождения «в тени» значительной части производства и заработных плат работников.

Ключевые слова: предпенсионный возраст, пенсионная реформа, конфликты, теневая занятость, повышение квалификации.

CONFLICTS THAT HAVE ARISEN SINCE THE START OF PENSION REFORM

Irina A. Grigorieva, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: soc28@yandex.ru

Olesya S. Kvasova, Student of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: olesya010397@gmail.com

Abstract. The article provides an assessment of the pension reform of 2018 in Russia and raises a number of issues. The main change in the pension system is the increase in the retirement age. This measure is the main in international practice. As a rule, this is implemented at a slower pace than half a year. We will consider options for changing the pension system, not included in the Pension Reform. Other options (increase in seniority or tax from enterprises) are more difficult to implement, since many companies are in the shadow sector. These and other points were revealed by us in the article.

Key words: pre-retirement age, pension reform, conflicts, shadow employment.

2018 год был насыщен изменениями. Прошли выборы Президента Российской Федерации. Летом снова стали говорить о повышении пенсионного возраста. 16 июня проект Федерального закона № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по во-

¹ Статья подготовлена по проекту РНФ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг»

просам назначения и выплаты пенсий» был внесен на рассмотрение в Государственную Думу. Значительная часть населения была против данной реформы, около 80% граждан отрицательно отнеслись к ней [1]. Многие люди поддерживали протестные акции, организовывали сбор подписей против повышения пенсионного возраста.

Мы рассмотрим пять вариантов возможного изменения пенсионной системы, а не один, реализованный в Пенсионной реформе. Сейчас, когда реформа уже началась, важно выяснить, какие варианты решения пенсионного вопроса можно было бы рассмотреть? Какие риски и возможности появились для женщин, поскольку они более уязвимы на рынке труда?

Не секрет, что в мире идёт процесс активного старения населения, пожилых становится больше и живут они дольше. Население России более молодое, чем в странах ОЭСР, но расходы на пенсионное обеспечение даже больше, чем в Европе, т.е. около 8% ВВП [2] по сравнению с 7,1% в среднем по ОЭСР [3] и они растут. Европейские государства с развитыми и довольно устойчивыми пенсионными системами, решают данный вопрос, как правило, через повышение пенсионного возраста.

Ещё одной причиной изменений является то, что доходов пенсионной системы не хватает на выплату пенсий, а это, как правило, самая весомая часть расходов социального сектора в любой стране. В РФ, где бюджет Пенсионного фонда меньше необходимых затрат на выплаты пенсий, его давно дофинансирует государство. Динамика трансферта из федерального бюджета Пенсионному фонду с 1992 г. увеличилась в разы с 54 миллионов рублей до 3,3 триллионов рублей на 2018 г. При этом дефицит бюджета Пенсионного фонда сохраняется и составляет 265,5 млрд. рублей [4].

Существуют несколько вариантов решения данного вопроса. Первый, наиболее неблагоприятный для населения – сокращение размера пенсий. В России пенсия среднестатистического гражданина составляет 12 783 тыс. руб. у женщин, 14 410 тыс. руб. у мужчин [5]. Данная сумма является довольно низкой, а решение о ее сокращении привело бы к всплескам протестов в обществе. Напротив, если бы прожиточный минимум для пенсионеров перед началом пенсионной реформы был увеличен хотя бы немного, поскольку ряд социальных льгот зависит от его размера, это, возможно, смягчило бы реакцию населения.

Второй вариант – повышения тарифов пенсионных взносов. В настоящий момент предприниматели вносят 22% на обязательное пенсионное страхование (ОПС) (Налоговый кодекс Российской Федерации, Ст. 425., 2018). В.С. Назаров из Института им. Гайдара отмечает, что «практически полностью исчерпан потенциал повышения тарифов на обязательное пенсионное страхование. Уровень тарифов даже после их снижения в 2012 г. достаточно высокий – 22% по сравнению с 16,8% в среднем по ОЭСР, что негативно влияет на экономический рост, ограничивая развитие несырьевых секторов экономики, препятствует диверсификации экономики, малого бизнеса и выводу заработной платы из «тени» [6]. Причем государство озабочено тем, чтобы взыскать деньги с малого бизнеса, а на долги крупных корпораций не

обращает внимания, поскольку за последние годы оно частично вернуло и контроль над бизнесом и деприватизировало его.

Третий вариант мог бы быть связан с финансированием расходов на выплату пенсий не только с зарплаты, но и с других взносов с любых источников доходов. Однако подобная практика не прописана в законодательстве РФ и вряд ли возможна. «Обратный» этому вариант – увеличение доходов ПФР за счет дополнительных взносов отраслей или предприятий с досрочными режимами пенсионирования, поскольку досрочные пенсии, как не раз отмечали Т. Малева и О. Синявская, «стоят» около 30% всех расходов на страховые пенсии [7]. В число досрочников входят также военные пенсионеры и ряд государственных чиновников, получающих пенсии гораздо большего размера, что не может оцениваться как справедливое пенсионирование.

Четвертый вариант – увеличить трудовой стаж, обязательный для получения «полной пенсии». Такой вариант реформы много раз обсуждался. Общий трудовой стаж у россиян, особенно мужчин, довольно высок, но вот страхового часто не хватает для начисления трудовой пенсии, и тогда начисляется социальная. Стажевые требования постепенно повышаются: к 2025 г. минимальный страховой стаж составит 15 лет. Для Пенсионного фонда имеет значение только «белый» стаж, когда за работника шли отчисления. Неформальная/серая/теневая занятость дает более трети всех доходов россиян [8] и, естественно, отрицательно сказывается на собираемости социальных отчислений и наполнении бюджета Пенсионного фонда.

Пятый и, видимо, последний или самый простой, вариант – повышение возраста выхода на пенсию. Данный способ позволит увеличить время уплаты взносов, со всеми сделанными оговорками про теневую занятость, но, в первую очередь, сократить период получения пенсии. Именно сокращение периода выплат и начало их с более позднего возраста, оказались весьма чувствительными для населения. Кажется, что в этом же варианте выигрыш государства самый заметный. Однако учитывая негативную реакцию населения и развитость теневой занятости, предположим, что выигрыш будет не столь велик, как оказались велики имиджевые потери первых лиц.

Тем не менее, рассмотрев возможные варианты решения задачи, связанной с дефицитом бюджета пенсионной системы и старением населения, можно сделать вывод – путь, который выбрало государство, является рациональным, хотя бы потому, что по нему идут практически все развитые страны. Отсюда появляется вопрос: можно ли было избежать конфликтов?

Изменения пенсионной системы во всех странах вызывали бурное обсуждение, так как в него включены не столько граждане пенсионного возраста, сколько занятая и активно трудящаяся часть населения, которых изменения касаются в первую очередь. Итак, 03.10.18 г. был подписан Федеральный закон N350-ФЗ, в котором изменилась основная параметрическая характеристика – возраст выхода на пенсию [9]. Теперь для женщин – это 60 лет, для мужчин – 65 лет. Переходный период рассчитан на 10 лет, т.е. время выхода будет расти на полгода/шесть месяцев в год и закончится в 2028 г.

Можно предположить, что недовольство населения возникло по ряду причин. Первая причина – состояние здоровья. По материалам ВОЗ [10], Россия отличается низкими показателями продолжительности здоровой жизни по сравнению с Европой и странами СНГ. Например, в 2016 г. продолжительность жизни в России составила 66,4 у мужчин, 77,2 у женщин. В Армении – 71,2 и 78,1 у мужчин и женщин соответственно. В Эстонии – 73 и 82,1; Швейцарии – 81,2 и 85, 2). Заметно, что и по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, и по ожидаемой продолжительности здоровой жизни Россия заметно отстает и от европейских стран, и от стран бывшего СССР.

Питание российских пенсионеров содержит меньше овощей и фруктов, чем у жителей Европы. Исследователи утверждают, что знания о рациональном питании зависят не только от количества дохода, но и от культуры питания. На 2016 год в Петербурге были представлены такие данные: = пенсионеров 1 млн. 447 т., средний размер пенсий в 2016 г. – 13 739 рублей в месяц; = 16,5% жителей города не могут покупать еду, содержащую мясо, рыбу и птицу; не покупают фрукты через день 12,2% пенсионеров. Сделаем вывод, что часть людей третьего возраста ограничена в возможностях сбалансированного питания [11].

Основываясь на двух показателях (состояние здоровья и качество питания) вполне можно увидеть опасения за качество будущей жизни на пенсии. Однако это необязательно, Кодекс Законов о труде Российской Федерации (КЗОТ) охраняет права людей пенсионного возраста, но некоторым из них уже может быть физически тяжело работать, что зависит от характера труда больше, чем от возраста. К тому же идет быстрый процесс замещения подобных рабочих мест мигрантами. С другой стороны, качественно жить на пенсию невозможно. Выход один – продолжать работать, желательно получив приемлемые условия труда (неполный рабочий день или неделю, сезонно и др.).

Но главная причина, которая спровоцировала появление конфликта, связана с утверждением первых лиц государства о том, что пенсионный возраст повышаться не будет. Стоило заранее обсуждать это, говорить, что пенсионный возраст обязательно будет изменен, вариации будут обсуждаться, объяснить, чем вызвана такая мера и показать возможные варианты решения этого вопроса. Население было бы готово к изменениям, понимало бы, с чем они связаны (выше были рассмотрены разные пути).

К сожалению, до реформы вопрос о повышении пенсионного возраста казался в далекой перспективе, и до сих пор часть населения не понимает, почему возраст был изменен. Конфликта удалось бы избежать или, по крайней мере, уменьшить накал, если бы с населением открыто говорили и дали бы точную информацию, что реформа будет, а конкретные детали находятся в процессе обсуждения.

Итак, противоречия возникли по разным причинам, в том числе, из-за низких показателей состояния здоровья людей третьего возраста и дезинформации со стороны государства о повышении пенсионного возраста. Избежать конфликта можно было бы путём открытого обсуждения и подготовки населения к изменениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Повышение пенсионного возраста: реакция граждан, ФОМ (2018). [<https://fom.ru/Ekonomika/14057>] (дата обращения: 28.02.19).
2. Расходы на выплату пенсий составили 8,2% в 2010 г. и 7,5% ВВП – в 2011 г. (см.: отчет Пенсионного фонда за 2010 и 2011 гг.). <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Оценка расходов на пенсионное обеспечение на 2010 г. в странах ОЭСР. [https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_REF#.%20 <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php>] (дата обращения: 16.03.2019).
4. Во сколько бюджету страны обходится обеспечение Пенсионного фонда России? Официальный сайт Государственной Думы РФ. [<http://duma.gov.ru/news/27893/>] (дата обращения: 28.02.2019).
5. Динамика среднего размера назначенных пенсий в зависимости от пола и места проживания пенсионера в Российской Федерации. Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста. Федеральная служба государственной статистики. 2018г. [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#] (дата обращения: 31.01.2019).
6. Назаров В.С. (2012) Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы? //Вопросы экономики". №9. С. 67–87.
7. Синявская О.В.(2017) Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений. Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 562–563.
8. Власти обсуждают повышение минимального трудового стажа для получения пенсии // Ведомости. 22 октября 2017 г. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/10/23/738883-povishenie-trudovogo-stazha>. (дата обращения 17.03.2019).
9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 N 350-ФЗ (последняя редакция). [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/] (дата обращения: 01.02.2019).
10. Life expectancy and Healthy life expectancy Data by country. World Health Organization (2016). [http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEX_v?lang=en#] дата обращения: 01.02.2019).
11. Веселов Ю., Таранова О., Цзинь Ц. (2018). Горький хлеб старости? Социальные практики питания пожилых людей. Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 81–94.

REFERENCES AND SOURCES

1. Povyshenie pensionnogo vozrasta: reakciya grazhdan, FOM (2018). [<https://fom.ru/Ekonomika/14057>] (data obrashcheniya: 28.02.19).
2. Raskhody na vyplatu pensij sostavili 8,2% v 2010 g. i 7,5% VVP – v 2011 g. (sm.: otchet Pensionnogo fonda za 2010 i 2011 gg.). <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php> (data obrashcheniya: 16.03.2019).
3. Ocenka raskhodov na pensionnoe obespechenie na 2010 g. v stranah OESR. [https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_REF#.%20 <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php>] (data obrashcheniya: 16.03.2019).

4. Vo skol'ko byudzhetu strany obhoditsya obespechenie Pensionnogo fonda Rossii? Oficial'nyj sajt Gosudarstvennoj Dumy RF. [<http://duma.gov.ru/news/27893/>] (data obrashcheniya: 28. 02.2019).
5. Dinamika srednego razmera naznachennyh pensij v zavisimosti ot pola i mesta prozhivaniya pensionera v Rossijskoj Federacii. Pensionnoe obespechenie grazhdan pozhilogo vozrasta. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. 2018 g. [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#] (data obrashcheniya: 31.01.2019).
6. Nazarov V.S. (2012) Budushchee pensionnoj sistemy: parametricheskie reformy ili smena paradigmy? //Voprosy ekonomiki". №9. S. 67–87.
7. Sinyavskaya O.V. (2017) Rossijskaya pensionnaya sistema v kontekste demograficheskikh vyzovov i ogranichenij. Ekonomicheskij zhurnal VSHE. 2017. T. 21. № 4. S. 562–563.
8. Vlasti obsuzhdayut povyshenie minimal'nogo trudovogo stazha dlya polucheniya pensii // Vedomosti. 22 oktyabrya 2017 g. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/10/23/738883-povishenie-trudovogo-stazha>. (data obrashcheniya 17.03.2019).
9. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensij» ot 03.10.2018 N 350-FZ (poslednyaya redakciya). [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/] (data obrashcheniya: 01.02.2019).
10. Life expectancy and Healthy life expecancy Data by country. World Health Organization (2016). [http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEX_v?lang=en#] data obrashcheniya: 01.02.2019).
11. Veselov YU., Taranova O., Czin' C. (2018). Gor'kij hleb starosti? Social'nye praktiki pitaniya pozhilyh lyudej. ZHurnal issledovanij social'noj politiki. 2018. T. 16. № 1. S. 81–94.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Гуляев Святослав Борисович, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: sviatoslav2004@mail.ru

Аннотация. Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции – время, когда после взрывного роста население мира круто меняет характер своего развития и внезапно переходит к ограниченному воспроизводству. Это величайшее по значимости событие в истории человечества в первую очередь проявляется в динамике трансформации института семьи и затрагивает все стороны жизни миллионов семей. От фундаментального понимания демографических процессов зависит не только настоящее, но и предвидимое будущее, приоритеты и неравномерность развития, устойчивость роста и глобальная безопасность.

Ключевые слова: семья, социология семьи, семейная политика, демография.

TRANSFORMATION OF INSTITUTE OF THE RUSSIAN FAMILY AND ASSESSMENT OF EFFECTIVENESS OF FAMILY POLICY

Svyatoslav B. Gulyaev, Candidate of Science (Sociology), Researcher of the Center of Social Demography of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sviatoslav2004@mail.ru

Abstract. The mankind endures an era of global demographic revolution – time when after explosive growth the world's population abruptly changes the nature of the development and suddenly passes to limited reproduction. This most important event in the history of mankind first of all is shown in dynamics of transformation of the institution of the family and concerns all aspects of life of millions of families. Not only the present, but also the expected future, priorities and unevenness of development, stability of growth and global safety depends on fundamental understanding of demographic processes.

Key words: family, family sociology, family policy, demography.

К. Маркс отмечал, что «семья должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество, точно так же, как это было и в прошлом. Она представляет собой продукт общественной системы» [6]. В.И. Ленин также отметил, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [5]. Следовательно, с изменением общества изменяются и семейные отношения.

Определяющим фактором в развитии семьи были и будут социально-экономические отношения. Значит, семья является продуктом исторического развития, и каждая общественно-экономическая формация имеет присущие только ей брачно-семейные отношения.

Около 8000 лет до нашей эры произошли глубокие культурные изменения, оказавшие радикальное влияние на брак. От охоты и собирательства люди начали переходить к оседлому образу жизни, и дети стали представлять своеобразную ценность.

Возникновение городской цивилизации, развитие навыков письма и чтения привели к первым письменным законам о браке. Это были законы царя Хаммурапи – свод гражданского и уголовного права, появившийся в Древнем Вавилоне в XVIII веке до нашей эры [1].

Основной формой брака в Вавилоне являлась моногамия, то есть муж имел право только на одну законную жену.

Закон предписывал женам полностью приспосабливаться к характеру своих супругов, а мужей управлять женами как необходимым своим имуществом. Брак существовал исключительно ради деторождения, а также ради того, чтобы неделимой осталась семейная собственность.

Эпоха первых урбанизаций в Англии (1760–1815 гг.) – промышленная революция [7] привела к возникновению гениальной идеи эмансипации женщин и детей из-под гнета глав семейств, так как появление фабрик в Европе привело к спросу на дешевую рабочую силу. Ее можно было получить только из крестьянской семьи, где каждый человек был необходим на своем месте.

Именно тогда был нанесен смертельный удар по европейской семье, который через 200 лет привел к нынешней гибели западной цивилизации из-за нехватки детей [13]. Эта критическая бифуркация, выбор пути развития, со всей остротой стоит и перед Россией.

Благодаря масштабам, истории и разнообразию социальных и экономических условий Россия во многом воспроизводит глобальные процессы.

Структуры управления авторитарного российского государства до 1917 года опирались внизу на глав крестьянских семей, которые были ответственными налогоплательщиками и военнообязанными, а на вершине пирамиды располагалось правящее семейство. Особенностью было то, что миллионы подданных включались в состав правящей семьи в качестве детей.

Перед Октябрьской социалистической революцией в стране преобладала крепкая патриархальная семья. С начала реформ Александра II до 1917 г. население страны увеличилось почти вдвое [12, с. 475, 473].

Если в 1913 г. среди русских на 1000 браков зарегистрировано 0,15 разводов, то в 1926–1927 годах – 11, то есть число разводов выросло почти в 100 раз [8].

Дестабилизация традиционной семьи способствовала и повышению брачного возраста у женщин. «С тех пор биологически человек изменился мало, однако процесс нашего социального развития был стремителен. Поэтому понимание этого так значимо для нас сегодня, когда выяснилось, что именно не линейная динамика роста населения человечества, основанная на информационном коллективном механизме роста и подчиняющаяся собственным внутренним силам, определяет не только наше взрывное развитие, но и его предел» [4].

Итак, семья может рассматриваться как социальный институт, выполняющий определенную социальную задачу.

Можно выделить основные функции семьи, способствующие реализации этой задачи в современной России:

1) Репродуктивная функция выполняет две основных задачи: общественную – биологическое воспроизводство населения и индивидуальную – удовлетворение потребности в детях.

2) Воспитательная функция семьи формирует личность ребенка, оказывает влияние на развитие его способностей, передает детям взрослыми членами семьи накопленного обществом социального опыта. В семье оказывается огромное влияние детей на родителей (и других взрослых членов семьи), побуждающее их активно заниматься самовоспитанием, и оказывается постоянное влияние на развитие личности каждого ее члена в течение всей его жизни.

Семья как социальная общность является первичным элементом, опосредующим связь личности с обществом: она формирует у ребенка представление о социальных связях и включает в них его с рождения. Отсюда следующая важнейшая функция семьи – социализация личности. Поэтому социологи все большее значение придают коммуникативной функции семьи.

Социально-статусная функция связана с воспроизводством социальной структуры общества, так как предоставляет (передает) определенный социальный статус членам семьи.

Досуговая функция осуществляет организацию рационального досуга и контроль в сфере досуга.

Эмоциональная функция предполагает получение эмоциональной поддержки, психологической защиты. Функция духовного общения предполагает развитие личностей членов семьи, духовное взаимообогащение.

И, конечно, сексуальная функция семьи, которая осуществляет сексуальный контроль и направлена на удовлетворение сексуальных потребностей супругов. Эта функция постепенно продвигается на одно из первых мест жизни семьи.

Семья – это социальная группа, внутри которой существует определенная связь. Сначала муж и жена, а затем мать и отец, которые преподают своим детям уроки общественной жизни.

Выделяют два главных типа семьи – расширенную (или многопоколенную), она же называется традиционной, и современную нуклеарную (двухпоколенную) семью, где демографическим ядром семьи, отвечающим за воспроизводство новых поколений, являются родители и их дети. Они составляют биологический, социальный и экономический центр любой семьи [11]. Следует отметить, что нуклеарная семья возможна в тех обществах, где взрослые дети имеют возможность после брака жить отдельно от родительской семьи.

Семья в России – это союз мужчины и женщины. Однако мужчин на планете значительно меньше женщин. По данным 2018 г. известно, что процентное соотношение женского населения составляет 53.8%, а мужского

46.2% [15]. Среди всех развитых стран Россия выделяется высокой смертностью мужчин. Для них средняя продолжительность жизни, по данным Росстата на конец 2018 года составляет, 67.5 лет – на 11.2 года меньше, чем в Японии. Причина этого в состоянии системы здравоохранения, которую усугубил монетаристский подход к организации этой области социальной защиты граждан, включая и крайнюю недостаточность пенсионного обеспечения [15].

При этом также велика роль моральных факторов при снижении ценности жизни человека в общественном сознании, сопровождаемая резким ростом алкоголизма и самоубийств и невозможностью самореализации при адаптации к новым социально-экономическим условиям при массовой безработице.

Последствием этих факторов стал распад семьи, катастрофический для истории России рост числа беспризорных детей.

Экономический анализ этих процессов и путей выхода рассматривался в рамках Национальной программы демографического развития России [16].

В последние десятилетия в развитии института семьи появились новые тенденции. Об этом можно судить на основании динамики демографических показателей – общего снижения рождаемости, увеличение веса разводов и неполных семей, уменьшения числа детей в семьях и их нуклеаризация. Сложнее зафиксировать, опираясь на данные статистики, – происходящий процесс размывания системы поведенческих норм в сфере брака и семьи и представлений о содержании семейных ролей.

В связи с этим остановимся на вопросах, которые были выделены в Послании президента В.В. Путина к Федеральному собранию еще в 2006 г. На первое место президент поставил кризис рождаемости, который определяется тем, что в среднем на одну женщину приходилось тогда 1,3 ребенка – практически на одного меньше необходимого. При таком уровне рождаемости страна даже не может сохранить численность своего населения, которое в настоящее время в России ежегодно уменьшается на 700 000 человек [14].

По примерным подсчетам, чтобы демографическая ситуация в стране не ухудшалась, семья должна иметь 2 ребенка. За десять лет суммарный коэффициент рождаемости в России (число родившихся детей на 1 женщину) изменился в лучшую сторону: в 2017 году стал равняться – 1,621. Для сравнения в Костромской области – 1,703, а в Воронежской обл. – 1,365 [15]. На момент середины 2018 года он составляет 1,7. В этом показателе нашей стране есть куда расти, если сравнить, что в США он -1,87, в Германии – 1,44, в Нигерии – 6,62, а в Мали – 5,95 [3].

Как мы видим, малая рождаемость – характерная черта всех современных развитых стран, которую можно рассматривать как следствие демографического перехода. Одной из центральных причин сокращения числа детей на каждую женщину в развитых странах является то, что «динамика современного развития общества, несомненно, порождает стрессовую обстановку» [4].

К этому фактору добавляется также возросшее время, идущее на образование, и либеральную систему ценностей, распад традиционных идеологий.

В настоящее время продолжительность образования все увеличивается, и часто наиболее творческие годы человека, и годы, более всего соответствующие созданию семьи, уходят на учебу.

В то же время основная и главная роль принадлежит появившемуся в современном развитом мире моральному кризису системы ценностей, так как в России политика в области качества образования, ведет к тому, что мы бездумно импортируем и насаждаем представления, усиливающие распад сознания общества. Этому способствует и социальная позиция части интеллигенции, которая, получив свободу высказывания, решила, что это освобождает ее от ответственности перед обществом в критический момент истории страны.

В России в уменьшении рождаемости значительную роль играют материальные факторы, сильное и растущее имущественное расслоение общества, и предложенные меры руководства страны помогут частично исправить высокую степень неравномерности в распределении доходов в нашей стране.

В основе Послания Президента в 2018 г. «лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв». Президент подчеркнул, что главным фактором развития является «благополучие людей, достаток в российских семьях». Если в 2000 году за чертой бедности находилось 42 миллиона человек (почти 30% населения страны), то сегодня с ней сталкивается 20 миллионов граждан [9]. Всю систему социальной помощи нужно выстроить на принципах справедливости только тем семьям и гражданам, которые в ней действительно нуждаются.

В предыдущие годы за счет активной поддержки семьи, материнства, детства страна смогла переломить негативные демографические тенденции и добилась роста рождаемости и снижения смертности. На 2018 г. демографические потери 90-х дают о себе знать, прежде всего, в снижении рождаемости.

Защита государством материнства, детства и семьи закреплена в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, носит комплексный характер и осуществляется путем разнообразных мер со стороны государства по поощрению материнства, поддержке семейных отношений, охране интересов матери и ребенка. Это находит выражение в трудовом, семейном, административном и других отраслях законодательства. Семьи с детьми требуют особого внимания, поскольку содержание и воспитание ребенка сопряжено со значительными финансовыми затратами. Даже в далеко не бедных регионах России (Новосибирской, Иркутской областях, Краснодарском крае, Башкортостане) доля семей с детьми среди бедного населения составляет 55–65%, а в регионах с высоким уровнем бедности – свыше 70%.

Законодательство о социальном обеспечении граждан, имеющих детей, за последние годы претерпело существенные изменения.

В 2006 г. был принят Федеральный закон №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Им введен материнский (семейный) капитал для женщин, родивших (усыновивших) второго и последующих детей с 1 янв. 2007 г. до 31 дек. 2016 г. Размер материнского капитала составлял 250 тыс. руб. и ежегодно пересматривался с учетом роста ин-

фляции. Размер материнского капитала в 2019 г. составит 453026 руб. Его повышение состоится в 2020 г. на 4% до 471147 руб. [10].

В мае 2018 г. Президент России Владимир Путин подписал указ [14], определяющий национальные цели развития страны на шестилетний период. На первом месте стоит демография. Еще одна задача – дальше повышать рождаемость.

Эти «майские указы» содержат поручения Правительству РФ. В них включены новые цели и обновлены старые. Самые главные из них: рост продолжительности жизни до 78 лет; уменьшение уровня бедности в 2 раза; улучшение жилищных условий более 5 млн. семей ежегодно; обеспечение нового возрастного порога здоровой жизни до 67 лет; обеспечение показателя рождаемости до 1,7; снижение уровня смертности; обеспечение семьи со средним уровнем достатка доступным жильем.

Необходимо обратить внимание на взрывное развитие информационного общества и на кризисные составляющие этого процесса. В современных условиях «во многом исчерпано время, идущее на освоение и использование обобщенной информации, время на обучение, образование и воспитание следующего поколения» [4].

Именно это является причиной стабилизации численности мирового населения – процессы, связанные с информатизацией общественной жизни, а не ограничения по ресурсам и пределам загрязнения окружающей среды, технологическим возможностям, о которых на протяжении десятилетий говорят ученые и политики.

Демографическая ситуация в стране на 2018 г.

1. Численность населения России с учетом Крыма на 2018 г. – 146 мил. 880 тыс. 442 гражданина. 9-ое место по численности в мире. На первом Китай, затем Индия и США.

2. Средняя продолжительность жизни в России перевалила за 73 года.

3. 74,43% живут в городах.

4. На 2016 г. 67 млн. 897 тыс. – мужчин, 78 млн. 648 тыс. женщин.

5. Прогноз до 2035 г. Худший вариант – 137,47 млн., нейтральный вариант – 146 млн. и оптимистичный – 157 млн. Возможно, за счет мигрантов [15].

Мы привыкли считать рост численности населения РФ одной из главных целей внутренней политики, потому что нам так говорят по телевизору и СМИ. Но представим, что рождаемость резко выросла. Это приведет к освоению Сибири и Дальнего Востока, вырубке лесов и загрязнению озер. Все знают, что сибирская тайга – легкие планеты. Россия остается одной из немногих резервных территорий на планете, где ресурсы для человечества еще есть в избытке. Так нужно ли государству стимулировать рождаемость всеми силами и провоцировать перенаселение в отдельно взятой стране уже сейчас? Неужели мы хотим, чтобы наши дети страдали от государственной политики «одна семья – один ребенок», как страдали китайцы долгое время?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вавилонское брачно-семейное право в законах Хаммурапи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net> (дата обращения: 7.02.2019).
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: АСТ, 2005.
3. Интересные факты, новости мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mostinfo.su/6508> (дата обращения: 7.02.2019).
4. Капица С.П. Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество. Изд. 2-е – М.: ЛЕНАНД. 2014. 128 с.
5. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Новая Жизнь. – 13 ноября 1905. – №12. Соч. В.И. Ленина, 5 изд. Том 12. 576 с.
6. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. Т. 45. С. 272–372.
7. Мировая история XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldhis.ru/velikobritaniya> (дата обращения: 7.02.2019).
8. Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 86; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып.5. С. 26.
9. Послание президента В.В. Путина Федеральному собранию в 2018 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 7.02.2019).
10. Сайт социальной поддержки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://social-benefit.ru/semya/> (дата обращения: 7.02.2019).
11. Семья и общество: взаимосвязь и взаимовлияние [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shpargalki.ru/news/3887.html> (дата обращения: 7.02.2019).
12. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 616 с.
13. Становление института семьи в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studbooks.net> (дата обращения: 7.02.2019).
14. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 7.02.2019).
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 7.02.2019).
16. Шевяков А.Ю. Социально-экономические аспекты решения демографических проблем в системе стратегического развития России. Ин-т соц.-экон. Проблем народонаселения РАН. 2007.

REFERENCES AND SOURCES

1. Vavilonskoe brachno-semejnoe pravo v zakonah Hammurapi [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://studfiles.net> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
2. Demograficheskaya modernizaciya Rossii, 1900–2000 / Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: AST, 2005.
3. Interesnye fakty, novosti mira [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mostinfo.su/6508> (data obrashcheniya: 7.02.2019).

4. Kapica S.P. Ocherk teorii rosta chelovechestva: Demograficheskaya revolyuciya i informacionnoe obshchestvo. Izd. 2-e. M.: LENAND. 2014. 128 s.
5. Lenin V.I. Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura // Novaya ZHizn'. 13 noyabrya 1905. №12. Soch. V.I. Lenina, 5 izd. Tom 12. 576 s.
6. Marks K. Konspekt kniga L'yuisa G. Morgana «Drevnee obshchestvo» // Marks K., Engel's F. – Soch. T. 45. S. 272–372.
7. Mirovaya istoriya XIX veka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://worldhis.ru/velikobritaniya> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
8. Naselenie SSSR za 70 let. M., 1988. S. 86; Materialy po statistike Petrograda i Petrogradskoj gubernii. Vyp.5, S.26.
9. Poslanie prezidenta V.V. Putina Federal'nomu sobraniyu v 2018 godu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
10. Sajt social'noj podderzhki [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://social-benefit.ru/semya/> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
11. Sem'ya i obshchestvo: vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://shpargalki.ru/news/3887.html> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
12. Stajts R. ZHenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930 / Per. s angl. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. 616 s.
13. Stanovlenie instituta sem'i v Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://studbooks.net> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
14. Ukaz «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (data obrashcheniya: 7.02.2019).
15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.gks.ru (data obrashcheniya: 7.02.2019).
16. Shevyakov A.YU. Social'no-ekonomicheskie aspekty resheniya demograficheskikh problem v sisteme strategicheskogo razvitiya Rossii. In-t soc.-ekon. Problem narodonaseleniya RAN. 2007.

ОПЫТ КАЗАХСТАНА В РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНЫХ РЕСУРСНЫХ ЦЕНТРОВ

Калиев Талгат Бегимович, кандидат политических наук, директор Научно-исследовательского центра «Молодёжь» (Астана, Казахстан). E-mail: talgat.kaliyev@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены проблемы работы Молодежных ресурсных центров и проанализированы их роль и значение в Казахстане в качестве основного метода реализации государственной молодежной политики на современном этапе.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, молодежная политика, молодежный ресурсный центр, работа с молодежью, участие молодежи, реализация молодежных инициатив.

KAZAKHSTAN'S EXPERIENCE IN IMPLEMENTING YOUNG POLICY ON THE EXAMPLE OF YOUTH RESOURCE CENTERS

Talgat B. Kaliev, Candidate of Sciences (Politology), Director of the Research Center «Youth» (Astana, Kazakhstan). E-mail: talgat.kaliyev@gmail.com

Abstract. In this article, the author describes issues of the Youth Resource Centres' work and analyzes their role and importance in Kazakhstan as a main method for the state youth policy implementation at the present stage.

Key words: youth, state youth policy, youth policy, youth resource centre, youth work, youth participation, implementation of youth initiatives.

Сегодня молодежь активно участвует в общественной и политической жизни страны, однако в ее поведении наблюдаются как позитивные (политическая, социальная, профессиональная и творческая активность), так и негативные (различного рода девиации) явления. В Казахстане молодежь составляет 3 900 834 человек [1] – 21% от общей численности населения страны. Молодежь является основным стратегическим ресурсом модернизирующегося Казахстана. Для обеспечения конкурентоспособности страны и повышения качества жизни молодых людей на государственном уровне необходимо эффективно использовать потенциал развития и условия для их самореализации. В Год молодежи направление эффективной работы с молодежью становится еще более актуальным.

В целях развития и реализации государственной молодежной политики, направленной на предоставление консультационных, организационных, образовательных и других услуг, гарантий для самореализации личности молодого человека, а также развития молодежных организаций, движений и инициатив, в Казахстане действуют Молодежные ресурсные центры (далее –

МРЦ). МРЦ функционируют в соответствии с законом Республики Казахстан «О государственной молодежной политике» и Типовым положением о молодежных ресурсных центрах, утвержденным приказом Министра образования и науки Республики Казахстан от 27 апреля 2015 года № 243. согласно п. 1 статьи 23 Закона Республики Казахстан «О государственной молодежной политике».

Молодежный ресурсный центр наравне с молодежными организациями, органами молодежного самоуправления является главным организатором работы с молодежью. Работа с молодежью – это профессиональная деятельность, осуществляемая в рамках конкретных проектов и программ в свободное время молодых людей и опирающаяся на неформальные процессы обучения и добровольное участие молодежи. Целью работы с молодежью Республики Казахстан является оказание содействия в социальном и личностном развитии молодых людей, чтобы они смогли состояться как активные и ответственные члены общества [2]. Создание, обеспечение и координация деятельности Ресурсных центров относится к компетенции местных исполнительных органов области, города республиканского значения и столицы, района (города областного значения). В своей деятельности МРЦ руководствуются Конституцией Республики Казахстан, Законом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан, а также Типовым положением и разработанными на их основе уставами.

В направления деятельности молодежных ресурсных центров входит:

- обеспечение информационной поддержки государственных социальных программ для молодежи;
- формирование сборника методических материалов, образовательных и управленческих технологий, материалов семинаров и вебинаров, справочной информации для молодежи и молодежных организаций;
- оказание правовой, консалтинговой, методической помощи молодежи и молодежным организациям;
- проведение активной работы по содействию в трудоустройстве, профориентации, по активизации волонтерского движения и предпринимательства среди молодежи;
- создание и предоставление диалоговых площадок для обсуждения вопросов, возникающих в молодежной среде, для реализации инициатив в сфере молодежной политики;
- осуществление сопровождения и поддержку молодежных проектов и молодежных инициатив, активизирующих самоорганизацию и самореализацию духовного, культурного и творческого потенциала молодежи;
- выявление течений и тенденций в молодежных рядах;
- участие в социологических исследованиях, прогнозировании рисков в молодежной среде и тенденций развития молодежной политики на территории региона;
- участие в сборе сведений о потребностях и проблемах молодежи, определения их приоритетности;

- изучение деятельности молодежных организаций, молодежного самоуправления, молодежных движений при партиях, этнокультурных центров, правозащитных, религиозных и неправительственных организаций региона, работающих с молодежью;
- изучение и участие в разработке рекомендаций, проектов, системы мер, направленных на улучшение социальной инфраструктуры для молодежи;
- содействие в развитии досуга молодежи [3].

По всей стране функционируют и оказывают услуги для молодежи 208 молодежных ресурсных центров (МРЦ). Из них 13 областных МРЦ, 33 городских МРЦ, в том числе 3 МРЦ в городах республиканского значения (Астана, Алматы, Шымкент) и 162 районных МРЦ. Стоит отметить, что данного количества недостаточно для эффективной работы с молодежью и охвата всех необходимых групп. В среднем по областям на 1 МРЦ приходится от 7 тыс. до 27 тыс. молодежи. Наиболее загруженными являются МРЦ городов Астана (на 1 МРЦ приходится 225 775 молодежи), Алматы (на 1 МРЦ – 423 809) и Шымкент (на 1 МРЦ – 222 750). Например, в Эстонии на 2 573 центров 106 658 человек или 1 школа на 110 человек в возрасте от 7 до 26 лет.

Другая проблема Молодежных ресурсных центров – это недостаточное информационное освещение своей деятельности. Несмотря на то, что из государственных органов, ответственных за реализацию молодежной политики (Молодежные ресурсные центры, Комитет по делам молодежи и семьи Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, Управление по вопросам молодежной политики/внутренней политики в регионах проживания респондентов), молодежь наиболее знакома с работой молодежных ресурсных центров [4], из всех основных государственных и общественных институтов молодежной политики самый низкий уровень информированности принадлежит Молодежным ресурсным центрам [5].

По результатам социологического исследования Научно-исследовательского центра «Молодежь» за 2018 г., в совокупности 45,3% опрошенных отметили, что в той или иной степени знакомы с работой Молодежных ресурсных центров. Из них в той или иной степени знакомы с работой МРЦ 41,9%. 4,9% указали, что обращались, 15,3% знают, но не обращались, 21,7% что-то читали или слышали про МРЦ.

Следует отметить, что за последние три года количество молодых казахстанцев, ничего не знающих (не слышавших) о деятельности МРЦ, сохраняется на одном уровне – в 2016 г. таковых было 53%, в 2017 г. – 50,5%, в первом полугодии 2018 г. – 52,1%. Однако, стоит отметить, что количество молодых людей, высоко оценивших работу Молодежных ресурсных центров в месте своего проживания, по всем направлениям деятельности превышает количество недовольных (оценивших ее как неэффективную) более чем в 2 раза (см. табл. 1).

В зарубежной практике аналогичные структуры действуют в ряде стран мира. Молодежные центры являются одним из основных инструментов работы с молодежью. Они занимаются выполнением большого количе-

ства краткосрочных и среднесрочных проектов, инициируют основные молодежные дебаты, форумы и круглые столы, а также участвуют в развитии политической культуры и грамотности молодежи.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, работу Молодежных ресурсных центров Вашего района/города/Вашей области в сфере...», (%)

	Эффективная		Неэффективная	
	1-полу- годие	2-полу- годие	1-полу- годие	2-полу- годие
Информирование молодежи о реализуемых для нее государственных социальных программах	76,7	73,1%	15,8	18,3%
Оказание консультационных услуг	65,0	66,7%	23,3	30,1%
Предоставление открытых пространств для саморазвития молодежи	57,5	55,9%	25,8	29,0%
Организация обучающих тренингов по жизненно важным навыкам	67,5	55,4%	24,2	31,5%
Оказание поддержки молодежных инициатив и идей	60,8	65,2%	25,0	22,8%
Адресная работа с целевыми группами в рамках конкретных проектов и программ	66,7	57,0%	17,5	26,9%

Наиболее сильные аналогичные центры действуют в странах СНГ и Европы. Их подход к работе с молодежью предполагает, главным образом, акцент на потребностях и интересах молодых людей, предоставлении молодежи пространства для неформального общения, поддержке и развитию самостоятельности и творческой инициативы молодежи (как в мышлении, так и в поведении); развитии дополнительных знаний, навыков и ценностей молодых людей через неформальное образование; активизации участия молодежи в жизни местного сообщества и ориентации на сплоченность и единство всех членов творческих групп в рамках молодежного центра [2].

В Казахстане в работе МРЦ продолжают отсутствовать системность, достаточная информационная поддержка деятельности МРЦ и компетентные кадры по работе с молодежью. Как отмечают международные эксперты Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), системные проблемы усложняются отсутствием формальной подготовки специалистов по работе с молодежью, недостаточной осведомленностью о проблемах молодежи и отсутствием навыков работы с молодыми людьми. Все эти факторы привели к значительному высокому уровню текучести кадров среди персонала и слабой эффективности МРЦ в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2018» / Калиев Т.Б., Кайдарова А.С., Каримова Ж.К., Ашимханова Д.А., Маульшариф М.М., Насимова Г.О., Негай Н.А., Сыдыкназаров М.К., Шаповал Ю.В., Мусатаева Ф.М., Окасова Г.Е., Касымбеков А.М. Астана, 2018. 410 с.
2. Исследование эффективности молодежных ресурсных центров / Н.О. Наурызбаев, А.Д. Хамит, Л.М. Узарова, Б.Н. Бегманова, А.М. Қасымбеков Астана, 2018. 50 с.
3. Об утверждении типового положения о молодежных ресурсных центрах. Режим доступа: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/obpazovanie/id-V1500011170/ (дата обращения: 14.02.2019 г.).
4. Аналитический доклад по результатам социологического исследования «Изучение общественно-политической ситуации в молодежной среде» (второе полугодие 2018 года)/ Астана: НИЦ «Молодежь», 2018. 103 с.
5. Состояние государственной молодежной политики: потребности и социальные практики / Аюпова Р.Р., Каримова Ж.К., Калдыбаева О.В., Алинова З.Т. Астана: НИЦ «Молодежь», 2018. 104 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Nacional'nyj doklad «Molodezh' Kazahstana – 2018» / Kaliev T.B., Kajdarova A.S., Karimova ZH.K., Ashimhanova D.A., Maul'sharif M.M., Nasimova G.O., Negaj N.A., Sydyknazarov M.K., SHapoval YU.V., Musataeva F.M., Okasova G.E., Kasymbekov A.M. Astana, 2018. 410 s.
2. Issledovanie effektivnosti molodezhnyh resursnyh centrov / N.O. Nauryzbaev, A.D. Hamit, L.M. Uzarova, B.N. Begmanova, A.M. Kasymbe-kov Astana, 2018. 50 s.
3. Ob utverzhdenii tipovogo polozheniya o molodezhnyh resursnyh centrah. Rezhim dostupa: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/obpazovanie/id-V1500011170/ (data obrashcheniya: 14.02.2019 g.).
4. Analiticheskij doklad po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya «Izuchenie obshchestvenno-politicheskoy situacii v molodezhnoj srede» (vtoroe polugodie 2018 goda)/ Astana: NIC «Molodezh'», 2018. 103 s.
5. Sostoyanie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: potrebnosti i social'nye praktiki / Ayupova R.R., Karimova ZH.K., Kaldybaeva O.V., Alinova Z.T. Astana: NIC «Molodezh'», 2018. 104 s.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Карповская Екатерина Евгеньевна, аспирант Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: e.karpovskaya@gmail.com

Аннотация. Проведен краткий анализ оценки социально-экономического положения молодой семьи, а также эффективности реализации государственных программ поддержки молодой семьи в контексте Всероссийского социологического исследования.

Ключевые слова: молодая семья, благополучная молодая семья, социально-экономический потенциал молодой семьи, государственная поддержка молодой семьи.

ON THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE YOUNG FAMILY

Ekaterina E. Karpovskaya, Ph.D. Student, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: e.karpovskaya@gmail.com

Abstract. The article presents a brief analysis of the assessment of the socio-economic situation of a young family, as well as the effectiveness of the implementation of state programs to support a young family in the context of the all-Russian sociological research.

Key words: young family, successful young family, socio-economic potential of the young families of state support for young families.

В изучении факторов реализации социально-экономического потенциала семьи исследователи особо выделяют показатель возраста, а также благополучия, акцентируя внимание на создании и функционировании благополучной молодой семьи, где процессы протекают с наибольшей активностью.

Всего людей, потенциально принадлежащих к молодым семьям, в России в возрасте от 18 до 30 лет – 30367614 человек. Среди них мужчин – 15321 442, женщин – 15046145 [1] (см. табл. 1).

Согласно научным подходам Т.К. Ростовской, принцип формирования типа благополучной молодой семьи взят за основу формирования идеального образца молодой семьи в Российской Федерации [3]. Модель благополучия молодой семьи отражает, прежде всего, юридическую оформленность супружеских отношений, полноту семьи (семья должна состоять из родителей и детей), экономическую обеспеченность, наличие условий для самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности [3, с. 30].

К показателям благополучия молодой семьи следует отнести полноценное выполнение семьей социальных функций. Она должна не только обеспечивать воспроизводство физически здорового и психически полноценного

потомства, заниматься воспитанием и социализацией подрастающего поколения, но и быть эмоционально и психологически устойчивой к стрессовым ситуациям, обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельного каждого члена семьи [4].

Таблица 1

**Всероссийская перепись населения 2010 г.
Распределение населения регионов РФ по полу и возрасту
(18–30-летние возрастные группы)**

воз- раст (лет)	все население			городское население			сельское население		
	оба пола	муж- чины	жен- щины	оба пола	муж- чины	жен- щины	оба пола	муж- чины	жен- щины
18	1817474	923952	893522	1391301	697296	694005	426173	226656	199517
19	2031522	1035555	995967	1556570	784329	772241	474952	251226	223726
20	2299692	1167860	1131832	1753347	879762	873585	546345	288098	258247
21	2335924	1187193	1148731	1767325	888382	878943	568599	298811	269788
22	2470833	1252421	1218412	1852235	927873	924362	618598	324548	294050
23	2560022	1300116	1259906	1917674	962679	954995	642348	337437	304911
24	2502986	1262584	1240402	1885635	940538	945097	617351	322046	295305
25	2491591	1247974	1243617	1896817	940182	956635	594774	307792	286982
26	2448575	1230926	1217694	1864982	928727	936255	583593	302199	281394
27	2484905	1249086	1235819	1904834	948200	956634	580071	300886	279185
28	2308639	1156502	1152137	1769575	877751	891824	539064	278751	260313
29	2248375	1125283	1123092	1728921	858125	870796	519454	267158	252296
30	2367076	1182017	1185059	1834936	909079	925857	532140	272938	259202

Чтобы более полно представлять причины взаимоотношений между молодыми семьями, необходимо обратить внимание на социально-экономические проблемы жизнедеятельности молодой семьи. В этой связи интересен краткий анализ социологического исследования «Формирование позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе», проведенного в 2015–2016 гг.¹, где особого внимания заслуживает оценка социально-экономического положения молодой семьи, а также эффективности реализации государственных программ поддержки молодой семьи [5].

Оценка молодыми супругами своего финансово-экономического положения определяет многие аспекты жизнедеятельности семьи, выполнение ее функций, и в первую очередь – репродуктивной. В ходе исследования респондентам были заданы вопросы, позволяющие оценить динамику материального положения молодой семьи, по мнению самих супругов.

¹ Всероссийское социологическое исследование «Формирование позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе», проведенное в 2015–2016 гг. в 7 федеральных округах, 19 субъектах РФ. N = 2000 членов молодых семей в возрасте до 30 лет. Рук. – д.соц.н., профессор Т.К. Ростовская, д.э.н., профессор Кучмаева О.В.

Показательно, что на вопрос о динамике социально-экономического положения молодой семьи «Ваше материальное положение по сравнению с прошлым годом...» ни один из респондентов не дал ответа: «Ухудшилось так, что просто не знаем, что делать». Большая часть респондентов уверена в стабильности материального положения своей семьи, 57–58% респондентов полагают, что материальное положение их семьи останется на прежнем уровне. Значительная часть молодых людей полагает, что в будущем динамика уровня жизни их семьи будет еще более позитивной, чем ранее.

Если 15% респондентов дали ответ, что по сравнению с прошлым годом их материальное положение стало хуже, то в отношении будущего негативные прогнозы делают лишь 4% респондентов. 13% опрошенных не уверены в завтрашнем дне и затрудняются ответить, изменится ли финансовое положение их семьи.

В зависимости от материальных возможностей родительских семей и степени материальной независимости каждого из супругов чаще всего встречается три варианта начала построения молодой семьи: а) молодожены проживают совместно с родителями одного из супругов; б) молодожены снимают квартиру; в) молодожены сразу имеют отдельную квартиру.

Анализ данных показал, что 50% опрошенных респондентов живут с родителями, 16% семей с детьми снимают квартиру, 3% снимают комнату, 28% живут в своей квартире, 3% живут в общежитии. Это актуализирует реализацию мер, направленных на решение жилищной проблемы молодой семьи.

Следует подчеркнуть, что благополучное функционирование современной семьи невозможно без эффективной реализации государственной семейной политики, направленной на обеспечение благоприятных социальных, экономических и нравственных условий для наилучшего выполнения семейных функций и обеспечения свободного развития каждого члена семьи.

К сожалению, исследование продемонстрировало невысокий уровень информированности молодых людей о реализуемых в интересах молодой семьи мерах поддержки. Знают о жилищных программах для молодых семей лишь 57% респондентов, 22% опрошенных слышали о программах в СМИ, но не знают, как ими пользоваться, остальные 21% даже не знают о существовании таких программ.

Опрос показал, что свыше 65% респондентов считают себя социально защищенными, однако 17% опрошенных считают, что государство их совершенно не поддерживает, 11% – затруднились дать ответ. Однако большинство опрошенных четко понимают: необходимы специальные законы, направленные на комплексную поддержку молодой семьи.

Ответы респондентов на вопрос, «Какие сферы жизнедеятельности молодой семьи должны, прежде всего, регулироваться специальными законами, по Вашему мнению?», наглядно демонстрируют, что для молодых людей прежде всего актуальна законодательная поддержка в таких сферах, как жилищная (85%), обеспечение трудовой занятости (57%) и бытовая сфера (14%). Причем жилищная сфера лидирует со значительным отрывом. В при-

нятии специальных законодательных актов, регулирующих взаимоотношения в семье, рождение и воспитание в семье, отдых подавляющее большинство молодых супругов не видит необходимости. По сути, государство должно создать условия для нормального функционирования семьи.

Поддержка молодой семьи будет эффективна только в том случае, если реализуемые меры будут востребованы самими семьями. Исследование продемонстрировало, что в первую очередь молодые семьи заинтересованы в специальных мерах, законодательно закрепленных, направленных на оказание помощи в решении ее жилищной проблемы, обеспечении достойной занятости молодых супругов, развитии сектора доступных бытовых услуг. Молодые люди не склонны допускать излишнее вмешательство государства в дела семьи. Немаловажной помощью выступит развитие социальной инфраструктуры детства, включая образовательные учреждения для детей разного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. Распределение населения регионов РФ по полу и возрасту (1-летние возрастные группы) // ДемоскопWeekly. 2017. № 751-752. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_10.php (дата обращения: 13.03.2019 г.).
2. Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/ (дата обращения: 13.03.2019 г.).
3. Ростовская Т.К. Благополучие молодой семьи – основа качества жизни молодежи / Т.К. Ростовская // Международный академический вестник. 2014. № 1. С. 30–33.
4. Ростовская Т.К. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. 299 с. (Серия: Авторский учебник).
5. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе (анализ Всероссийского социологического исследования) // Вестник Академии права и управления. 2016. № 43 (2) июнь. С. 113–124.

REFERENCES AND SOURCES

1. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 g. Raspredelenie naseleniya regionov RF po polu i vozrastu (1-letnie vozrastnye gruppy) // DemoskopWeekly. 2017. № 751-752. [El. resurs]. Rezhim dostupa: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_10.php (data obrashcheniya: 13.03.2019 g.).
2. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 08.05.2007 № AF-163/06 «O Konceptcii gosudarstvennoj politiki v otnoshenii molodoj sem'i» // Informacionno-pravovoj portal «Kon-sul'tantPlyus» [El. resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/ (data obrashcheniya: 13.03.2019 g.).

3. Rostovskaya T.K. Blagopoluchie molodoj sem'i – osnova kachestva zhizni molodezhi / T.K. Rostovskaya // Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik. 2014. № 1. S. 30–33.
4. Rostovskaya T.K. Sem'ya v sisteme social'nyh institutov obshchestva : ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury / T. K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 299 s. (Seriya: Avtorskij uchebnik).
5. Kuchmaeva O.V., Rostovskaya T.K. Novye tendencii v formirovanii zhiznennyh strategij chlenov molodyh semej v sovremennom rossijskom obshchestve (analiz Vserossijskogo sociologicheskogo issledovaniya) // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 43 (2) iyun'. S. 113–124.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ЕГИПТЕ

Мохамед Элдииб Амр, кандидат исторических наук, ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Каир, Египет). E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Аннотация. Молодежь в Египте является основным исполнителем любой государственной политики. Фундаментальные принципы июльской революции 1952 г. в Египте основывались на роли государственных органов, ставших «стражами» молодежной идеологии, своим вмешательством они определяли цели работы с молодежью и устраняли из политики любые оппозиционные молодежные движения. В правительстве сложилась тенденция использовать молодежь для достижения целей политической системы на каждом ее этапе, как, например, зависимость президента Насера от его «пионерской» организации, а также поддержка президентом Садатом «Братьев-мусульман» и исламистских движений для противодействия движению сторонников курса Насера среди студентов. После убийства Садата были попытки воссоединить молодежь, но в эпоху Мубарака они не продолжились. Среди таких попыток самой важной был проект «Хорус», принятый Высшим советом по делам молодежи и спорта. Затем, в течение срока высших полномочий «Братьев-мусульман» в 2013 г., организация «Братьев» фактически объединила молодежь Братства и салафитов, чтобы утвердить свою власть на всех египетских улицах, от деревни до города, и легитимировать свое движение. В то же время «Братьям» удалось начать блокаду «города СМИ», здания Высшего Конституционного суда и Республиканского дворца, а также создать свою полурегулярную армию по аналогии с полицией, где требовалось беспрекословное послушание, а за отклонение от идеологии следовало жестокое наказание.

Ключевые слова: молодежь в Египте, Египет, египетская революция, Братья-мусульмане, молодежные движения.

YOUTH POLICY IN EGYPT

Mohamed Eldiyib Amr, Candidate of Science (History), Assistant of the Department of Oriental Languages and Linguistic and Cultural Studies, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Cairo, Egypt). E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Abstract. The youth in Egypt is the main executor of any government policy that the state currently wants to implement. The fundamental principles of the July 1952 revolution in Egypt were based on the role of state bodies that became the “guardians” of youth ideology, by their intervention they determined the goals of working with young people and alienated any opposition youth movements from politics. The government has developed a tendency to use youth to achieve the goals of the political system at each stage, such as President Nasser’s dependence on his “pioneering” organization, as well as the support of the Muslim Brotherhood and Islamist movements by President Sadat to counteract the movement of supporters of Nasser among students. After the assassination of Sadat, there were attempts to reunite the youth, but they did not continue in the Mubarak era. Among such attempts, the most important was the project “Horus”, adopted by the High Council for Youth and Sports. Then, during the term of the highest authority of the Muslim Brotherhood in 2013, the Brotherhood organization

actually united the youth of the Brotherhood and the Salafis to impose their regime on all Egyptian streets, from village to city, and legitimize their movement. At the same time, the Brothers managed to start the blockade of the “media city”, the High Constitutional Court and the Republican Palace, and create their own semi-regular army by analogy with the police, where unquestioning obedience was imposed, and deviation from ideology was followed by cruel punishment.

Key words: young people in Egypt, Egypt, the Egyptian revolution, the Muslim Brotherhood, youth movements.

Революция 23 июля 1952 г. была первой организованной политической акцией египетской молодежи во второй половине XX века, реализованной ограниченной группой молодых людей, которые сформировали организацию «Свободные офицеры». Возраст основателей Организации варьировался от 20 до 30 лет. Им удалось положить конец правлению династии Мухаммеда Али и свергнуть монархию, объявив о создании республики, а также о прекращении британского колониализма в Египте.

В 1954 г. руководитель «Свободных офицеров» Гамаль Абдель Насер в возрасте 36 лет взял на себя управление Египтом, начав важный период национальной политики, названный «эпохой насеризма». Участие молодежи в политической жизни приняло форму единой политической организации: в 1963 г. Насер создал «Коммунистическую молодежную организацию», которая просуществовала вплоть до 1976 г.

Организация направляла интерес революции на социальный аспект молодежного движения, что нашло отражение в тенденции предоставления молодежи рабочих мест и жилья, не воздействуя, однако, на интеллектуальное и идеологическое развитие молодежи.

Организация, в соответствии с указаниями ее выдающегося лидера Абдель Гафара Шукра, работала над тем, чтобы воспитать поколение политизированной молодежи с прогрессивным мышлением. Первым «испытанием» нового поколения молодежи стало поражение Египта в войне 1967 г., когда молодежные движения требовали суда над лидерами страны, допустившими поражение египетской армии. Однако их требование не было принято во внимание, и отсутствие суда привело в 1968 г. к серьезным волнениям, которые представили серьезную угрозу режиму. Президент Насер предпринял необычный, но мудрый шаг, не просто не наложив запрета на демонстрации и выступления, а назначив одного из представителей протестующей молодежи, Абдель Хамида Хассана, на пост министра по делам молодежи [1].

В эпоху президента Анвара Садата (1970–1981 гг.) проявилась роль студенческих организаций с интеллектуальной и политической идеологией, принадлежавших к крупным политическим организациям («Братья-мусульмане», исламские группы, коммунистические и социалистические организации). Молодежные движения в этот период фактически были оппозиционными в связи с тем, что принятый в то время политический и экономический курс режима не соответствовал амбициям и надеждам египетского молодежного движения [2].

Одним из наиболее заметных политических актов молодежи в этот период были студенческие демонстрации в 1972 г. за войну с Израилем в отместку за поражение Египта в войне 1967 г. Тогда демонстрации проходили по всему Египту, а президент Садат всерьез обеспокоился возможной солидарностью с протестующей молодежью других социальных групп. Еще одним значимым событием в период Садата были масштабные протесты 18–19 января 1977 г., когда Садат объявил о прекращении субсидирования и подъеме цен [3].

Столкнувшись с растущим студенческим движением, власти Египта решили избежать повторения подобных ошибок в будущем, выпустив Закон 1979 г., по которому упразднялся Союз студентов Республики. В то время Союз был очень важен и эффективен в деятельности молодежных движений. По Закону 1979 г. также упразднялся политический комитет Союзов и запрещалась любая политическая деятельность студентов [4].

Во время президентского правления Хосни Мубарака, которое началось в 1981 г., режим все еще был обеспокоен египетским студенческим движением, поэтому в 1984 г. в Закон 1979 г. была внесена поправка, в соответствии с которой усиливался контроль за безопасностью в университетах. Один из органов внутренней безопасности, в соответствии со своей задачей названный «Безопасность университетов», получил полномочия на участие в студенческих выборах и полный контроль за другими студенческими мероприятиями политического характера [5].

В период правления Мубарака наблюдался рост числа политических исламистских групп среди студентов, которые не стеснялись применять насилие против других студентов, не принадлежавших к исламистам, что соответствовало исламистской тенденции рассматривать насилие как инструмент политических изменений.

В 1998 г. студенты Египта выступили против американской бомбардировки Ирака, а в сентябре 2000 г. массы студентов из всех университетов республики вышли на акции протеста против вторжения Шарона в мечеть Аль-Акса. В марте 2003 г. после нападения США на Ирак Египет стал свидетелем новых молодежных и студенческих демонстраций. В период правления «Братьев-Мусульман» после египетской «цветной» революции 2011 г. молодежь «Братьев» считалась исполнителем их политики, не оказывая при этом влияния на определение политики государства.

Сегодня египетское государство тоже проявляет к молодежи большой интерес. По распоряжению президента Египта Ас-Сиси в Шарм-эш-Шейхе с 2016 г. проводится ежегодная конференция, на которую приглашаются молодые люди со всего мира. Кроме того, Ас-Сиси издал Президентский Указ № 434 от 2017 г. «Об учреждении Национальной академии обучения и реабилитации молодежи», что было одной из рекомендаций Первой национальной молодежной конференции, прошедшей в Шарм-эш-Шейхе в конце октября 2016 г. [6]. Академия ставит своей целью подготовить молодежные кадры, обучить их руководству и совершенствованию своих способностей и навыков. Деятельность Академии охватывает такие области, как средства массовой информации, пресса, национальная безопасность, а также работа в

области общественного мнения и политики. Академия была организована в духе французской Национальной школы менеджмента, чтобы стать плацдармом для выпуска кадров и руководящих должностей в стране.

С момента своего вступления в должность президента Ас-Сиси делает ставку на молодых людей, доля которых среди населения составляет 21,7%, согласно последней переписи населения CAPMAS в середине августа 2017 г. В 2016 г. Ас-Сиси запустил президентскую программу по подготовке лидеров молодежи, которая будет способна взять в свои руки политическую, общественную и административную ответственность в стране [7].

В своей новой молодежной программе правительство Египта полагается на следующие инициативы:

1. Подготовка новых лидеров, которые представят интересы государства в политической оси с целью расширения прав и возможностей молодежных движений в вопросах образования молодежи и обучения лидерским навыкам через президентскую программу или программу гражданского образования Министерства молодежи, что создаст новую базу высококвалифицированных уполномоченных лиц.

2. Улучшение условий жизни: экономические аспекты инициативы дают возможность улучшить положение молодых людей в зависимости от качества реабилитации рынка труда и облегчить поддержку возникающих проектов.

3. Расширение политических прав: инициатива способствует интеграции молодых людей в политический процесс, подготавливая их к участию в местных советах и оказывая поддержку лицам, полномочным принимать политические решения, что открывает путь для их будущей интеграции в высшие исполнительные и руководящие органы.

Президент Ас-Сиси уделяет пристальное внимание взаимодействию правительства с молодёжью, и это действительно важно, поскольку молодые люди сыграли определяющую роль в свержении правящей элиты в Египте в «цветной» революции 2011–2012 гг. Ас-Сиси часто стремится вмешаться в детали молодежной политики. Например, Сиси отождествлял себя с возрастом участников программы [8]. Он также призвал руководителей спортивных команд обсудить судьбу событий в Порт-Саиде.

Если мы посмотрим на общее положение египетской молодежи, то увидим, что правительство Египта не заботится об ее поддержке в социально-экономическом плане, о чем свидетельствует заявление президента Центрального агентства общественной мобилизации и статистики в августе 2016 г. Согласно статистике, среди безработных во всех египетских провинциях доля молодежи (15–29 лет) составила 79,8% [9], а уровень безработицы среди молодежи составил около 40%. В этой связи трудно ожидать, что молодые люди будут активно участвовать в деятельности по развитию общества.

Из вышеизложенного следует, что египетское правительство повторяет ошибки, допущенные предыдущими правительствами в разрешении проблем молодежи, и вместо того, чтобы работать на реальное расширение прав и возможностей молодежи. Это лишь углубит разрыв между правительством и обширной неполитизированной молодежной базой, а история Египта уже

имеет опыт с негативными последствиями подобной политики. Правительство должно снизить ограничения свободы молодежных организаций, чтобы они стали «кузницей кадров» для подготовки будущих лидеров, чьи способности и навыки окажутся эффективными и в местной, и в национальной политической сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Юсеф Вардани. На пути к новой общей политике в отношении молодежи в Египте, Лига арабских государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.poplas.org/uploads/member_studies/7352/study/____-____-____-____-____-____.pdf
2. Сара Лей Спарре, мусульманские молодежные организации в Египте: участники реформы и развития (Дания: Датский институт международных исследований, январь 2008 г.).
3. Ахмед Гамаль. Египетский режим и планы набора молодежи: программы реабилитации, газета «Аль-Араб», 2016/07/23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alarab.co.uk/-للأدلة-أم-للتأهيل-برامج-الشباب-استقطاب-النظام-المصري-وخطط-السياسية>
4. Как организует закон 1979 года выборы для правительства? «Социалист» 14-11-2006, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://revsoc.me/students/kyftnzm-lyh-1979-lntkhbt-lslh-lhkwm/>
5. ХолудСэйбер, Ахмед Эззат, Эмад Мубарак. Права и свободы студентов. Фонд свободы мысли, первое издание, Каир, 2008. Стр. 13.
6. Официальный вестник публикует решение Сиси о создании Академии реабилитации молодежи. VETOGate, 29-08-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vetogate.com/2850848>
7. МохамедДжибриль. Процветание и крах политики в Египте 2000–2013, Всемирный институт исследований. 17-5- 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alaalam.org/ar/politics-ar/middle-east-ar/item/700-723170518>
8. Маха Салем. Интервью с директором Президентской программы реабилитации молодежи, АсватМасрия (Каир), 02.06.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aswatmasriya.com/news/details/42265>
9. ТахерХиндави. «Статистика: уровень безработицы во втором квартале этого года снизился на 12,5%», портал «Аль-Ватан» (Каир), 15.08.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elwatannews.com/news/details/1329580>

REFERENCES AND SOURCES

1. Yusef Vardani. Na puti k novojobshchejpolitike v otnosheniimolodezhi v Egipte, Liga arabskihgosudarstv. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimdostupa: [http://www.poplas.org/ uploads/member_studies/7352/study/____-____-____-____-____-____-____.pdf](http://www.poplas.org/uploads/member_studies/7352/study/____-____-____-____-____-____-____.pdf)
2. Sara LejSparre, musul'manskiemolodezhnyeorganizacii v Egipte: uchastnikireformyirazvitiya (Daniya: Datskijinstitutmezhdunarodnyhissledovanij, yanvar' 2008 g.).
3. Ahmed Gamal'. Egipetskijrezhimiplanynaboramolodezhi: programmyreabilitacii, gazeta «Al'-Arab», 2016/07/23. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimdostupa:

للأدلة-أم-لتأهيل-ل-برامج-الشباب-استقطاب-وخطط-المصري-النظام
السياسية
<https://alarab.co.uk/>

4. Kakorganizuetzakon 1979 godavyborydlyapravitel'stva? «Socialist» 14-11-2006, [Elektronnyjresurs]. – Rezhimostupa: <https://revsoc.me/students/kyf-tnm-lyh-1979-lntkhbt-lslh-lhkwm/>

5. HoludSejber, Ahmed Ezzat, Emad Mubarak. Prava isvobodystudentov. Fond svobodymysli, pervoeizdanie, Kair, 2008. Str. 13.

6. Oficial'nyj vestnik publikuet reshenie Sisi o sozdanii Akademii rehabilitacii molodezhi. VETO Gate, 29-08-2017. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimostupa: <https://www.vetogate.com/2850848>

7. Mohamed Dzhibril'. Procvetanieikrahpolitiki v Egipte 2000–2013, Vsemirnyj-institutissledovanij. 17-5- 2018. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimostupa: <http://alaalam.org/ar/politics-ar/middle-east-ar/item/700-723170518>

8. Maha Salem. Interv'yu s direktorom Prezidentskoj programmy rehabilitacii molodezhi, AsvatMasriya (Kair), 02.06.2016. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimostupa: <http://www.asvatmasriya.com/news/details/42265>

9. Taher Hindavi. «Statistika: uroven' bezroboticy vo vtorom kvartale etogo goda snizilsya na 12,5%», portal «Al'-Vatan» (Kair), 15.08.2016. [Elektronnyjresurs]. – Rezhimostupa: <http://www.elwatannews.com/news/details/1329580>

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), заведующий кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Безвербная Наталья Александровна, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: bezvad@mail.ru

Аннотация. Насилие в семье порождает множество социальных и индивидуальных проблем. Авторы анализируют последствия декриминализации семейного насилия. Опираясь на данные статистики, формулируют вывод об отрицательном влиянии декриминализации на проблему семейного насилия в России. Акцентируется внимание на принятии единого закона о профилактике семейного насилия.

Ключевые слова: семья, семейное насилие, виды насилия, преступление, виктимность, декриминализация, профилактика.

DECRIMINALIZATION OF DOMESTIC VIOLENCE: PROBLEM ASPECTS

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Pedagogy and Organization Work with the youth of the Russian State Social University, (Moscow, Russia). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Nataliaya A. Bezverbnaya, Junior Researcher of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bezvad@mail.ru

Abstract. Domestic violence creates a set of social and individual problems. In this article authors analyze consequences of decriminalization of family violence. Authors, being based on statistical data, formulate a conclusion about the negative impact of decriminalization on a problem of family violence in Russia. Besides, the attention is focused on adoption of the uniform law on prevention of domestic violence.

Key words: family, domestic violence, beating, types of violence, crime, viktimnost, decriminalization, prevention.

Одной из наиболее острых проблем в современном российском обществе является семейное насилие, которое деструктивно влияет на институт семьи и нравственное состояние общества в целом [1].

Под семейным насилием понимаются агрессивные действия, в результате которых объекту насилия (члену семьи) могут быть нанесены физические увечья и/или психологические травмы. Такие действия могут представлять собой физическое и сексуальное насилие, порчу личного имущества и неудовлетворение базовых потребностей.

Особого внимания на государственном уровне требует проблема насилия в молодых семьях. От того, как и в какой степени эти проблемы станут уменьшаться, будут зависеть атмосфера в более «зрелой» семье и стабильность института семьи в целом. Исследование вопросов насилия, проявляемого на внутрисемейной основе, показывает, что его можно предотвращать или уменьшать, создавая для этого соответствующие условия [2]. Как показывает анализ практики, такие условия создаются не повсеместно и в недостаточной степени. Зачастую молодые супруги бывают неподготовлены к семейной жизни, а с появлением ребенка, который объективно способствует изменению внутрисемейного, в том числе психологического климата, не могут адаптироваться к принципиально новой «ситуации», что зачастую приводит к формированию неблагоприятной психологической атмосферы, антагонистических точек зрения по различным проблемам и проявлению многообразных форм насилия в молодой семье [3]. Следует отметить участвовавшие случаи таких тяжких преступлений, как убийства на внутрисемейной почве, в том числе с корыстной целью, к которой относится овладение правами на имущество [4; 3].

Все вышесказанное свидетельствует о процессе криминализации, происходящем в институте семьи в Российской Федерации.

Важно найти пути ослабления тенденций такого процесса, проанализировать и усовершенствовать механизмы психологического разрешения конфликтов для уменьшения количества фактов и степени насилия на внутрисемейной основе. Социальный кризис усиливает стрессовые факторы, влияющие на сознание и поведение людей. Специалисты отмечают рост в массовом сознании беспокойства и тревожности, усиление психологической напряженности в семье [1].

Стрессовые состояния могут сопровождаться проявлениями как депрессии, так и повышенной агрессивности, что может выражаться в насильственных действиях по отношению к другим людям, в частности, к представителям ближайшего окружения. Кроме того, культурные стандарты поведения изменяются и искажаются, этические нормы в социальных и межличностных отношениях в определенной мере деградируют. Например, «право сильного» приобретает все более распространенный и легитимный характер и может выражаться в прямом насилии над личностью, как моральном, так и физическом.

Насилие в семье происходит в скрытых формах. Оно редко становится основанием для обращения в правоохранительные органы или достоянием гласности, часто воспринимается населением как частная внутрисемейная проблема, которая не должна быть предметом общественного внимания и государственной политики [4].

В ряде социологических исследований, респонденты отмечали, что, если муж избил жену, то это их частное дело, в которое никто не должен вмешиваться [2]. Список людей и организаций, к которым, как считают респонденты, надо обращаться при домашнем физическом насилии, возглавляет социальное окружение (родственники, друзья), затем следуют психологи, кризисные центры, семейные консультации, и только затем правоохранительные органы и

юристы, что, с одной стороны, иллюстрирует некоторые особенности менталитета россиян, а с другой – легитимизирует факт семейного насилия.

Следует отметить, что несовершенство законодательной базы существенно влияет на состояние проблемы семейного насилия в нашей стране. Административные, уголовные, уголовно-процессуальные нормы в этой сфере малоэффективны, так как они не распространяются на предупреждение (пре-сечение), профилактику и работу с потенциальными нарушителями, а могут быть применены лишь после совершения правонарушения или преступления.

Опубликованный в феврале 2017 г. Федеральный закон № 8 ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» [5] вызвал неоднозначную реакцию в нашем обществе. Согласно законодательству, нанесение побоев членам семьи и другим близким лицам не относится к уголовному преступлению и может оцениваться как административное правонарушение.

Семейные побои – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ (причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности), в отношении близких лиц (ст. 116 УК РФ). Под близкими лицами понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство (ст. 116 УК РФ) [6].

Таким образом, происходит процесс декриминализации в уголовном праве РФ. Под декриминализацией понимается:

- исключение уголовной ответственности за ранее преступные и наказуемые деяния, и является "криминализацией со знаком минус";
- выведение какого-либо деяния из числа таких, которые могут квалифицироваться как уголовно наказуемые;
- юридическая переквалификация части уголовно наказуемых деяний и перевод их в разряд административных, дисциплинарных и иных правонарушений либо правомерных действий [7; 8].

В итоге, декриминализация семейных побоев – это юридическая переквалификация побоев, переводящих их из числа уголовно наказуемых деяний в разряд административных правонарушений.

Теперь, если супруг, сожитель или родитель побьет члена своей семьи первый раз и без причинения вреда здоровью, виновному грозит административное наказание (наложение штрафа в размере от 5 до 30 тысяч рублей либо арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок от 60 до 120 часов). Уголовный Кодекс заработает только в том случае, когда побои повторятся, но и тут есть тонкость: если «повтор» случится в течение года после первого правонарушения.

Данные Росстата доказывают, что число случаев насилия в семье, доведенных до сведения полиции в 2017 г., сократилось почти вдвое (см. Диа-

грамма 1, Диаграмма 2), поскольку физическое насилие стало наказуемым штрафом, а не тюремным заключением. То есть, статистические данные свидетельствуют о том, что число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи, как и число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи, снижается, но это происходит де-юре, а де-факто количество вышеуказанных преступлений не снижается, а, как минимум, остается на уровне 2016 г., а, как максимум, увеличивается [9].

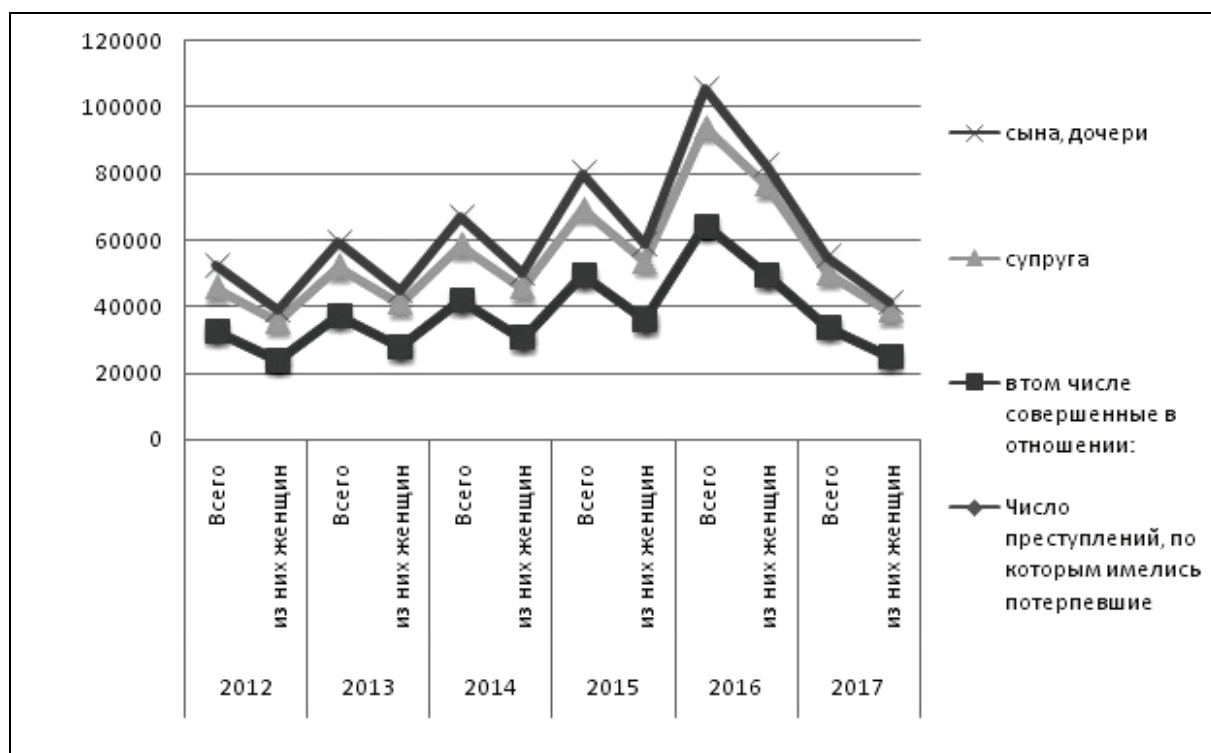


Диаграмма 1. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи (сост. авторами по данным Росстат)

В 2017 г. было зарегистрировано 36 037 случаев бытового насилия по сравнению с 65 543 случаями в 2016 г., из которых 25 667 случаев были связаны с насилием в отношении женщин, по сравнению с 49 765 случаями годом ранее [9]. Но за второе полугодие 2018 и начало 2019 г. значительно увеличилось число лиц, зарегистрированных как совершивших административные правонарушения: подобное, на наш взгляд, связано с переходом вышеуказанной статьи из уголовной юрисдикции в административную. Далее, по данным МВД, увеличилось количество привлеченных за побои на 14%. Во всех округах РФ отмечен рост количества преступлений в отношении несовершеннолетних, что свидетельствует о семейном неблагополучии и скрытом насилии в семьях.

Прогрессирует рост числа преступлений, сопряженных с сексуальным насилием, и преступлений, связанных с посягательством на половую неприкосновенность детей. Отмечено увеличение количества несовершеннолетних, находящихся в колониях [9; 1].

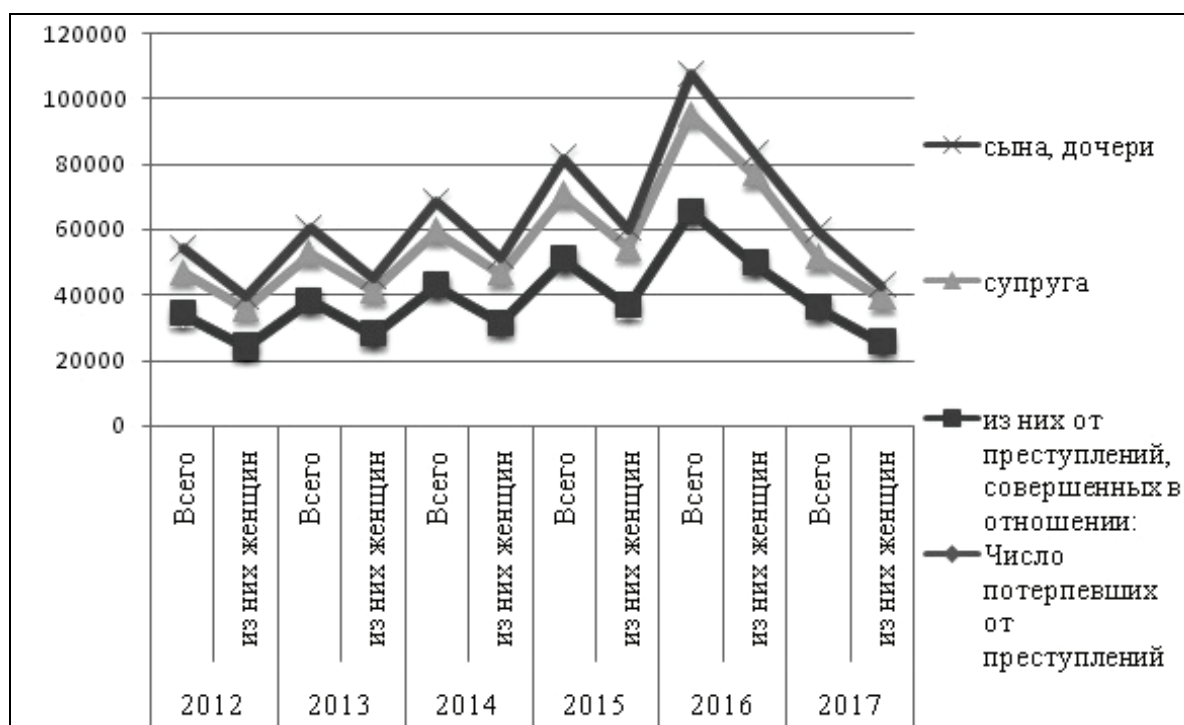


Диаграмма 2. Число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи (сост. авторами по данным Росстат)

Улучшила ли декриминализация ситуацию с семейным насилием? По мнению экспертов служб, которые работают с жертвами насилия в семье, декриминализация – плохое решение. Наличие уголовной ответственности служило хоть какой-то превентивной мерой для части людей, склонных к агрессии в семье. Сталкиваясь с уголовным производством никто не хочет, а административное правонарушение в общественном сознании – нечто незначительное, то, что не влечет серьезных последствий. При этом особая опасность состоит в том, что, если насилие в семье произошло один раз, то, скорее всего, оно повторится. Чувство безнаказанности приводит к усилению агрессии. Побои в семье, как правило, не единичный эпизод, это серия эпизодов, и раз за разом они становятся жестче.

Опубликованные судебным департаментом при Верховном суде РФ данные по административным правонарушениям за 2017 год дали возможность впервые оценить работу новой редакции основной статьи за домашнее насилие. Как следует из данных судебного департамента при ВС, в 2017 г. российские суды рассмотрели 161 тыс. дел по ст. 6.1.1. КоАП (побои) и привлекли к ответственности 113,4 тыс. человек. Большинство из них (90 тыс. человек) обязали заплатить штраф, 14,4 тыс. человек назначили наказание в виде исправительных работ, еще 8,8 тыс. попали под административный арест. Общая сумма штрафов составила 429,4 млн руб., однако из них были взысканы или добровольно уплачены только 168,4 млн руб. Отметим, что в 2015 и в 2016 гг., когда побои считались уголовным правонарушением, в суды ежегодно передавалось около 55 тыс. дел, по которым число осужденных составило соответ-

венно 16,2 тыс. человек и 17,8 тыс. человек. В 2017 г., когда уголовное наказание стали назначать только за повторные побои, число дел по ст. 116 (ч. 1) составило менее 2 тыс., из которых 1,5 тыс. были отозваны, а 500 закончились обвинительным приговором.

Следовательно, целью закона о побоях в любой его редакции должно быть не увеличение людей, привлеченных к ответственности за рукоприкладство, а уменьшение жертв.

Главная проблема увеличения числа пострадавших от семейного насилия заключается в том, что в России не существует единого закона, направленного на защиту жертв домашнего насилия, противодействия и профилактики насилия в семье. Наиболее часто к ситуациям домашнего насилия применяют статьи 111, 112, 115, 116 и 119 УК РФ, но они только частично защищают интересы людей, подвергшихся домашнему насилию.

Мировая практика борьбы с данным видом преступления доказывает, что единый закон о профилактике семейного насилия более эффективен, чем отдельные нормативно-правовые акты.

Также важной проблемой является отсутствие мер, направленных на защиту потерпевших. В российском законодательстве нет такого важного инструмента по предотвращению последующих актов насилия, как охранный (защитный) ордер. С помощью ордера можно запретить ответчику приближаться к своей бывшей жертве, посещать те места, где она работает или учится. Главная функция ордера – предотвращение эскалации насилия и возможных тяжких последствий [10].

Однако существующая государственная политика и правовая база по борьбе с насилием в семье не только не позволяют в полной мере обеспечить защиту жизни и здоровья граждан, но и постоянно смягчаются. Специальный законопроект, который может ужесточить и упорядочить меры наказания лиц, совершивших насилие внутри семьи, с 2012 г. находится на рассмотрении в Правительстве РФ.

Для эффективной профилактики семейного насилия нужен целый комплекс мер [11]. Необходимы защитные предписания для пострадавших, которые бы смогли оградить жертву от агрессора. Пострадавшие от семейного насилия очень часто нуждаются в кризисных центрах, где бы они могли укрыться от обидчика, а также в помощи психологов и юристов. Международный опыт показывает, что регулярные масштабные просветительские кампании постепенно приводят к созданию атмосферы нетерпимости к домашнему насилию в обществе.

Итак, спорные поправки в российское законодательство, декриминализировавшие некоторые формы бытового насилия, не решают, а усугубляют проблемы семейного насилия. Выше мы говорили о влиянии менталитета российских граждан относительно данной проблемы ("не выносить сор из избы"), но и подобные изменения, закрепленные на законодательном уровне, на наш взгляд, легитимизируют насилие в семье.

Подводя итоги, отметим, что проблема насилия в семье обостряется и становится все более социально значимой. В семье, по исследованиям уче-

ных, совершается 30–40% всех тяжких насильственных преступлений, а 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств, совершенных в семье, составляют женщины и дети [1; 2; 3]. Данной проблеме необходимы новые подходы и решения, связанные не только с обсуждением в научной и общественной среде, но принятием решений на законодательном уровне. Пока в Российской Федерации не будет принят отдельный закон о профилактике семейного насилия, ситуация не изменится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Римашевская Н.М. Гендерные отношения на советском и постсоветском пространстве развития России / Н.М. Римашевская // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. 368 с.
2. Ростовская Т.К. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев, Н.Б. Завьялова, В.А. Безвербный // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78–88.
3. Юридическая помощь молодой семье / сост. Т. К. Ростовская. М.: Департамент по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации, ГУ «Российский центр молодежной семейной политики», 2004. 128 с.
4. Безвербная Н.А. Насилие в семье как социальный феномен / Н.А. Безвербная, О.С. Шевцова // В сборнике: Молодежь. Семья. Общество: Под общей редакцией Т.К. Ростовской. Москва, 2019. С. 60–67.
5. Федеральный закон от 07.02.2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 27.01.2017 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. Большой юридический словарь Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А [и др.]. Инфра-М, 2001. 623 с.
8. Мизяков А.А. Криминализация и декриминализация в уголовном праве / А.А. Мизяков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 5. С. 165–167.
9. Официальный сайт Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 16.02.2019).
10. Декларация ООН об искоренении насилия в отношении женщин, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения 24.12.2018).
11. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы от 8 марта 2017 г. М., 2017. 22с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/26698/> (дата обращения 23.12.2018).

REFERENCES AND SOURCES

1. Rimashevskaya N.M. Gendernye otnosheniya na sovetskom i postsovetskom prostranstve razvitiya Rossii / N M. Rimashevskaya // ZHenshchina. Gender. Kul'tura. M.: MCGI, 1999. 368 s.
2. Rostovskaya T.K. Profilaktika nasiliya kak faktor bezopasnosti sem'i: rossijskij i kazahstanskij opyt / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev, N.B. Zav'yalova, V.A. Bezverbnij // ZHenshchina v rossijskom obshchestve. 2018. № 1(86). S. 78–88.
3. YUridicheskaya pomoshch' molodoj sem'e / sost. T. K. Rostovskaya. M.: Departament po molodezhnoj politike Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federacii, GU «Rossijskij centr molodezhnoj semejnoy politiki», 2004. 128 s.
4. Bezverbnaya N.A. Nasilie v sem'e kak social'nyj fenomen / N.A. Bezverbnaya, O.S. Shevcova // V sbornike: Molodezh'. Sem'ya. Obshchestvo: Pod obshchej redakciej T.K. Rostovskoj. Moskva, 2019. S. 60–67.
5. Federal'nyj zakon ot 07.02.2017 g. № 8-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 116 Ugolovnogo Kodeksa Rossijskoj Federacii» (prinyat GD FS RF 27.01.2017 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 12.11.2018). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Bol'shoj yuridicheskij slovar' Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A [i dr.]. Infra-M, 2001. 623 s.
8. Mizyakov A.A. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya v ugolovnom prave / A.A. Mizyakov // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. 2009. № 5. S. 165–167.
9. Oficial'nyj sajt Rosstat [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (data obrashcheniya: 16.02.2019).
10. Deklaraciya OON ob iskorenenii nasiliya v otnoshenii zhenshchin, 1993 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (data obrashcheniya 24.12.2018).
11. Nacional'naya strategiya dejstvij v interesah zhenshchin na 2017–2022 gody ot 8 marta 2017 g. M., 2017. 22s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/26698/> (data obrashcheniya 23.12.2018).

ЧЕМПИОНАТ МИРА ПО ФУТБОЛУ: ЧТО ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Нижний Новгород, Россия).
E-mail: shirokalova@list.ru

Аннотация. Вопрос о том, для кого/чего нужны России имиджевые проекты, не имеет однозначного ответа, т.к. нет объективного критерия для оценки их эффективности для решения внешнеполитических и внутриполитических задач. Приветствуя проведение спортивных состязаний на территории РФ, россияне понимают, что они не решат их повседневных проблем, но нуждаются в их терапевтической функции.

Ключевые слова: спорт, футбол, имидж, Россия, чемпионат мира.

FOOTBALL WORLD CUP: WHAT REMAINS IN MEMORY

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Senior Researcher of the Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The question of who / what Russia needs image projects does not have a clear answer, because there is no objective criterion for assessing their effectiveness for solving foreign and domestic political problems. Welcoming the holding of sports competitions in Russia, Russians understand that they will not solve their everyday problems, but need their therapeutic function.

Key words: sport, football, image, Russia, world Cup.

Спорт стал одним из имиджевых мероприятий на территории России, которые выполняют внутреннюю и внешнюю функции. На внешней арене через спортсменов и туристов задается положительный образ России. Например, с начала 2018 г. и до окончания чемпионата по футболу четверть миллиона иностранных болельщиков написали в социальных сетях около 400 тыс. сообщений о России и россиянах. Среди позитивных тем преобладали «гостеприимство россиян», «хорошая организация», «разрушение мифов»; среди негативных – «критика использования ЧМ-2018 в качестве средства пропаганды и отвлечения общественности». Из опрошенных россиян 93% считали, что улучшился имидж РФ, 87% – Россия показала высокий уровень культуры; 81% – надеялись на исчезновение у иностранцев негативных стереотипов, навязанных СМИ, 71% предполагали улучшение отношения к иностранцам у россиян [1].

Но не порождают ли эти высокие оценки завышенные надежды на улучшение внешнеполитических отношений? Насколько положительный имидж

среди спортсменов и болельщиков способен изменить политику государств по отношению к РФ? Современные спортсмены и туристы космополитичны, и большая политика вне сферы их интересов. Не имеет веса их мнение и при принятии внешнеполитических решений – внутри собственных стран они выполняют функцию, отведенную им еще в античном мире, замены «хлеба зрелищами».

В чем же функциональное значение спорта для внутренней политики России? Прежде всего, поддержание консенсуса между нищающим народом и властью, которая понимает, что кредит доверия после Крымской весны падает, а поднять уровень жизни через повышение МРОТ, бесплатность образования и медицины означает отказ от либеральных основ российского государства. Во-вторых, работодателю нужен здоровый работник, и массовый спорт задает стимул к образу жизни «без вредных привычек». В-третьих, социальная активность амбициозных людей переводится в сферу личных достижений в конкурентной среде, снижая тем самым градус оппозиционных движений. В четвертых – терапевтическая функция зрелищ.

На вопрос о том, насколько чемпионаты и универсиады способны оправдать возложенные на них ожидания, в определенной степени отвечает анализ социологических данных. Исследование об отношении к проведению чемпионата мира по футболу было проведено ВЦИОМ летом 2015 г. О его проведении в РФ знало 98% футбольных болельщиков, и 75% не интересующихся соревнованиями. Были зафиксированы и гендерные отличия: например, хорошо оценивали свои знания о чемпионате 64% мужчин и 39% женщин. Впервые услышали об этом от анкетера, соответственно, 7% и 20%.

Среди респондентов из самых разных возрастных групп практически девять человек из десяти были уверены, что мундиаль пройдет на высоком уровне. Сомневающиеся составили в среднем 6%, но среди недовольных деятельностью В.В. Путина – 17%. Доля ожидающих положительных изменений в жизни страны несколько отличалась в зависимости от места жительства респондентов, но в целом была около 60% [2].

Социологические исследования с целью повышения рейтинга чемпионата среди населения городов, в которых планировалось его проведение, были частью имиджевой программы. Опубликованные результаты свидетельствовали о наличии вполне определенного заказа. Например, по инициативе «Научно-исследовательского Института проблем социального управления» в декабре 2017 г. в Нижегородской области было опрошено 1302 респондента для выяснения отношения к предстоящему в Н.Новгороде чемпионату мира по футболу. Положительно отнеслись к проведению чемпионата и «собирались активно болеть» – 17,5%. Ответ «положительно, буду смотреть матчи по ТВ» выбрали 35,0%. Собирались «следить время от времени за чемпионатом» – 20,7%. Тех, кто относился к чемпионату «нейтрально, мне все равно» – 19,7%, «негативистов» – 7,1%. Авторы опубликовали ответы на данный вопрос в зависимости от места жительства и демографических характеристик. Естественно, что сторонников было больше среди молодежи, горожан и

мужчин [3]. Вопросов об ожидаемых положительных и негативных последствиях мундиала задано не было.

В начале 2018 г. Российское общество социологов провело масштабное и всестороннее исследование [4] об отношении студенческой молодежи к Чемпионату мира, по результатам которого был сделан ряд публикаций. Например, сравнение отношения к чемпионату в трех регионах выявило, что принципиальных отличий между ними не существует. Отмечалось, что «студенты не являются страстными болельщиками такого вида спорта, как футбол. Они вполне критичны, обращают внимание как на положительные, так и на отрицательные стороны, которые открываются в ходе подготовки и проведения ЧМ-2018. В целом позитивно относятся к его проведению в России, но эйфории от предвкушения события не демонстрируют» [5, с. 110]. По общероссийской выборке были получены аналогичные результаты [6, с. 103–111].

Разумеется, то, что сборная РФ не вышла даже в финал, огорчило не только 12,4% студентов, прогнозировавших ее победу, возможно, полагая, что «родные стены помогут». Впрочем, не сбылись прогнозы и по другим командам. 32% называли возможной победительницей Германию, 21% – Бразилию, 20,8% – Испанию. За Францию высказалось 11,1%, Бельгию – 1,3%, Хорватию – единицы [4].

Согласно опросу ВЦИОМ, игру с Уругваем смотрели 59% респондентов, практически столько же, сколько первые матчи. Треть была разочарована играми российской команды, признавали их интересными 49% [7].

Опираясь на названные и ряд других исследований, можем сделать вывод, что во время чемпионата произошла некая консолидация нации. Но ненадолго. Главным событием 2018 г. россияне назвали изменения в пенсионном законодательстве – 24%, чемпионат мира по футболу – 12% [8].

Через полгода после чемпионата я попросила заочников написать эссе «послевкусие от чемпионата»). Ответы не удивили, приведу типичные.

А., 26 лет: «Футбольное послевкусие: это простое отмывание денег. Для государства – это очень большая прибыль в плане дохода, впрочем, и для обычных торгашей, которые занимаются розничной торговлей перед началом ЧМ. В страну приезжает очень много различных людей, которые могут привезти различные болезни из других стран. Для кого-то это восхищение, так скажем, сверхсобытие, которое вот-вот свершится, а для меня это простое выкачивание денег. Это радость для тех, кто болеет за каждого или команду, которая выигрывает, и дает им надежду на следующий матч. Люди радуются этому, восхищаются игрой и ждут следующей игры, занимая очередь уже за несколько месяцев до игры».

Б., 24 года: «Лично у меня сложилось нейтральное футбольное послевкусие, т.к. мне ЧМ не нужен. Я не любитель футбола, и мне как-то все равно, что происходило в момент проведения ЧМ. Знаю, что многие люди «наварились» в этот период, сдавая жилье, продавая сувениры и тому подобное. Был я в фанзоне один раз и ничего там для себя не почерпнул. Видел, как туристы веселились и пили пиво, которое в 5 раз было дороже, чем за пределами фанзоны. Ну, а так, я думаю, что у туристов изменилось отношение к русскому

народу. Ведь про Россию существует множество стереотипов. И многие люди за границей серьезно верят в них.

Конечно, ЧМ в России останется в истории и памяти многих людей. Но у кого как. Кто-то о нем будет вспоминать с теплотой и улыбкой, а кто-то просто вспомнит, что у них ничего не менялось, они, как работали, так и работали. У кого-то вспомнятся случаи с туристами, как они подсказали им, как пройти до стадиона. Или как они кого-то довезли до гостиницы, взяв с них больше, чем положено денег за проезд. В любом случае про ЧМ-2018 будут помнить».

Итак. Чемпионат закончился, фанаты разъехались по другим странам, санкции ужесточились, внешний долг России увеличился, «пояса затянулись», уверенность в коррупционности мегапроектов возросла, стадионы передали регионам... Но остались воспоминания о коротком празднике жизни. У кого?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Исследование: большинство россиян думают, что иностранцам понравилась организация ЧМ-2018. 16.07.2018 // <https://news.rambler.ru/other/40343022-issledovanie-bolshinstvo-rossiyan-dumayut-cto-inostrantsam-ponravilas-organizatsiya-chm-2018/>.
2. Чемпионат мира по футболу-2018: три года до старта. Пресс-выпуск №2887//<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115328>.
3. Отношение жителей Нижегородской области к проведению Чемпионата мира по футболу–2018 в Нижнем Новгороде // <http://www.ifregion.ru/researches/84198>. 10.02.2018.
4. Координатор проекта – исследовательский Комитет РОС по физической культуре и спорту (д. соц. н., проф., С.И. Росенко). Инструментарий исследования, его программное обеспечение – к.с.н., доцент Д.В. Шкурин. Результаты исследования на сайте <https://yadi.sk/d/RFydb08Q3QhFLe>.
5. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Икингрин Е.Н. Чемпионат мира по футболу FIFA 2018:общее и особенное в оценках и мнениях студентов разных регионов России (на примере Волгограда, Нижневартовска и Сургута) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета_2018. № 2. С. 93–110.
6. Широкалова Г.С. Студенты и футбол: точки соприкосновения // SocioTime / Социальное время. 2018. № 2(14). С. 103–111.
7. Кубок мира по футболу: в ожидании 1/8 финала // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9183>. №3699. 28.06.2018.
8. Итоги 2018-го: события, люди, оценки, ожидания от 2019-го. №3847 26.12.2018 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9493>.

REFERENCES AND SOURCES

1. Issledovanie: bol'shinstvo rossiyan dumayut, chto inostrancam ponravilas' organizaciya CHM-2018. 16.07.2018 // <https://news.rambler.ru/other/40343022-issledovanie-bolshinstvo-rossiyan-dumayut-cto-inostrantsam-ponravilas-organizatsiya-chm-2018/>.

2. CHempionat mira po futbolu-2018: tri goda do starta. Press-vypusk №2887//<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115328>.
3. Otnoshenie zhitelej Nizhegorodskoj oblasti k provedeniyu CHempionata mira po futbolu-2018 v Nizhnem Novgorode // <http://www.ifregion.ru/researches/84198>. 10.02.2018.
4. Koordinator proekta – issledovatel'skij Komitet ROS po fizicheskoy kul'ture i sportu (d. soc. n., prof., S.I. Rosenko). Instrumentarij issledovaniya, ego programmnoe obespechenie – k.s.n., docent D.V. SHkurin. Rezul'taty issledovaniya na sajte <https://yadi.sk/d/RFydb08Q3QhFLe>.
5. Dulina N.V., Zasyrkin V.P., Ikingrin E.N. CHempionat mira po futbolu FIFA 2018:obshchee i osobennoe v ocenkah i mneniyah studentov raznyh regionov Rossii (na primere Volgograda, Nizhnevartovska i Surguta) // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 2. S. 93–110.
6. SHirokalova G.S. Studenty i futbol: tochki soprikosnoveniya // SocioTime / Social'noe vremya. 2018. № 2(14). S. 103–111.
7. Kubok mira po futbolu: v ozhidanii 1/8 finala // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9183>. №3699. 28.06.2018.
8. Itogi 2018-go: sobytiya, lyudi, ocenki, ozhidaniya ot 2019-go. №3847 26.12.2018 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9493>.

Раздел IV

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Section IV

SOCIAL AND SPATIAL MOBILITY OF THE POPULATION AND HUMAN RESOURCES

СЕМЬИ МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИИ¹

Акромов Шариф Юлдашевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: sharif_akram@mail.ru

Акромов Фуркат Шарифович, соискатель Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: akfusha@mail.ru

Гафурова Шохиста Шокировна, соискатель Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: anisa.akramova@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются семьи мигрантов из Таджикистана в России. Разделим семьи мигрантов на определенные категории с целью больше вникнуть в жизнь мигрантов, и их влияние на состояние семей мигрантов. Определены основные проблемы, которые уделяют особое внимание интеграции и адаптации семей мигрантов из Таджикистана в России.

Ключевые слова: трудовая миграция, иммиграция, семья мигрантов, дети мигрантов, адаптация, интеграция, мотивы миграции, Таджикистан, Россия.

MIGRANTS' FAMILIES FROM TAJIKISTAN IN RUSSIA

Sharif Yu. Akramov, Candidate of Science (Sociology), Leading Researcher of the Center of Social Demography of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sharif_akram@mail.ru

Furkat S. Akramov, Applicant of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: akfusha@mail.ru

Shokhista S. Gafurova, Applicant of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: anisa.akramova@bk.ru

Abstract. This article discusses the families of migrants from Tajikistan to Russia, dividing the family of migrants in the definition of the category with the aim of more insight into the lives of migrants and their impact on the family of migrants. The main problems that need special attention to be paid to the integration and adaptation of the family of migrants from Tajikistan in Russia are identified.

Key words: labor migration, immigration, migrant family, children of migrants, adaptation, integration, motives of migration, Tajikistan, Russia.

Миграция – это сложный и многогранный процесс. Миграция из Таджикистана в Россию требует тщательного анализа и внимания. Мы условно семьи мигрантов из Таджикистана в Россию разделили на пять категорий. Сразу хотим оговориться, что безусловно идеальных разделений мигрантов (в широком смысле) мы не обещаем.

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ (грант № 18-011-01153)

Под семьей мигрантов из Таджикистана подразумеваем: 1) муж с женой – оба граждане Таджикистана; 2) муж, жена с детьми – все они граждане Таджикистана; 3) муж, жена с детьми – один из родителей граждан России; 4) муж, жена с детьми – один из родителей и ребенок имеют гражданство России; 5) муж, жена с детьми – родители имеют двойное гражданство, в этой категории мы также рассмотрим ситуацию, когда муж или жена является гражданином России и относится к титульным народам России. Положение этих категорий семей мигрантов различаются, однако между теми и другими нет четких границ (см. табл. 1).

Таблица 1

Категория	Жизненные установки	Степень адаптации-интеграции
Муж с женой оба граждане Таджикистана	Направлена на решение текущих задач	Сохранение своей культурной идентичности
Муж, жена с детьми, все они граждане Таджикистана	Направлена на решение текущих и среднесрочных задач и, если получится, получить гражданство РФ	Сохранение своей культурной идентичности при одновременном принятии элементов
Муж, жена с детьми – один из родителей гражданин России	Направлена на решение среднесрочных задач и остаться жить РФ	Сохранение культурной идентичности доминирующей группы
Муж, жена с детьми – один из родителей и ребенок имеют гражданства России	Направлена на решение среднесрочных задач; живут долгое время в РФ. Но надеются реэмигрировать	Постепенная добровольная или вынужденная утрата мигрантами своей культурной идентичности
Муж, жена с детьми – родители имеют двойное гражданство	Направлена на укоренение и дать задел для будущего поколения	Принятие норм и ценностей доминирующей группы (особенно второе поколение, кто родился в РФ)

Рассмотрим первую категорию граждан из Таджикистана: муж и жена – оба граждане Таджикистана, молодая семья, не так давно проживающая в России, один из пары в прошлом имеет миграционный опыт. В основном опыт миграции имеет муж, в редких случаях жена или оба супругов. Они не так давно в браке, муж в основном работает, жена домохозяйка. Часто мигранты из Таджикистана снимают комнату или часть комнаты. В таджикском обществе не одобряют, чтобы новобрачные ездили вместе за рубеж на заработки, приветствуется работа только мужчины. Поэтому те люди, которые работают садовниками, охранниками, сторожами, частными водителями, работники фермерского хозяйства или совмещают те или иные работы, могут жить с женой там, где работают, у них больше возможности жить отдельно от чужих глаз и уберечься от больших соблазнов. Семейные пары, которые снимают комнату, большую часть своих доходов тратят на жилье, питание, транспортные расходы, на документацию. В итоге не могут откладывать деньги, даже не могут отправить деньги домой родителям. Другое дело, ко-

гда муж и жена оба работают, доход одного из них можно откладывать. Часто с молодой женой отпускают за рубеж, когда есть все условия для молодых пар и еще из-за того, что муж почти круглогодично находится в России. Это и те, которых выше упомянули как сторожей, охранников в загородных домах. Они должны трудоустроить и жену.

Миграция – это в основном вынужденная мера. Рассмотрим три основных фактора, вынуждающих мигрировать. Первый фактор – страсть, привязанность, страх и боль разлуки. Второй фактор – часто, чтобы сыграть свадьбу, молодые люди берут долг, и единственный путь выхода из ситуации – миграция, т.к. на родине отсутствует возможность заработать достаточное количество денег. Третий фактор – когда у сына долг перед родителями за то, чего стоила его свадьба, он должен внести свою лепту для женитьбы своих братьев и сестёр. Тяжело обстоят дела у тех, у кого в семье много сестер и один старший сын. У таджиков столько обрядов, что власти устали бороться, взяли и отменили, например, обрезание ребенка – самого значимого обряда для таджиков.

К этому фактору можно отнести ускорение родителями процесса самостоятельности семьи, чтобы они освободили родительский очаг для последующих братьев. Как известно, у таджиков родительский очаг передается по наследству младшему сыну в семье.

Адаптация таких пар из Таджикистана в российском обществе всегда проходит индивидуально. На первый взгляд те, кто живёт в городе, легче и быстрее адаптируются. Но мы наблюдали и такое, когда мигранты, которые живут и работают за городом, встречают доброжелательных людей, непосредственно занимающихся с мигрантами и их женами, чтобы они быстро вникли и приняли образ жизни и уклад русских. Безусловно, женам, которые сидят дома, адаптироваться в российском обществе труднее. Как показывает практика, мужья таких жен отправляют домой, утешая тем, что «сама видела своими глазами, как трудно жить в России, что так мы не можем накопить денег». А у тех пар, когда работают оба, больше шансов закрепиться в российском обществе, адаптироваться и копить деньги на свои нужды.

Теперь рассматриваем вторую категорию – муж, жена с детьми, все они граждане Таджикистана. Члены этой категории семей поставили целью не разлучаться и держаться вместе. Всегда мигрировать с женой, тем более с детьми – не простое решение. В основном это обоюдное решение отчасти вынужденная мера. Часто решение жены с целью сохранить семью, контроль над расходами и доходами мужа, чтобы дети в полной мере получили отцовскую любовь. В этой категории есть одна очень показательная история одной семьи. Семья из пяти человек из Таджикистана. Вначале муж приезжал в Россию на заработки к родственникам жены в Подмоскowie. Он нашел работу охранника-садовника в одном лице. Хозяева выделили ему небольшой домик. Он некоторое время работал, внезапно приехала жена с двумя детьми. Предыстория такова, что две жены родственников жены приехали с детьми жить с мужьями, вскоре всего это принудило и его жену приехать к мужу с детьми. Первое время он прятал жену и детей от хозяев дома. По истечении

какого – то времени хозяева узнали. Естественно, они были недовольны, что он от них скрывал жену и детей. Сострадание взяло верх и они остались жить. Скоро уже пора отдавать ребенка школу. Не без проблем получилось это сделать. Ребёнка вовремя не подготовили в школу в плане прохождения медосмотра, зарегистрировать ребенка в данном районе не имелось возможности. Умоляя, прося, что чуть позже все документы принесем, отдали ребенка в школу. Уже начались проблемы со вторым ребенком, когда пришло время отдавать его в школу. На просьбу и мольбу не смотрели. Сослались в школе на то, что надо было вовремя поставить на очередь в школу, что мест нет. Можете сходить в департамент образования. Так ребёнок остался без образования. Начались и другие проблемы. На родине умер отец главы семейства, братья стали делить наследство и решили ему ничего не оставлять, ссылаясь на то, что он живет с семьей в России, значит отцовская земля ему не нужна. Но он так надеялся жить в России, получить с семьей гражданство. К тому же, у жены просрочились документы. В итоге он отправил жену с детьми домой. Но был один позитивный момент – то, что у него в Москве родился сын, а для восточного мужчины это высшая награда. Мы считаем, что это категория семей мигрантов является самой уязвимой.

Есть примеры, когда дети мигрантов в России одномоментно потеряли обоих родителей и стали сиротами, хорошо что родственники были рядом и являлись гражданами России, поэтому могли оформить опеку над детьми.

В миграционных потоках, направленных в Россию увеличивается доля женщин, которые приезжают на заработки индивидуально, либо с мужем, отцом, братом и другими членами семьи. Все чаще среди мигрантов можно встретить семьи, либо женщин, приезжающих с детьми. Россия, как принимающая страна, заинтересована в такой миграции. Поскольку миграция с семьей, особенно с детьми, в большей степени заставляет мигрантов интегрироваться в принимающую среду; создает комфортную психологическую атмосферу; удерживает от потери культурных установок, противодействует маргинализации мигрантов. Однако женщины, и особенно приезжающие с детьми, предъявляют ряд специфических требований к миграционным и социальным институтам принимающего общества, создают некий вызов всему принимающему социуму, его социальной ответственности.

В третьей категории муж, жена с детьми – один из родителей граждан России. Мы знаем массу примеров, когда мигранты из Таджикистана, в частности с детьми, испытывают большие трудности при том, что муж(жена) является гражданином России, и этот статус мужа(жены) не дает жене, детям никакого статуса.

В четвертой категории муж, жена с детьми – один из родителей и ребенок имеют гражданство России. Даже при наличии гражданства России дети мигрантов и в основном женщины вынуждены оформлять патент или каждый три месяца пресекать границу. И немало забот при желании получить статус РВП с последующим получением вида на жительство, много административных и бюрократических проволочек, нехватка штатов в отделах

по миграции. У мигрантов, имеющих с собой детей, гораздо выше включенность в местное общество: она происходит, в том числе через детей, в их школьную и детско-садовскую жизнь.

В пятую категорию мы отнесли семью муж, жена с детьми – родители имеют двойное гражданство. Причина такого подхода: в Российском обществе не судят по наличию паспорта гражданина России, а какой нации ты принадлежишь. Поэтому семьи иммигрантов из Таджикистана спустя 10 лет по статистике входят к числу старожилов, а в жизни относятся к ним как мигрантам. Гражданство России иммигрантам из Таджикистана дает полный правовой статус гражданина. Он пользуется всеми правами гражданина, получает социальную поддержку и пользуется социальными льготами. Порой получение гражданства России не дает особую выгоду или изменит сферу деятельности и образ жизни. Дает только свободу передвижения по стране, порой не выезд и ограничение по время пребывания том или ином городе. Часто иммигранты приобретают гражданство за границей, например: по упрощенной процедуре в консульских отделения Российской Федерации, или получают в отдаленных регионах России, где можно легче и порой дешевле получить квоту на подачу на РВП. После того, как получил гражданство России, нужно прописаться. Чтобы сэкономить, прописку делают в другом месте. Получается замкнутый круг. Иммигрант работает и живёт в одном регионе, а прописан в другом месте.

Для того что бы устроить в детский сад ребенка, просто чтобы встать очередь, нужна регистрация, где фактически проживает ребенок. Порой ограниченное количество родителей могут зарегистрировать ребенка по тому району, где фактически проживают, большинство иммигрантов обращаются к посредничеству сомнительных фирм. Это одна сторона медали, другая сторона в том, что в основном семьи иммигрантов снимают комнату или квартиру, живут в тесноте, порой негде делать уроки ребенку и ограничен круг общения. Проблеме адаптации детей посвящено много исследований, поэтому мы не будем на этом останавливаться. Безусловно, многие эксперты и исследователи, ученые отмечают массу проблем, связанных с адаптацией детей мигрантов в школах и в Российском обществе.

Большинство мигрантов из Таджикистана абсолютно не уверены в своей будущей жизни в России. И это не может отражаться на психологическом состоянии детей. Многие мигранты из Таджикистана, будучи состоявшимися в России, строят дома на родине. Свадьбу детей празднуют на родине, в основном невесту выбирают среди односельчан или городе, откуда родом родители жениха. Последние годы часто стали играть свадьбы в России. Тревожен тот факт, что молодёжь, которая длительное время находится в России, резко отличается от своих предков, много примеров, когда после свадьбы невеста убегает из дома жениха.

Мотивирующими факторами для миграции из Таджикистана является создание материальных условий для блага прошлого, нынешнего и будущего поколений. Почти у всех мигрантов цели схожи: одиноким собрать деньги для свадьбы, кто женат -купить участок или квартиру, машину, открыть свое

дело, женить брата или выдать замуж сестру. Это безусловно национальная черта характера, традиции, забота о предшествующих поколениях. Отрицательной стороной миграции является отсутствие возможности ухаживать за стариками. Именно из-за этого масса мигрантов живут раздельно, семья разрознена из-за того, что забота о родителях превышает всего.

Действующее миграционное законодательство России очень мало внимания уделяет членам семей мигрантов, в том числе, детям. Это касается правового оформления их пребывания на территории России и трудоустройства, доступа к социальным услугам, в том числе образованию, здравоохранению, и т.п. Миграционное законодательство должно быть приведено в соответствие с международными стандартами в области миграции, применяющимися как к самостоятельным мигрантам, так и членам семьи мигранта, детям, интеграции и воссоединению семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акрамов Ш.Ю., Акрамов Ф.Ш., Гафурова Ш.Ш. Гендерные аспекты миграции из Таджикистана в Россию. Женская миграция: формы, тенденции, последствия. Серия «Демография. Социология. Экономика» Том 3, № 1 / Под редакцией чл.-корр РАН Рязанцева С.В., к.э.н. Сивоплясовой С.Ю. М.: Изд-до «Экон-Информ», 2017. 150 с. С. 56–61.
2. Воропаева А.В. Молодые мигранты в социокультурном пространстве России / А.В. Воропаева. М.: Альфа-М, 2011. 96 с.
3. Новая модель рынка труда России: Роль внешних факторов / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев, д.э.н. Гневашевой М.: Экон-Информ. 2014. С. 262–266.
4. Петров В.Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России: Монография / Под ред. В.И. Добренкова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. 265 с.
5. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. М.: Научный мир, 2011.
6. Ходенко С.В. Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России. М.: Экон-Информ, 2010. 375 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Akramov SH.YU., Akramov F.SH., Gafurova SH.SH. Gendernye aspekty migracii iz Tadzhiqistana v Rossiya. ZHenskaya migraciya: formy, tendencii, posledstviya. Seriya «Demografiya. Sociologiya. Ekonomika» Tom 3, № 1 / Pod redakciej chl.-korr RAN Ryazanceva S.V., k.e.n. Sivoplyasovoj S.YU. M.: Izd-do «Ekon-Inform», 2017. 150 s. S. 56–61.
2. Voropaeva A.V. Molodye migranty v sociokul'turnom prostranstve Rossii / A.V. Voropaeva. M.: Al'fa-M, 2011. 96s.
3. Novaya model' rynka truda Rossii: Rol' vneshnih faktorov / Pod red. chl.-korr. RAN S.V. Ryazancev, d.e.n. Gnevashevoj M.: Ekon-Inform. 2014. S. 262–266.
4. Petrov V.N. Migraciya naseleniya i etnicheskie migranty v sovremennoj Rossii: Monografiya / Pod red. V.I. Dobren'kova. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2004. 265 s.

5. Ryazancev S.V, Horie N. Modelirovanie potokov trudovoj migracii iz stran Central'noj Azii v Rossiyu: Ekonomiko-sociologicheskoe issledovanie. M.: Nauchnyj mir, 2011.
6. Hodenko S.V. Migracionnye processy i ih vliyanie na formirovanie postoyan-nogo naseleniya Rossii. M.: Ekon-Inform, 2010. 375 s.

МОТИВАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере группы кадрового резерва руководящего состава вуза)¹

Буреева Наталья Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, начальник Управления персонала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: bureeva@unn.ru

Колосова Валентина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: kovv27@mail.ru

Аннотация. Обоснована актуальность формирования кадрового резерва руководящего состава вуза из молодых и перспективных кандидатов – группы научно-педагогических работников университета. Исследованная мотивационная готовность участников рассматривается как системное качество личности, обеспечивающее направленность её деятельности, потенциал профессионально-личностного развития и саморазвития.

Ключевые слова: кадровый резерв, приоритетный проект, мотивационная готовность, конкурсный отбор.

MOTIVATIONAL MANAGEMENT READINESS ACTIVITIES (for example, a group of personnel reserve senior high school)

Natalia N. Bureeva, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Head of the Human Resources Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: bureeva@unn.ru

Valentina V. Kolosova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Management Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: kovv27@mail.ru

Abstract. In the article the urgency of a talent pool of managers University of young and promising candidates, a group of scientific and pedagogical workers of University. Researched motivational readiness of participants regarded as systemic quality personality that provides the focus of its activities, the capacity of vocational and personal development and self development.

Key words: talent pool, priority project, motivational readiness, competitive selection.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910

В условиях масштабных социально-экономических изменений приоритетным направлением Правительства России является обеспечение устойчивой конкурентоспособности ведущих российских университетов на мировом рынке высшего образования, науки и инноваций.

Концепция этого направления представлена в молодёжных проектах «Россия – страна возможностей», «Билет в будущее», во всероссийских молодёжных конкурсах «Лидеры России» и «Мой первый бизнес», для реализации которых выделены значительные бюджетные средства [1]. Интересы государства и успешность самореализации молодёжи отражены и в приоритетном проекте «Вузы как центры пространства создания инноваций». Его цель – способствовать повышению эффективности и качества образовательного процесса, ориентированного на динамику рынка труда и образовательные потребности общества. Объявленные направления развития предполагают переосмысление имеющегося опыта управления организациями, с одной стороны, и формирование современной стратегии управления образовательными учреждениями, создание кадрового резерва из молодых и перспективных менеджеров для экономики, государственной службы и социальной сферы, с другой стороны.

В ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2015 г. были получены интересные результаты по выявлению и развитию личностных компетенций управленческого резерва [2]. В представленных нами данных – результаты исследования, полученные при обследовании кандидатов, участвовавших в конкурсе по формированию группы кадрового резерва руководящего состава (КРСС) осенью 2018 г. Кадровый резерв руководящего состава – это группа работников ННГУ, обладающих необходимыми профессиональными качествами для реализации эффективной научно-педагогической, инновационной и организационно-административной деятельности. Регламентом проведения конкурса были определены требования к участию в конкурсном отборе: возраст до 40 лет (включительно на момент подачи заявки); высшее профессиональное образование; стаж работы в ННГУ не менее 1 года. Для участия в конкурсе работники ННГУ, удовлетворяющие предъявляемым требованиям, в срок, установленный приказом, представляли в управление персонала личное заявление, анкету кандидата и мотивационное письмо с предложениями о развитии ННГУ.

Конкурсный отбор слушателей проходил в 2 этапа: квалификационный отбор, основанный на анализе представленных документов, и конкурсное испытание кандидатов, которое было основано на анализе мотивационного письма методом контент-анализа. Термин «мотивация» используется (в широком смысле) в психологической науке для изучения причин и механизмов целенаправленного поведения. Исследованная нами мотивационная готовность участников конкурса рассматривается как системное качество личности, обеспечивающее направленность её деятельности, потенциал профессионально-личностного развития и саморазвития. Раскрытие содержания мотивационной готовности личности даёт возможность выявить и поддержать сотрудников, обладающих лидерскими навыками, гражданской позицией, инициативой и талантами, значимыми для повышения эффективности деятельности органи-

зации. Известный специалист в области менеджмента организаций Д. Майстер пишет, что сегодня существует соперничество не только за клиентов, но и за таланты, поэтому приём на работу, мотивация и удержание талантов становится всё более сложной задачей. Решение проблемы ослабленной мотивации требует тщательного изучения всех управленческих систем, изменение этих систем – лишь часть решения проблемы [3].

Проведённый квалификационный отбор документации на соответствие требованиям конкурсной процедуры позволил участвовать в дальнейших испытаниях 26 кандидатам. Экспертная группа разработала комплекс показателей мотивационной готовности, включающий, во-первых, указание автором цели участия в проекте, способов её достижения и привлекаемые ресурсы. Этот показатель раскрывает конструктивность подхода участника. Во-вторых, учитывался показатель, фиксирующий активность позиции автора, его готовность принять личное участие в реализации проектов. Важным показателем является перечень тем, раскрываемых автором мотивационного письма, как показатель широты видения университетских проблем, нуждающихся в решении, в том числе наличие образовательных, научных, организационных проблем. Экспертами отмечалось наличие позиции сотрудничества автора, раскрывающей его готовность к командной работе, выстраиванию кооперативных связей. В качестве дополнительного индикатора приняты формальные показатели: объём мотивационного письма (1000–5000 знаков) и оформление работы в соответствии с установленными регламентом требованиями.

Результатом работы экспертов является ранжированный список кандидатов, в составе которого выделены 4 категории участников в зависимости от количества набранных баллов. Высокобалльную категорию составили 12% участников – это группа перспективных кандидатов. Характеристики потенциала и интенций перспективной группы кандидатов нашли своё отражение, в частности, в постановке цели участия в проекте: повышение социальной активности, получение и накопление опыта руководящей работы, развитие профессиональных умений, навыков и компетенций, способствующих профессиональному росту.

Каждый третий участник конкурсного отбора (28%) вошёл в группу оптимальных кандидатов. Характеристики потенциала данной группы кандидатов отражаются в потребности применения своего опыта работы в области организации научных исследований, в получении возможностей реализации собственных идей развития университета, науки и высшего образования.

Наибольшая группа участников (36%) – потенциальные кандидаты. Осознанность, жизненный опыт и готовность к реализации функций управленческой деятельности – характеристика данной группы кандидатов. Замыкает список группа, так называемых, номинальных кандидатов (24%). У кандидатов этой группы отмечается стремление изучить концепции стратегического управления в образовательной, исследовательской, кадровой политике вуза, тренды современного высшего образования, тенденции развития образовательных систем в России и мире. Таким образом, для включения в образовательный проект «Кадровый резерв руководящего состава вуза» была составлена группа из

19 человек, в составе которой 10 мужчин и 9 женщин, средний возраст кандидатов – 33 года, 63% участников имеют степень кандидата наук. Конкурсная процедура отбора кандидатов, создавая условия для оценки потенциала кадрового резерва вуза и снижения риска назначения некомпетентных сотрудников на управленческие должности, расширяет возможности проявления социальной зрелости, активности, ответственности претендентов – участников образовательного проекта. Вместе с тем, актуальным вопросом является исследование личностной и когнитивной готовности кандидатов к выполнению управленческих функций, содержание заданий и критериев оценок, согласованность между психологическими и психофизиологическими возможностями кандидатов. Перечисленные трудности следует дополнить очевидной потребностью группы кандидатов – молодых специалистов в психологической помощи и поддержке [4]. Формирование группы кадрового резерва руководящего состава вуза – необходимое условие развития образовательной организации, обеспечения её квалифицированными и мотивированными на освоение новых компетенций кадрами, заинтересованными в профессиональном и карьерном росте, способными решать управленческие задачи быстрее и эффективнее других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Развитие образования» Сайт Правительства РФ <http://government.ru/docs/30832/> (дата обращения 1 марта 2019).
2. Захарова Л.Н., Маркелова Т.В., Махалин А.И., Тихонова Е.Л. Выявление и развитие личностных компетенций управленческого резерва вуза: психологические аспекты. Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 25–28.
3. Майстер Д. Управление фирмой, оказывающей профессиональные услуги: Эксмо; Москва, 2010. 247 с.
4. Колосова В.В. Психологическое сопровождение субъектов образовательного процесса вуза: актуальные проблемы и перспективы развития // Международная научно-практическая конференция «Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности» 14–18 мая 2018 г. РАНХиГС. Москва. 2018. С. 77–84.

REFERENCES AND SOURCES

1. Gosudarstvennaya programma «Razvitie obrazovaniya» Sajt Pravitel'stva RF <http://government.ru/docs/30832/> (data obrashcheniya 1 marta 2019).
2. Zaharova L.N., Markelova T.V., Mahalin A.I., Tihonova E.L. Vyyavlenie i razvitie lichnostnyh kompetencij upravlencheskogo rezerva vuza: psihologicheskie aspekty. Problemy vysshego obrazovaniya. 2015. № 1. S. 25–28.
3. Majster D. Upravlenie firmoj, okazyvayushchej professional'nye uslugi: Eksmo; Moskva, 2010. 247 s.
4. Kolosova V.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie sub"ektov obrazovatel'nogo processa vuza: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: vyzovy i vozmozhnosti» 14–18 maya 2018 g. RANHiGS. Moskva. 2018. S. 77–84.

МЕЖВУЗОВСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ + КУЛЬТУРА»

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра Циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия). E-mail: uottaah1707@gmail.com

Местникова Акулина Егоровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодёжью Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия). E-mail: linamestnikova@gmail.com

Аннотация. Представлен опыт межвузовского социально-образовательного проекта «Образование + Культура», целью которого является консолидация ресурсов профильных вузов Республики Саха (Якутия) посредством инновационных образовательных социокультурных проектов и технологий для социальной модернизации социальной, образовательной, культурной и демографической политики в сельских территориях Якутии.

Ключевые слова: образование, культура, социально-образовательный проект, консолидация, геообразовательное пространство.

INTERUNIVERSITY SOCIAL-EDUCATIONAL PROJECT «EDUCATION + CULTURE»

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Research Center for Circumpolar Civilization, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russia). E-mail: uottaah1707@gmail.com

Akulina E. Mestnikova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Arrangement of Youth Work, Churapcha State Institute of Physical Culture and Sports (Churapcha, Sakha (Yakutia), Russia). E-mail: linamestnikova@gmail.com

Abstract. The article presents the experience of the interuniversity social-educational project «Education + Culture», the purpose of which is to consolidate the resources of specialized universities of the Republic of Sakha (Yakutia) through innovative educational socio-cultural projects and technologies for the social modernization of social, educational, cultural and demographic policies in rural areas of Yakutia.

Key words: education, culture, social-education project, consolidation, geo-educational space.

Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» перед сферой образования поставлены следующие цели: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского

образования, вхождение Российской Федерации к 2024 г. в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

В настоящее время система образования в социальном и культурно-историческом контексте определяется ведущими ценностями западных цивилизаций, не учитывающих геокультурные особенности жизни. В российских и региональных законодательствах об образовании преобладает односторонняя оценка деятельности профессиональных образовательных организаций как поставщиков востребованных профессий в ближайшей перспективе лишь с позиций рынка труда и работодателя. При этом, северные вузы – это не только кузницы подготовки кадров, но и промоутеры регионального развития, поддерживающие уровень креативности, культуры, стабильности населения, особенно молодого. Инструментальный подход к профессиональной образовательной организации есть следствие приоритета отношения технократической цивилизации к человеку как к производителю материальных ценностей и средству производственных отношений. Ценность специалиста, укорененного на арктических, северных и дальневосточных территориях, измеряется категориями вклада в социально-экономическое, креативное, культурное, демографическое развитие региона. Жизнь региона не сводится лишь к интересам бизнеса и работодателя. В настоящее время происходит процесс детерриториализации образования, под которым мы понимаем процесс усиления недоступности для молодежи обучения в профессиональной образовательной организации, расположенной не в регионе их проживания, вследствие чего она вынуждена покинуть родные места.

Геообразовательное пространство представляет собой территориальные образовательные сочетания образовательной политики, образовательных потребностей населения и человеческого потенциала региона. Миграционная ситуация и тенденции демографического движения в Арктике и ДФО характеризуются исходом населения и ограничениями для привлечения и укоренения населения.

Действующая образовательная политика, судя по внедряемым нормативам финансирования профессиональной ориентации и организации образовательной деятельности, нацелена на городские школы и вузы, расположенные в умеренных природно-климатических зонах России. Между тем, из 155 тысяч населенных пунктов РФ 153 тысячи находятся в сельской местности, из общего числа российских школ 60% – сельские. В Якутии 73,3% дневных школ находятся в сельской местности, в них обучаются 53827 человек (39% от общей численности обучающихся). В настоящее время в Якутии функционируют 655 общеобразовательных организаций, из них 207 малокомплектных школ, 96 агрошкол, 13 кочевых школ. Малокомплектность и специфика деятельности сельских школ в условиях Севера обосновываются как социально-экономическая закономерность, обусловленная суровыми природно-климатическими ус-

ловиями, национально-региональными, социокультурными особенностями развития Республики Саха (Якутия) [1].

Изменяются образовательные потребности обучающихся, стремящихся получить компетенции, помогающие им эффективно интегрироваться в быстро меняющиеся социальные условия. Для этого молодому человеку необходимо усилить свою социальную субъектность – иметь возможность самообразования, доступа к качеству образования и самореализации способностей на родном месте жительства. В настоящее время в сёлах наблюдается социальная дифференциация населения, размывающая вековые ценности взаимопомощи в условиях Севера, бережного отношения к природной и социальной среде обитания, уважения, чести и достоинства, порождая признаки пассивно-чувственного менталитета (по П. Сорокину) [2], проявляющегося в отсутствии самоуправляемого контроля над своей судьбой и средой, стремлении к иждивенческим настроениям, социальному паразитизму, девиации и безалаберности. Образование становится, с одной стороны, одним из важнейших факторов прогресса, а с другой – превращается в механизм социальной стратификации и миграции, ведущей к обезлюживанию сел. Таким образом, у сельского населения наблюдаются модели модернизационной, традиционной и девиантной (маргинальной) жизненных стратегий.

Исходя из отмеченной проблемной ситуации, усилиями трех вузов – Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, Арктического государственного института культуры и искусств, Якутской государственной сельскохозяйственной академии, расположенных на территории Якутии, был инициирован межвузовский социально-образовательный проект «Образование + Культура».

Целью проекта является консолидация ресурсов вузов республики посредством инновационных образовательных социокультурных проектов и технологий для социальной модернизации социальной, образовательной, культурной и демографической политики в сельских территориях Республики Саха (Якутия). Проект стартовал 25 января 2018 г. Инициативу трех вузов республики поддержали Министерство культуры и духовного развития РС(Я), Министерство образования и науки РС(Я), Министерство спорта РС(Я), Министерство по делам молодежи и семейной политике РС(Я), Министерство сельского хозяйства РС(Я).

За год участники проекта посетили 11 улусов республики (Оймяконский, Томпонский, Таттинский, Чурапчинский, Вилуйский, Верхневилуйский, Сунтарский, Нюрбинский, Кобяйский, Намский, Усть-Алданский), в каждом из которых проведены мастер-классы, семинары, тренинги, консультации по ЕГЭ и творческим экзаменам, профориентационные встречи, организованы выставки, общие зарядки для населения, сдачи нормативов ГТО, флеш-мобы, совместные концертные и развлекательные программы, открыты инновационные площадки по культуре, агробизнесу, профильные спортивные классы, внедрены инновационные технологии в общеобразовательных школах.

По заказу муниципалитетов в Нюрбинском улусе стартовал проект «Рестарт-Нюрба», в Оймяконском – «Человек на Полюсе Холода». По итогам

встреч ректоров вузов с главами улусов, руководителями управлений культуры, образования, спорта, сельского хозяйства и по делам молодежи подписаны Соглашения о сотрудничестве по реализации совместных социально-образовательных проектов и программ муниципального развития. 25 января 2019 г., в День российского студенчества, по приглашению Главы МО «Чурапчинский улус» А.Т. Ноговицына Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта организовал встречу трех профильных вузов республики в Чурапчинском улусе, где было отмечено, что проект утвердился и востребован, имеет широкий потенциал развития.

Интеллектуальный, педагогический, социальный капитал соучредителей проекта дает синергетический эффект, что проявляется, прежде всего, в увеличении потока абитуриентов, их целенаправленной подготовленности к обучению по избранной специальности. Три института – соорганизаторы межвузовского проекта «Образование +Культура» укрепили свой имидж не только как кузницы подготовки кадров, но и в качестве генераторов, стимулирующих уровень креативности, культуры, стабильности сельского населения, возвращения выпускников в сельские местности. Ценность специалиста, укорененного в сельской местности, измеряется категориями вклада в социально-экономическое, креативное, культурное, демографическое развитие села, улуса, всего региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Неустроева А.Н., Неустроев Н.Д., Кожурова А.А. Социально-экономические условия реализации начального общего образования в Республике Саха (Якутия) // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26086> (дата обращения: 26.02.2018).
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Neustroeva A.N., Neustroev N.D., Kozhurova A.A. Social'no-ekonomicheskie usloviya realizacii nachal'nogo obshchego obrazovaniya v Respublike Saha (YAkutiya) // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2017. № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26086> (data obrashcheniya: 26.02.2018).
2. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika / Per. s angl. V.V. Sapova. M.: Astrel', 2006. 1176 s.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Добрынин Владислав Владимирович, доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: prof.dobrynin@yandex.ru

Борисова Ольга Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, Московский государственный областной технический университет (Москва, Россия). E-mail: o-n-borisova@mail.ru

Аннотация. Исследуются проблемы современного образования, связанные с изменением восприятия учебных материалов нынешними студентами. Текстовая информация в больших объемах с трудом усваивается современным поколением и все меньше соответствует требованиям действительности. В связи с этим необходимо развивать методики образования, позволяющие использовать и улучшать навыки работы студентов с Интернет-ресурсами.

Ключевые слова: образовательные технологии, Интернет-ресурсы, восприятие текстовой информации.

MODERN YOUTH AND THE NEW EDUCATIONAL THE TRAJECTORY OF THE HIGHER SCHOOL

Vladislav V. Dobrynin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: prof.dobrynin@yandex.ru

Olga N. Borisova, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Moscow State Regional Technical University (Moscow, Russia). E-mail: o-n-borisova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of modern education related to the change in the perception of educational materials by modern students. Textual information in large volumes is hard to understand for the modern generation. And less and less it meets the requirements of reality. In this regard, it is necessary to develop new methods of education to allow the skills of using Internet resources among students to be utilized and improved.

Key words: educational technologies, Internet resources, text-based information perception.

Не будет большим преувеличением сказать, что последние 30 лет развитие человеческой цивилизации проходило под знаком Интернета – этой поистине глобальной информационной паутины. Процесс становления Сети в России характеризовался следующими основными признаками: во-первых, Сеть становилась все более и более доступной (если в начале 90-х гг. доступ в Интернет стоил от 1 долл. США в час, сегодня эта цена не превышает 10 долл. США в месяц) и, в конце концов, стала мобильной. Во-вторых, про-

исходил взрывной, поистине экспоненциальный рост доступных ресурсов Рунета, и сегодня любое учреждение располагает собственным сайтом, а о популярности разного рода развлекательных ресурсов и социальных сетей не приходится и говорить. Заметим, кстати, что это означало рост конкуренции между ресурсами – конкуренции за потребителя их контента. И, в-третьих, скорость доступного соединения за эти годы выросла буквально на порядки – сегодня скорость мобильного Интернета *тысячекратно* превосходит скорость стационарного соединения четвертьвековой давности.

Эти обстоятельства не могли не сказаться на свойствах контента, предлагаемого Сетью. Если изначально Рунет формировался вокруг текста как «таксономической единицы», то в начале нулевых годов место текста занимает картинка, а сегодня первенство принадлежит уже клипу/фильму. Можно сказать, что в Сети «культура текста» уступила место сначала «культуре изображения», а потом и «культуре клипа», при этом права текстовой информации в ряде ресурсов были редуцированы до минимума. Так, «Твиттер» ограничивает объем публикации 280-ми знаками, что не мешает пользоваться этим сервисом как премьер-министру России, так и президенту США. Отметим, однако, что увеличение размера публикации вдвое (со 140 знаков) вызвало негодование у многих пользователей ресурса – в большинстве своем, у молодежи.

Все это не могло не сказаться на облике современной молодежи, формирование и духовное развитие которой происходило под мощным влиянием Интернет-ресурсов. Студенты и школьники как наиболее динамично развивающаяся возрастная страта восприняли неограниченный доступ в Интернет как подлинный подарок судьбы. При этом, широкое распространение смартфонов и мобильного интернета сделало какой бы то ни было родительский контроль над доступом молодежи в Сеть маловероятным, а то и просто невозможным.

Реформа школы (введение ЕГЭ) усугубило последствия этого явления. Подготовка к прохождению тестов, сменившая работу с текстами в процессе подготовки к сдаче классических экзаменов, означало снижение относительной ценности текстовой информации в сознании современного старшеклассника/студента, а его уверенность в том, что ответ на любой тестовый вопрос может быть найден им в Сети за считанные минуты, только усугубляла это снижение интереса к «книжному знанию». Сложилась парадоксальная ситуация – в Сети появляются все новые и новые информационно-справочные ресурсы, предоставляющие доступ к источникам, которые раньше были труднодоступны, а то и вовсе недоступны учащемуся поколению – а это поколение пренебрегает доступом к ним!

Следует отметить, что подобные явления отмечены не только в России, а являются общими для всех стран, вошедших в мировое информационное пространство. Социальные и файлообменные сети, развлекательные и игровые ресурсы – это общемировой феномен, равно как и замена «культуры текста» «культурой клипа», хотя бы на уровне массового потребителя. Да, конечно, в Сети формируются и успешно функционируют крупные корпоративные

конгломераты: в Японии – «kabushikimochiai», в Южной Корее «чеболы», в Китае – «jiazuqiye». Они, в свою очередь, подразделяются на сети поставщиков, сети производителей, потребительские сети, коалиции по стандартам (которые инициируются теми, кто устанавливает глобальные стандарты на товары и информацию), сети технологической кооперации (которые способствуют совместным разработкам в области НИОКР). Вот только эти сетевые сервисы ориентированы на профессиональное применение и, как правило, для массового потребителя, которым является молодежь, доступны весьма и весьма ограниченно.

Так или иначе, но сегодня высшая школа сталкивается с тем, что уровень навыков работы с текстом у современных абитуриентов все больше и больше падает. Это падение менее заметно в ВУЗах с традиционно высокими требованиями к поступающим – МГУ, Физтех, РАНХиГС, целый ряд других – и куда сильнее проявляется в ВУЗах, ведущих подготовку специалистов массовых профессий. Отметим, надеяться на скорое изменение ситуации не приходится – «других студентов у меня для вас нет». Это означает, что высшая школа как социальный институт должна выработать и применять в повседневной практике такие методы работы, которые были бы адекватны вновь поступающему контингенту учащихся. Речь здесь идет, прежде всего, о методах текущего и рубежного контроля, поскольку лекции и практические занятия могут быть проведены в активной и интерактивной формах, насыщены аудиовизуальным материалом, опираться на самостоятельную (квестовую) работу студентов.

Сразу скажем, что ограничительные меры не эффективны. Отбирать у студентов мобильные телефоны на зачетах/экзаменах можно, но где гарантии, что они не принесут с собой запасные гаджеты? Попытки глушения мобильной связи кое-где предпринимаются, но вызывают нарекания окружающих и тоже оказываются малоэффективны. Выход может быть найден в применении таких методов контроля знаний, которые напрямую связаны с поиском студентом информации в Сети. При этом, картина подготовки к экзамену/зачету меняется радикально – студент, получив задание, исходно не знает ответа и должен найти его здесь и сейчас, продемонстрировав навыки направленного поиска информации и способность усвоить эту информацию за ограниченное время. Задача преподавателя при этом – подсказать экзаменуемому не столько направление поиска, сколько ресурсы, на которых следует этот поиск осуществлять. Фактически, это означает, что на смену информационному обслуживанию на печатных носителях приходит обеспечение пользователей, основанное на электронном представлении самой разнообразной информации, тиражируемой в неограниченном количестве и оперативно доступной по глобальным компьютерным сетям независимо от времени обращения к ней и местонахождения пользователей. Электронная библиотека (электронный образовательный ресурс, ЭОР) предоставляет качественно новые возможности работы с большими объемами информации. К таковым можно отнести последовательный, выборочный или параллельный просмотр множества документов;

многоаспектный поиск во всем объеме информации; копирование необходимых документов или их фрагментов как на бумагу, так и на другие носители; создание собственных документов.

Особого внимания при этом заслуживает вопрос создания системы качественных и многообразных ЭОР, что позволит увеличить эффективность осуществления учебного процесса. Здесь потребуется разрешение ряда противоречий, которые являются характерными для современного образования: наличие широкого выбора имеющихся традиционных материалов, отвечающих классическим требованиям к методологии и дидактике, вступает в противоречие с недостаточным количеством реализованных ЭОР, в то время как именно электронные образовательные ресурсы способны соответствовать динамично развивающейся образовательной среде; педагогов продолжают готовить к использованию в профессиональной деятельности статичного и стабильного инструментария, обеспечивающего поддержку образовательного процесса, в то время как подрастающее поколение школьников и студентов заявляет о своих предпочтениях: интерактивность, динамичность, активное влияние на ход образовательного процесса.

Особая статья пользования электронными библиотечными ресурсами – это дистанционное образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью телекоммуникационных технологий и средств. Дистанционное обучение реализуется с помощью телекоммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет. В завершение каждой дисциплины или учебного курса виртуального студента ждут тесты: он получает через Интернет вопросы и задания, самостоятельно их выполняет и отправляет на проверку наставнику-тьютору.

Следует отметить, что подобный переход будет означать не просто смену образовательной технологии на новую, а изменение всей парадигмы высшего образования. Студент становится полноправным участником планирования и организации учебного процесса, формируя свою, во многом уникальную, образовательную траекторию, и задача преподавателя (тьютора) состоит не столько в контроле содержания образования, сколько в подборе ЭОР, необходимых и достаточных для адекватного наполнения этой образовательной траектории содержимым. Это необходимо, дабы избежать «ловушки массового Интернета», когда релевантная и аутентичная информация тонет в море «шлаковых» (развлекательных и пр.) ссылок, предлагаемых общедоступными поисковыми машинами (Яндекс, Гугл, Рамблер и т.д.) на первых страницах ответов на запросы пользователей. Список некоторых из этих ресурсов приведен ниже Таблица 1). Авторы пользовались их материалами при написании данной работы.

Список некоторых общедоступных ресурсов

Наименование ресурса	Электронный адрес
Библиотека «Альдебаран». Самая большая коллекция литературы, доступной для скачивания на смартфон, планшет.	http://aldebaran.ru/
Библиотека учебной и научной литературы	http://sbiblio.com/biblio/
Военно-историческая библиотека	http://grandwar.kulichki.net
Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ)	www.libfl.ru
Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ)	www.shpl.ru
Государственная публичная научно-технической библиотека России (ГПНТБ)	www.gpntb.ru
Международные конференции «Математика. Компьютер. Образование»	http://www.mce.su
Научная библиотека им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета	http://www.library.spbu.ru
Научная электронная библиотека	www.library.intra.ru
Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»	www.cyberleninka.ru
Научная электронная библиотека «Наука и техника»	http://n-t.ru/
Национальная электронная библиотека	http://нэб.рф
Поиск книг Google	www.books.google.ru

ЖЕНЩИНЫ, ИММИГРАЦИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ИСПАНИИ

Диас Бретонес Франсиско Хозе, профессор, заместитель декана Факультета изучения трудовых отношений, доцент кафедры социальной психологии Университета Гранады (Гранада, Испания). E-mail: fdiazb@ugr.es

Леонова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, докторант кафедры общей социологии и социальной работы Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: irina_leonova@list.ru

Аннотация. Интерес к теме предпринимательства с социальной, академической и политической точек зрения вырос за последние несколько лет. В капиталистических обществах это рассматривается как способ обуздания безработицы и борьбы с изоляцией среди определенных групп, то есть женщин и иммигрантов, которые страдают от социальной и трудовой дискриминации и маргинализации. Исходя из их отзывов, в этом документе сообщается о широком спектре причин, побуждающих женщин-иммигрантов создавать предприятия, выявляются наиболее распространенные профили и стратегии самозанятости, а также описываются индивидуальные и социальные последствия их предпринимательского поведения. Рассматривается как в целом этот процесс обусловлен их принадлежностью к женскому полу.

Ключевые слова: предпринимательство, иммигранты, предпринимательское поведение, гендерные различия.

WOMEN, IMMIGRATION AND ENTREPRENEURSHIP IN SPAIN

Diaz Bretones Francisco Jose, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Labour Relations Studies, Associate Professor of the Department of Social Psychology, University of Granada (Granada, Spain). E-mail: fdiazb@ugr.es

Irina S. Leonova, Candidate of Sciences (Sociology), Doctoral Student of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: irina_leonova@list.ru

Abstract. Social, academic and political interests in entrepreneurship have grown over the last few years. In capitalist societies, it is seen as a way to curb unemployment and combat exclusion among certain groups, i.e. women and immigrants, who suffer social and labour discrimination and marginalization. From their testimonials, this paper reports on the broad range of reasons that lead immigrant women to set up businesses, identifying the most common self-employment profiles and strategies, while also describing the individual and social consequences of their entrepreneurial behaviour, and how the entire process is conditioned by their belonging to the female gender.

Key words: entrepreneurship, immigrants, entrepreneurial behavior, gender-based differences.

Social, academic and political interests in entrepreneurship have grown over the last few years. In capitalist societies, it is seen as a way to curb unemployment and combat exclusion among certain groups, i.e. women and immigrants. These groups suffer social and labour discrimination and marginalisation, based in part on the notion that both groups have alternative areas in which to work productively, namely the family, domestic, private arena for women, and paid employment in their countries of origin for migrants (Alund, 2003). Both groups differ significantly from the entrepreneur as classically envisioned. From the classical viewpoint, an entrepreneur is standardised as a young or middle-aged male developing his business in dynamic and innovative sectors, seeking mainly financial profit. This entrepreneur has so-called “class resources” such as human, financial and social capital, as well as certain social and demographic features and political conditions that are favourable to his enterprise. Among these, we can cite being a national of an economically developed country with all the social and civil privileges that are entailed and a command of the language spoken in the country where the entrepreneur sets up in business. However, for a decade now in Spain, and a little longer in other western countries, we are seeing a new model of entrepreneurship emerge where the protagonists are individuals who belong to groups at risk of social exclusion, and who are in business or have become self-employed as a result of either unemployment, precarious conditions, marginalisation or social and labour exploitation. The main motivation for these new entrepreneurs centres less on making a fortune and more on generating their own employment to earn their living. They tend to develop their businesses in economic and labour niches that have been abandoned and/or rejected by other more prosperous businessmen. Their lack of “class resources” is compensated for by huge amounts of motivation, effort and sacrifice and by the support provided by their ethnic or national groups and/or their families (Apitzsch&Kontos, 2003, 2008). The entrepreneurial behaviour of immigrant women – the focus of the present study – exemplifies this new type of entrepreneurship.

So entrepreneurship has traditionally been considered as a male-dominated activity, where the features of a business-oriented person (leadership, risk-taking, rationality, innovation) are associated with the male stereotype (independence, aggressiveness, autonomy, instrumentality, courage) and stand apart from the stereotyped role for women (expressiveness, empathy, kindness, sociability, oriented to caring for others, shyness) (Bruni, Gherardi, &Poggio, 2004a; Gupta, Turban, Wasti, &Sikdar, 2009; Ogbor, 2000). This difference has been reinforced by the fact that, even today, global entrepreneurship rates are lower among women than among men (Minniti& Nardone, 2007). Also, despite the high levels of education and training among businesswomen, men tend to hold more specifically business-oriented university and professional qualifications, as well as greater business experience (Mueller, 2004).

The literature reports on numerous gender-based differences vis-à-vis entrepreneurship. It has highlighted that the need to juggle domestic, family and work responsibilities is a decisive factor in female entrepreneurial behaviour, whereas this is a much less salient motivation for men (Hughes, 2003; Taniguchi, 2002).

Many women are perceived fundamentally as mothers, educators and care-providers and thus they are more likely to experience conflict between their private, family and professional lives. However, men are seen to a larger extent as financial and material providers for their families and hence they find it easier to reconcile business with their gender role (Cowling & Taylor, 2001). Likewise, personal and intrinsic values such as self-fulfilment, professional growth, and social and interpersonal relations seem to have a greater motivational influence on female than on male entrepreneurship; men are more motivated by social and economic achievement, again stemming from the values at the heart of their gender role (Bruni, Gheradi, & Poggio, 2004b).

Furthermore, businesses led by women exhibit certain distinguishing factors that set them apart from those led by men. For instance, in the vast majority of cases, women get involved in the service sector. Female-led businesses tend to be related to occupations that are stereotypically considered feminine, and when compared to male-led businesses they are characterised by less start-up capital and financial credibility, lower profits, smaller size, and shorter times of business survival (McManus, 2001; Muravyev, Talavera, & Schaefer, 2009; Star-tiene&Remeikiene, 2008). Moreover, female entrepreneurs take fewer risks than men and they adopt more defensive business strategies (Brindley, 2005; Malach-Pines & Schwartz, 2008).

From the statements made by female migrants in the course of our interviews we see how the entire entrepreneurial process (motives, strategies and consequences) is affected and shaped by their female gender. Entrepreneurial activity helps women to overcome the labour and gender-based segregation that they are subject to on account of their two-fold condition as women and migrants, as well as sometimes enabling them to adjust to the requirements and demands placed on their traditional gender role. Entrepreneurship is also a source of self-esteem and personal identity, gender empowerment and social mobility.

For migrant women, setting up business combats their exclusion from and segregation within the social/labour market, while also often forcing them to accept conditions of self-exploitation and precariousness within their businesses. Despite these challenges, however, entrepreneurship is often seen as a route to greater autonomy and professional independence, heightened personal value, social prestige and, consequently, increased gender parity.

The testimonials of interviewees clearly reflect that, for many, self-employment is a strategy to reconcile family, professional and personal life within the boundaries of the religious, ethical and female gender models imposed on them by their traditional patriarchal cultures. These models typically lead them to put their roles as mothers, spouses, daughters and/or housewives first, ahead of their role as businesswomen. In fact, often women are the hidden face of the success stories of migrant entrepreneurship because, as human capital, they are invisible.

We have pinpointed certain differentiating factors regarding the influence of the geographical areas of origin on female migrants' business projects among the women studied here, albeit far fewer than one would initially expect to find given the broad ethnic, cultural, social and economic diversity of their countries of ori-

gin. Without wishing to generalise and bearing in mind that making such distinctions was not the primary goal of the study, we believe it is worth pointing out that for many of the Latin American women in our study, their family duties and maternal role have a clear impact on their business projects. Among some North African women who were interviewed, adopting a family-business profile allows them to comply with major religious and moral norms. A similar pattern was found among some of the Asian businesswomen, although here the norms are more cultural than religious. Finally, many Eastern European women envisage setting up a business as a way to further their professional career and/or gain social/labour mobility.

Finally, we conclude that migrant businesswomen may be seen as models who are breaking away from stereotypes and prejudices (both of gender and social group). As entrepreneurs, they help to overcome the notion, widely held in Spain, that immigrants are a problem, a notion that has been socially constructed through pre-conceived images of poverty, marginalisation and ethnic conflict. At the same time, these women are contributing to the gradual development of a positive social representation of female entrepreneurs, one that challenges traditional, sexist Mediterranean perceptions of women as conformist and lacking in initiative and ambition.

REFERENCES AND SOURCES

1. Alund Aleksandra (2003). Self-employment of non-privileged groups as integration strategy. *Ethnic entrepreneurs and other migrants in the wake of globalization*. *International Review of Sociology*, 13(1), 77–87.
2. Apitzsch Ursula, &Kontos, Maria (2003). Self-employment, gender and migration. *International Review of Sociology*, 13(1), 67–76.
3. Apitzsch Ursula, &Kontos, Maria (2008). Self-employment activities of women and minorities: Their success or failure in relation to social citizenship policies. Netherlands: Vs verlag fur sozialwissenschaften.
4. Brindley Clare (2005). Barriers to women achieving their entrepreneurial potential: Women and risk. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research*, 11(2), 144–161.
5. Bruni Attila, Gheradi, Silvia, &Poggio, Barbara (2004b). Entrepreneur- mentality, gender and the study of women entrepreneurs. *Journal of Organizational Change Management*, 17(3), 256–268.
6. Bruni Attila, Gherardi, Silvia, &Poggio, Barbara (2004a). Doing gender, doing entrepreneurship: An ethnographic account of intertwined practices. *Gender, Work and Organization*, 11(4), 406–429.
7. Gupta Vishal, Turban, Daniel, Wasti, Arzu, &Sikdar, Arijit (2009). The role of gender stereotypes in perceptions of entrepreneurs and intentions to become an entrepreneur. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 33(2), 397–417.
8. Minniti Maria, & Nardone, Carlo (2007). Being in someone else's shoes: The role of gender in nascent Entrepreneurship. *Small Business Economics*, 28 (2–3), 223–238.
9. Mueller Stephen (2004). Gender gaps in potential for entrepreneurship across countries and cultures. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 9(3), 199–220.

10. Hughes Karen (2003). Pushed or pulled? Women's entry into Self- employment and small business ownership. *Gender, Work and Organization*, 10(4), 433–454.
11. Taniguchi Hiromi (2002). Determinants of women's entry into self- employment. *Social Science Quarterly*, 83(3), 875–893.
12. Cowling Marc, & Taylor Mark (2001). Entrepreneurial women and men: Two different species. *Small Business Economics*, 16(3), 167–175.
13. Malach-Pines Ayala, & Schwartz Dafna (2008). Now you see them, now you don't: Gender differences in entrepreneurship. *Journal of Managerial Psychology*, 23(7), 811–832.

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Карцева Лидия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Гуманитарного факультета Университета управления «ТИСБИ» (Казань, Россия). E-mail: lizolda@mail.ru

Аннотация. Данное исследование базируется на социологическом опросе, проведённом осенью 2018 г. среди учащихся 9–11 классов средних школ в шести регионах Российской Федерации. Цель опроса – выявление готовности и способности выпускников общей средней и основной средней школы войти в мир рабочих профессий, стать студентами колледжей и техникумов, ориентированных на высокотехнологичные специальности, пополнить в будущем ряды рабочих промышленного и сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: учащиеся, образование, труд, рабочие профессии, высокотехнологичные профессии.

RUSSIAN STUDENTS AND PROFESSIONAL CHOICE

Lidia V. Kartseva, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of the Pedagogics Department, Humanities Faculty, University of Management «TISBI» (Kazan, Russia). E-mail: lizolda@mail.ru

Abstract. This present study is based on the results of the sociological survey carried out among students in Grades 9–11 of the secondary schools in October 2018 in six regions of Russian Federation. The aim of the survey was to identify general secondary school and basic secondary school graduates' willingness and ability to enter the labour market, to go to career colleges and technical schools focused on high-tech occupations, to join the workforce of industrial and agricultural production.

Key words: students, education, labour, labour occupations, high-tech occupations.

В рамках гранта Президента Российской Федерации «Семья и трудовое воспитание подрастающего поколения в контексте Стратегии воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [2017–2018 гг.] в шести регионах страны – в Москве, Клину Московской области, Казани, Ижевске, Ставрополе, Нижнем Новгороде в течение октября-ноября 2018 г. проходил опрос школьников выпускных классов. Целью его стало выявление готовности молодых людей к профессиональному самоопределению, причём самым существенным было установить наличие ориентации подростков на рабочие профессии. Всего удалось опросить 834 учащихся.

Выявлены следующие социокультурные и профессиональные ориентации молодых людей.

Прежде всего, бо́льшая часть юношей и девушек представляют себе, чего ради живут на свете и способы определить свои *жизненные цели*. При этом закономерность такова: чем менее населён город, тем яснее представ-

ляют себе своё будущее его молодые граждане. Очевидно, спектр возможностей в Ставрополе (72% определившихся) или в Клину (86,4% таковых) уже, нежели в Нижнем Новгороде (57%) или в Москве (62,8%), где выбор жизненного пути у школьников еще продолжается.

В системе жизненных ценностей нынешних школьников роль профессии, трудовой деятельности *осознаны не до конца*. Радует, что фактически нет тех подростков, которые бы считали, что профессия не влияет на жизнь человека. Однако её значение определяют двояко: одни считают, что «профессия может сделать человека счастливым», другие – что она «играет некоторую роль в жизни». И голоса распределяются между опрошенными в разных субъектах Федерации едва ли не поровну. Однако характерно, что юные жители крупных городов (Москва, Казань, Нижний Новгород) своим профессиональным будущим озадачиваются в меньшей мере, чем их ровесники в городах менее крупных. Так, подростки Ставрополя уже готовы искать счастья в будущей профессии (81% ответов), а в Клину таковых 64% случаев.

Далее. Отношение опрошенных к рабочим высокотехнологичным профессиям в подавляющем большинстве случаев *положительное*. Например, в Москве одобряют такую занятость 77% респондентов, в Клину 74,7%, в Казани 61,6%, и примерно те же значения (около 60%) в других городах, где проводился опрос. Так, в Казани, где были опрошены 206 школьников, знают и выбирают такие профессии, как графический дизайнер (62 человека), программист (48 человек), разработчик Web и мультимедийных приложений (30 опрошенных), администратор баз данных (20 респондентов), сетевой и системный администратор (19 человек), специалист по информационным ресурсам (17 опрошенных), мобильный робототехник (16 учащихся).

В ответ на вопрос, выбрали ли бы респонденты высокотехнологичную профессию *в данный момент*, ответы распределились следующим образом: «определённо» выбрали бы 77,1% опрошенных юных москвичей, 74,7% клинчан, 62,6 казанцев и примерно столько же ижевцев, нижегородцев, ставропольцев. Любопытно, что немало молодых людей готовы выбрать *несколько высокотехнологичных профессий*. Таковых 19,2% опрошенных из Москвы, 24,2% – из Клина, 26% из Ставрополя, по 35,4% из Казани и из Ижевска, 36,1% из Нижнего Новгорода. Иначе говоря, ситуация почти идентична по разным регионам страны – в новые технологии старшие школьники верят и за ними готовы идти в своём будущем.

Профессиональные планы школьников, связанные с выпуском после 9-го и 11-го классов, разнятся. Больше ясности – в 9-м классе, меньше – в 11-м. Так, «не знают», куда пойдут после 9-го класса, 17,9% опрошенных казанских подростков, 9,2% нижегородских, 5,8% клинских, тогда как «знают определённо» 90% ставропольских респондентов, 80,5% клинских, 74,8 нижегородских, 70,7% московских, 47 % казанских и 41,9% ижевских.

Выпуск в 11-м классе – момент, отсроченный во времени для девятиклассников, ввиду чего перспективы видятся размытыми. В частности, в Казани 41,7% опрошенных старшеклассников «знают неопределённо» о своих шагах в профессию после окончания полной средней школы, а 38,3% – «оп-

ределённо»; «не знают» 19,9% респондентов. Примерно равны значения ответов в Ижевске (соответственно 27,4%, 23,3%, 29,8%, остальные ответа не дали вообще). Более благополучными выглядят Ставрополь (87% знают определённо, 13% неопределённо) и Клин (78,6% определившихся, 16,5% неопределившихся, 4,8% остаются в неведении).

Иными словами, расклад остаётся в любом случае положительным для тех рабочих специальностей, которые отмечены высокими технологиями, активно развиваются в нашем обществе.

Радует *мотивация* выбора профессии со стороны подростков. Материальный фактор обозначили не более пятой части респондентов («ножницы» такие: 21% в Ставрополе, 7,1% – в Москве). О том, соответствует ли избираемая специальность возможностям респондента, задумываются чуть больше опрошенных: 32,8% в Москве, 36% в Ставрополе, 19,9% в Казани, 19% в Нижнем Новгороде. Определяющим мотивом остаётся интерес к профессии. Таковы позиции 69,4% казанских школьников, заполнивших анкеты, 67,7% ижевских, 66,2% нижегородских, 60% московских, 53,3% клинских и 43% – ставропольских.

Безусловно значимым является тот факт, что *родители солидарны* с выбором учащихся школ. Чуть больше доля несогласных мам и пап в Ставрополе (19%), тогда как в Казани таковых не отыскалось вообще, в Клину – 10,6%, в Москве 9,4%, в Нижнем Новгороде 5,5%, в Ижевске 4,8%. Консенсус вокруг «интереса» ребёнка к профессии, но не по вопросу о её материальном сопровождении, – деталь стиля и образа жизни современных россиян, проникнутых демократическими ценностями и не испытывающих острую нужду в денежных средствах.

О том же говорят и такие ответы подростков, как *наличие* в их жизни некоего эталона, *образца для подражания* в выборе профессии, будь то живой человек либо книжный, телевизионный или киногерой. Доля респондентов, которые встретили на своём пути человека, на которого хотелось бы равняться в профессии, весьма заметна. Так, в Москве это 44,2% ответов, в Ижевске и в Казани фактически одинакова (38,7% и 38,8% соответственно), в Ставрополе – 37%, в Клину – 34,9%, в Нижнем Новгороде – 29,4%. Последнее убеждает в том, что работать с молодыми людьми по профориентации в рамках семьи и школы обязательно нужно, организовывая с ними мастер-классы от родителей-профессионалов в своей сфере деятельности – по возможности прямо в учебном заведении, экскурсии на места их работы.

Несмотря на то, что каждое учебное заведение самостоятельно проводит свои профориентационные мероприятия (замечим, что их не слишком много), школьники в самом общем виде *информированы* о том, какие профессии стране нужны и будут развиваться в ближайшем будущем. По крайней мере, опрошенные «знают точно», где и сколько учиться по избранной профессии. Наиболее продвинутыми здесь оказались учащиеся Ставрополя (96%) и Клина (86%), что вновь подтверждает: в среднем или малом городе вопросы поиска места будущей учёбы выпускниками школ решаются быстрее и проще, чем в крупном городе, тем более в мегаполисе. В Москве, на-

пример, ровно половина респондентов указали, что «знают приблизительно», куда будет поступать учиться после школы. В Ижевске таких ответов 46,8%, в Казани 43%, в Нижнем Новгороде 29,2%, тогда как в Ставрополе всего 4%, а в Клину 12%.

Не удивительно в таком контексте то обстоятельство, что опрошенные старшекласники *представляют свою будущую карьеру* по профессии. По крайней мере, «точно знают» свои перспективы в избранном деле 72% ставропольских школьников, заполнивших анкеты, 69% клинских, 61% московских, по 41% казанских и нижегородских и 21% ижевских.

Выводы из сказанного следующие.

1. Несмотря на весьма сложную тематику исследования – выявление отношения учащихся старших классов к высокотехнологичным рабочим профессиям, о которых их родители фактически не информированы, его результаты позитивны: молодые люди двигаются в верном направлении и демонстрируют готовность получать рабочие специальности по тем предложениям, которые остро нужны стране и отражают состояние научно-информационной революции в XXI веке.

2. Выпускники средней школы нацелены на обучение в системе среднего профессионального образования не в меньшей степени, чем в университетах. При этом выбор конкретного учебного заведения, как и определённой профессии, в последний год обучения в основной средней школе идёт не спеша. Помощь извне таким учащимся остро необходима.

3. Следует и дальше наращивать количество и качество информационной продукции, поступающей к её основному потребителю – старшекласнику, по вопросу продолжения образования и трудоустройства в населённом пункте его проживания, и более всего по актуальным, но малоизвестным старшим поколениям высокотехнологичным сферам производства.

4. Основываясь на интересе как главном мотиве выбора школьниками будущей профессии, администрации образовательных учреждений должны предлагать не только учащимся, но и их семьям современные, оригинальные формы подачи актуальной профориентационной информации, полноценно используя ресурс самих родителей. Важно проводить своевременный анализ соответствующих настроений в среде молодёжи и их старших родственников. При отсутствии межпоколенного взаимопонимания психологам школ есть куда приложить свои силы и знания. Данный аспект тем важнее, чем больше юные прислушиваются к мнениям своих отцов и матерей, бабушек и дедушек, выступающих для них в качестве образца для подражания в профессии.

ПОЛИЛОГОВАЯ СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ФГОС ВО 3++

Куриленко Людмила Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: srludmila@mail.ru

Вандышева Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: vandyshevalyudmila@mail.ru

Аннотация. Посвящено проблеме профессиональной подготовки специалистов, чья деятельность находится в прямой зависимости от социальной среды, поскольку любые ее изменения влекут за собой последствия, связанные с жизнедеятельностью человека. Предлагается система профессиональной подготовки, в основе которой полилог, позволяющий понимать логику собеседника, находить общее и особенное, учиться выслушивать и корректировать собственную систему взглядов.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, полилог, полилоговая система профессиональной подготовки.

POLYLOGUE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE SOCIAL WORK SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD FOR HIGHER EDUCATION V. 3++

Ludmila V. Kurilenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara University (Samara, Russia). E-mail: srludmila@mail.ru

Ludmila V. Vandisheva, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara University (Samara, Russia). E-mail: vandyshevalyudmila@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of professional training of specialists, whose activities are directly dependent on the social environment, since any changes in it entail consequences associated with human activity. The system of professional training, which is based on polylogue, that allows you to understand the logic of the interlocutor, to find common and special, to learn to listen and adjust their own system of views.

Key words: professional training, polylogue, polylogue system of professional training.

Социальная сфера в настоящее время представляет собой сложным образом сконструированную социальную систему, на функционирование которой определенным образом влияют развивающиеся информационные техно-

логии, нестабильные межкультурные коммуникации. В данной сфере от субъектов требуется высокая степень мобильности, при наличии которой они могут занять положение, выполнять функции, прежде им не свойственные.

Социальная среда трактуется как система влияний, содержащихся в пространственно-предметном и социальном окружении и дающих возможности для дальнейшего развития. В результате правомерно социальную среду представить как некую систему, включающую в себя пространственно-предметный и социальный элементы. Конкретизируем их сущность.

Пространственно-предметный элемент представляет собой совокупность свойств и отношений окружающей среды, имеющих естественно-природный и/или антропогенный характер. Данный элемент может оказывать и позитивное, и негативное влияние на развитие личности. Особую роль в развитии навыков общественного существования играет социальная микросреда. В числе ее особенностей – влияние на развитие личности человека, независимо от его возраста и социального происхождения. В сравнительном анализе предметно-пространственный элемент социальной среды представлен совокупностью материальных ценностей и материальных факторов, а социальный элемент – духовных ценностей и межчеловеческих отношений. Путем интеграции и наложения заявленных характеристик с полным основанием можно утверждать: если образовательная среда представлена совокупностью материальных факторов и межчеловеческих отношений [1], а понятие культуры – совокупность материальных и духовных ценностей [2], то социальная среда может пониматься как образовательно-культурная среда со свойственной ей системой влияний, содержащихся в пространственно-предметном и социальном окружении, в свою очередь предоставляющих возможности для развития личности [3].

Данное утверждение значительно усложняет процесс профессиональной подготовки кадров, чья деятельность непосредственно связана с социальной средой. В связи с этим содержание, методы и формы социального образования во всех отношениях меняются. Эту динамику не сложно проследить на основе анализа Федеральных государственных образовательных стандартов по направлению «Социальная работа». Особый интерес в этой связи представляет разработанная Примерная основная образовательная программа по направлению «Социальная работа» для уровней бакалавриата и магистратуры (далее ПООП).

Отметим, что в современном социальном образовании число субъектов, принимающих непосредственное/опосредованное участие в образовательном процессе, увеличилось. Коммуникация в диаде «преподаватель-обучающийся» становится мало эффективной и не отвечает цели и задачам обновленной ПООП. Современная практика профессиональной подготовки специалистов требует привлечения к процессу обучения в качестве субъектов работодателей, практиков, непосредственно участвующих в социоэкономической деятельности [4].

Следовательно, современная методология и методика высшего образования, базирующаяся на диалоговой модели подготовки, расширяет свои границы и приобретает характер полилога, стороны которого обычно придерживаются

принципов толерантности и ответственности. Полилоговая система профессиональной подготовки специалистов социальной работы эффективна при использовании коллективных форм обучения и технологий индивидуально-личностного, личностноориентированного обучения.

Полилоговая система профессиональной подготовки специалистов социальной работы ставит субъектов в активную позицию и предполагает проявления ими самобытности, индивидуальности. Вступая во взаимодействие с социальной средой, субъекты профессиональной подготовки привлекают и одновременно развивают в себе те или иные индивидуальные качества, необходимые для полноценного ведения полилога. С этой точки зрения можно говорить о результате профессиональной подготовки не столько как о сумме компетенций, сколько как о психологической готовности человека к непрерывности в накоплении компетенций, к их совершенствованию.

Эффективность такого рода процесса профессиональной подготовки специалистов социальной работы обеспечивается рядом условий. Во-первых, наличием базовых знаний и коммуникативного опыта участников полилога, приобретаемых в ходе решения проблемно-конфликтных вопросов и задач (благодаря этому у обучающихся формируется собственный смысл изучаемого материала, а также установки на самоизложение и восприятие иных точек зрения); во-вторых, продумыванием различных вариантов развития сюжетных линий полилога; в-третьих, проектированием способов взаимодействия всех субъектов, их возможных ролей и условий принятия друг друга; в-четвертых, гипотетическим выявлением зон импровизации [5].

Анализ выделенных условий организации учебного полилога позволяет сформулировать правила, способствующие созданию социальной среды, в которой обучающиеся в непринужденной форме могут приобщиться не только к миру науки и социономической практике, но и к мирам друг друга. Такими правилами могут быть: содействие персонализированному обеспечению развития личности; создание атмосферы, прогностически формирующей новый тип отношений обучающихся, преподавателя, работодателя и иных субъектов социального образования; переориентация на процесс профессиональной подготовки с доминирующими факторами формирования системы самоорганизации личности; планирование целей, задач, содержания процесса профессиональной подготовки специалистов социальной работы с учетом индивидуальных особенностей его субъектов; корректировка педагогических целей в соответствии с логикой развития субъектов профессиональной подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию [Текст]: монография / В.А. Ясвин. М.: Смысл, 2001. 365 с.
2. Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек [Текст]: монография / В.П. Тугаринов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 128 с.
3. Карпова Ю.А., Куриленко Л.В. Средовой подход к подготовке специалистов социальной работы [Текст]: монография/ Ю.А. Карпова, Л.В. Куриленко. Самара: Издательство «Самарский университет», 2007. 164 с.

4. Вандышева Л.В. Социальное образование: дидактика организации волонтерства [Текст]: монография / Л.В. Вандышева. Самара: Издательство «Самарский университет». 2016. 274 с.
5. Развитие личности в образовательном процессе [Текст]: монография / В.В. Сериков. М.: Логос, 2012. 447 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. YAsvin V.A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu [Текст]: монография / V.A. YAsvin. М.: Smysl, 2001. 365 с.
2. Tugarinov V.P. Priroda, civilizaciya, chelovek [Текст]: монография / V.P. Tugarinov. L.: Izd-vo LGU, 1978. 128 с.
3. Karpova YU.A., Kurilenko L.V. Sredovoj podhod k podgotovke specialistov social'noj raboty [Текст]: монография/ YU.A. Karpova, L.V. Kurilenko. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2007. 164 с.
4. Vandysheva L.V. Social'noe obrazovanie: didaktika organizacii volonterstva [Текст]: монография / L.V. Vandysheva. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet». 2016. 274 с.
5. Razvitie lichnosti v obrazovatel'nom processe [Текст]: монография / V.V. Serikov. М.: Logos, 2012. 447 с.

ЗАПРЕТ ООН НА НАЙМ СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ РАБОЧИХ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РФ И КНДР

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании нами были проанализированы масштабы и значение трудовой миграции из Северной Кореи в Россию и предпринята попытка оценить возможные последствия запрета на дальнейшее привлечение рабочей силы из КНДР, наложенного очередным пакетом санкций Совбеза ООН в декабре 2017 г., для экономики, социальной сферы и международного политического положения обеих стран.

Ключевые слова: трудовая миграция, социально-экономическое развитие, геополитическая обстановка, санкции, ООН, Россия, КНДР, США.

UN BAN ON NORTH KOREAN WORKERS: SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL IMPACTS FOR RUSSIA AND THE DPRK

Evgeniya M. Moiseeva, Junior Researcher of the Center of Social Demography of the Institute Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Abstract. In this study, we analyzed the scope and role of labor migration from North Korea to Russia and made an attempt to assess the possible consequences of the ban on further labor force recruitment from the DPRK under new sanctions imposed on the Republic by the UN Security Council in December 2017 on the countries' economy, social sphere and their position on international political arena.

Key words: labor migration, socio-economic development, geopolitical situation, sanctions, UN, Russia, North Korea, USA.

Трудовая миграция из Северной Кореи в Россию имеет давнюю историю, значительные масштабы и играет заметную роль в поддержании баланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда РФ, с одной стороны, и повышении уровня благосостояния граждан КНДР, с другой стороны. Однако очередной пакет санкций против республики, принятый Советом Безопасности ООН 22 декабря 2017 г., требует высылки на родину в течение 24 месяцев всех граждан КНДР, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, и делает невозможным привлечение рабочей силы из этой стран в дальнейшем [1]. Несомненно, этот шаг будет иметь ощутимые последствия не только для будущего социально-экономического развития Северной Кореи, но в определенной мере и для России, а также политические последствия, значимые в условиях обострения отношений РФ со странами Запада.

Для начала необходимо пояснить логику, стоявшую за данным решением Совбеза ООН. Северная Корея является одной из беднейших стран мира. Ее ВВП на душу населения составляет около 1700 долларов США (по курсу 2015 г.). По этому показателю страна занимает 214-ое место в мире из 228 в рейтинге «Всемирного справочника» ЦРУ [2]. По данным ООН, северокорейский ВВП на душу населения – всего 662 доллара США (по текущему курсу) [3]. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН за 2014–2016 гг., в КНДР 10,3 миллионов человек (40,8% населения) не получают достаточного питания [4].

В таких условиях миграция становится для населения желательным средством повышения уровня благосостояния и улучшения условий жизни. Однако массовой миграции населения из КНДР не происходит. Причиной этого служит отчасти идеологический барьер, но главным образом – жесткий контроль за перемещениями как северокорейских граждан, так и иностранцев. Незаконный выезд из страны долгое время рассматривался как акт государственной измены, а лица, уличенные в его совершении, приговариваются к исправительным работам. Официальное разрешение требуется даже для поездки в соседний район страны [5]. Поэтому большую часть мигрантов, покидающих Северную Корею, составляют рабочие, направляемые властями на работу за границу по срочному контракту.

По данным Всемирного банка, за 2017 г. из КНДР выехало 160 919 человек. Основными странами-реципиентами северокорейских мигрантов выступали Армения (16 335 чел.), Великобритания (15 329 чел.), Узбекистан (12 598 чел.), Россия (10 631 чел.), Филиппины (5 934 чел.), Аргентина (5 071 чел.) и Китай (4 651 чел.) [6]. По данным научно-исследовательской службы конгресса США, денежные переводы от трудовых мигрантов ежегодно приносили в бюджет КНДР до 500 млн. долларов США, что являлось значительным вкладом в экономическое развитие государства [7]. Каждый гражданин Северной Кореи, работающий за границей, был обязан перечислять в бюджет страны так называемый «плановый взнос», составляющий до 70% его оплаты труда (500–900 долларов США) [8; 9].

Однако средняя месячная заработная плата мужчины в КНДР составляет всего 50–70 долларов США, поэтому среди желающих отправиться на заработки за границу существует жесткая конкуренция. Чтобы получить разрешение, им приходится платить взятки местным чиновникам в размере более 500 долларов США. Россия является одним из самых популярных направлений въезда трудовых мигрантов, поскольку северокорейцы получают здесь сравнительно высокие доходы (порядка 1000 долларов США в мес.) и пользуются большей личной свободой, чем в других странах [5; 8].

Однако в последние годы в западных СМИ была развернута целая кампания против практики найма рабочих из КНДР в России. Сообщалось об ужасных условиях их жизни в «трудовых лагерях», неоплаченной сверхурочной работе и принудительном труде [см., напр., 10]. Наконец, в июле 2017 г. был опубликован очередной «Доклад о торговле людьми» Госдепа США, в котором РФ прямо обвинялась в организации лагерей для североко-

рейского правительства на своей территории [11, с. 336]. Но всё же с учетом вышеизложенных фактов представляется, что основными причинами, стоящими за обвинениями Запада и последовавшими за ними санкциями ООН, были не гуманитарные соображения, а политические. А именно, запрет трудовой миграции из КНДР имел своей целью дальнейший подрыв существующего в стране режима через ухудшение экономической ситуации.

Следует отметить, что от данных мер пострадает не только Северная Корея, но в определенной мере и Россия, которая имеет исторически сложившиеся устойчивые связи с КНДР в области трудовой миграции. Первые рабочие из республики прибыли в Советский Союз еще в 1946 г. [12, с. 133]. На протяжении последних пяти лет до введения санкций (2013–2017 гг.) Северная Корея занимала второе место после Китая по количеству действующих разрешений на осуществление трудовой деятельности в РФ. В 2017 г. их число достигало 32,5 тыс. [13]. Посол РФ в КНДР Александр Мацегора назвал высылку мигрантов серьезным ударом по экономике РФ, особенно по Дальнему Востоку, где в одном только Приморском крае на строительных площадках трудились до 12 тыс. северокорейских рабочих. При этом дипломат усомнился, что мигрантов из КНДР удастся заменить китайскими рабочими, поскольку средняя заработная плата в Китае сейчас выше, чем в России [14].

В настоящий момент Россия продолжает высылку северокорейских трудовых мигрантов [15], поскольку, по мнению политологов, не может позволить себе дальнейшего ухудшения отношений со странами Запада. Однако практика предыдущих лет показала, что санкционное давление не является эффективным политическим инструментом ни в отношении России, ни в отношении других стран, в частности КНДР с целью принудить ее свернуть свою ракетно-ядерную программу. Кроме того, согласно обозначенной резолюции Совбеза ООН, странам разрешено набирать северокорейских рабочих «по квоте», а также не могут быть насильственно депортированы корейцы, являющиеся гражданами другого государства или беженцами. Конечно, не стоит ожидать массового обращения ими за предоставлением гражданства РФ или статуса беженца, но исключить вероятность отдельных таких случаев нельзя.

Таким образом, запрет трудовой миграции из КНДР действительно может в значительной мере подорвать экономику страны и при худшем сценарии развития событий привести к настоящему гуманитарному кризису, что, впрочем, сыграет на руку Западу, поскольку увеличит шансы на объединение Северной Кореи с проамериканской Южной. России же придется задуматься о путях диверсификации поставок иностранной рабочей силы из дальнего зарубежья, что представляется не столь уж легкой задачей в настоящее время, когда еще не были преодолены последствия финансового кризиса 2014–2015 гг. и курс рубля остается рекордно низким.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция 2397 (2017). Совет Безопасности ООН. URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R) [Дата обращения: 27.02.2019].
2. The World Factbook. – Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html> [Дата обращения: 02.07.2018].
3. UN ESCAP Online Statistical Database. URL: http://data.unescap.org/es-cap_stat/#data/ [Дата обращения: 02.07.2018].
4. FAOSTAT. – Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#country/116> [Дата обращения: 27.02.2019].
5. Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. – Изд-во «Восточная литература», 1995. URL: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/n-korea.txt> [Дата обращения: 27.02.2019].
6. World Bank Migration and Remittance Data. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> [Дата обращения: 20.02.2019].
7. Wyler L.S., Nanto D.K. North Korean Crime-for-Profit Activities. CRS Report to Congress No. RL33885. – Washington, DC: Congressional Research Service, 2008. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33885.pdf> [Дата обращения: 02.07.2018].
8. Lankov A. The Real Story of North Korean Labor Camps in Russia. – Carnegie Moscow Center, 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71473> [Дата обращения: 20.02.2019].
9. Kang, Mi-jin. Runaway Loggers on the Rise Due to Wage Cuts. – Daily NK, 22/11/2010. URL: <https://www.dailynk.com/english/runaway-loggers-on-the-rise-due-to/> [Дата обращения: 20.02.2019].
10. North Korean labor camps in Siberia. – CNN, 15/12/2011. URL: <https://edition.cnn.com/2011/12/15/world/asia/north-korean-labor-camps-in-siberia/index.html> [Дата обращения: 20.02.2019].
11. Trafficking in Persons Report 2017. – US Department of State, June 2017. 443 pp. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/271339.pdf> [Дата обращения: 27.02.2019].
12. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.): монография. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
13. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/> [Дата обращения: 20.02.2019].
14. Россия начала высылку северокорейских трудовых мигрантов. – Информационное агентство России «ТАСС», 7.02.2018. URL: <http://tass.ru/politika/4936118> [Дата обращения: 28.07.2018].
15. Рабочие из КНДР покинут Россию до конца года в соответствии с решением ООН. РИА «Новости», 05.02.2019. URL: <https://ria.ru/20190205/1550427230.html> [Дата обращения: 27.02.2019].

REFERENCES AND SOURCES

1. Rezolyuciya 2397 (2017). SovetBezopasnosti OON. URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R) [Дата obrashcheniya: 27.02.2019].

2. The World Factbook. – Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html> [Data obrashcheniya: 02.07.2018].
3. UN ESCAP Online Statistical Database. URL: http://data.unescap.org/es-cap_stat/#data/ [Data obrashcheniya: 02.07.2018].
4. FAOSTAT. – Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#country/116> [Data obrashcheniya: 27.02.2019].
5. Lan'kov A. N. Severnaya Koreya: vchera segodnya. – Izd-vo «Vostochnaya literatura», 1995. URL: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/n-korea.txt> [Data obrashcheniya: 27.02.2019].
6. World Bank Migration and Remittance Data. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> [Data obrashcheniya: 20.02.2019].
7. Wyler L.S., Nanto D.K. North Korean Crime-for-Profit Activities. CRS Report to Congress No. RL33885. – Washington, DC: Congressional Research Service, 2008. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33885.pdf> [Data obrashcheniya: 02.07.2018].
8. Lankov A. The Real Story of North Korean Labor Camps in Russia. – Carnegie Moscow Center, 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71473> [Data obrashcheniya: 20.02.2019].
9. Kang, Mi-jin. Runaway Loggers on the Rise Due to Wage Cuts. – Daily NK, 22/11/2010. URL: <https://www.dailynk.com/english/runaway-loggers-on-the-rise-due-to/> [Data obrashcheniya: 20.02.2019].
10. North Korean labor camps in Siberia. – CNN, 15/12/2011. URL: <https://edition.cnn.com/2011/12/15/world/asia/north-korean-labor-camps-in-siberia/index.html> [Data obrashcheniya: 20.02.2019].
11. Trafficking in Persons Report 2017. – US Department of State, June 2017. 443 pp. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/271339.pdf> [Data obrashcheniya: 27.02.2019].
12. Krushanova L.A. Migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke (seredina 1940-h – 1970-e gg.): monografiya. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. 268 s.
13. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. URL: <https://www.fedstat.ru/> [Data obrashcheniya: 20.02.2019].
14. Rossiya nachalavysylkuseverokorejskihtrudovyhmigrantov. – Informatsionno-agentstvo Rossii «TASS», 7.02.2018. URL: <http://tass.ru/politika/4936118> [Data obrashcheniya: 28.07.2018].
15. Rabochie iz KNDR pokinut Rossiyu do konca goda v sootvetstvii s resheniem OON. RIA «Novosti», 05.02.2019. URL: <https://ria.ru/20190205/1550427230.html> [Data obrashcheniya: 27.02.2019].

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия).
E-mail: Galinaochirova93@gmail.com

Аннотация. Отток местного населения из субъектов Байкальского региона является одновременно и последствием, и своего рода причиной низкого уровня социально-экономического развития данных субъектов. Неравномерное распределение ведущих университетов по России является одним из основных факторов, который стимулирует отток амбициозной и талантливой молодежи из регионов со слабо развитой системой высшего образования.

Ключевые слова: Байкальский регион, миграция, высшее образование, молодежь.

EDUCATIONAL MIGRATION IN THE BAIKAL REGION: A PROBLEM ASPECT

Galina N. Ochirova, Junior Researcher of the Institute Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Galinaochirova93@gmail.com

Abstract. The outflow of local population from the Baikal region is seen both as a consequence and a kind of cause of poor socio-economic development. Uneven distribution of key universities in Russia is one of the main factors that stimulates the outflow of the most ambitious and talented young people from regions with poorly developed higher education system.

Key words: Baikal region, migration, higher education, youth.

Тема образовательной и учебной миграции получила довольно большое внимание в научной среде. Однако, в течение последних лет более активно обсуждается вопрос привлечения иностранных студентов и высококвалифицированных специалистов в российские вузы и компании, поскольку привлечение данной категории мигрантов может оказать положительное влияние на социально-экономическое развитие государства и регионов-реципиентов [1]. Тем не менее, необходимо развивать и поддерживать научно-исследовательские школы в регионах-донорах, в первую очередь, для удержания своей молодежи, а потом уже для привлечения иностранных абитуриентов и исследователей. Политика привлечения иностранных студентов и профессоров может лишь усугубить уже существующий дисбаланс среди регионов России, поскольку иностранцы так же, как и многие российские абитуриенты, рассматривают наиболее социально-экономически развитые регионы и престижные университеты России для продолжения учебной и исследовательской деятельности [2, с. 69]. Немногие региональные универ-

ситеты в силах конкурировать с лидирующими вузами России в гонке за талантливых абитуриентов и молодых исследователей.

Кроме того, лишь небольшой процент выпускников возвращаются в домашний регион для трудоустройства после окончания обучения. Согласно результатам исследования о постобразовательной мобильности выпускников региональных вузов России, проведенного Е.Я. Варшавской и О.С. Чудиновских, лишь 16–18% выпускников региональных вузов намерены вернуться в домашний регион/населенный пункт. Во многом это обусловлено тем, что «возвращение домой является [для выпускников] субъективно экономически нецелесообразным» [3, с. 57]. Таким образом, происходит некомпенсируемая образовательная миграция из регионов-доноров [4], которая сказывается не только на демографических показателях, но и на развитии человеческого капитала в данных регионах.

Для начала важно уточнить, что любой вид миграции, будь то трудовая или образовательная, детерминирована совокупностью факторов, при этом для каждого конкретного случая набор этих факторов варьируется. Необходимо понимать, что востребованность учебных заведений высшего образования не является единственным фактором учебной и образовательной миграции молодежи. Среди других возможных факторов можно выделить наличие бюджетных мест, целевой прием, узкую специализацию, близость или удаленность от дома и др. На основе проведенного исследования И.С. Кашницкий, Н.В. Мкртчян и О.В. Лешуков отметили, что основными определяющими факторами миграции для абитуриентов являются качество и престижность образовательного учреждения, а для выпускников вузов уровень социально-экономического развития региона [5, с. 170]. То есть, востребованность системы высшего образования определяет учебную миграцию, а социально-экономическое положение субъекта – постобразовательную. Регионы со слабой системой высшего образования и низким уровнем социально-экономического развития проигрывают вдвойне более сильным регионам. В России главными магнитами для молодежи являются крупные экономические центры – г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург и т.д. либо региональные центры с сильными университетами, например, г. Новосибирск, г. Красноярск, г. Томск и др.

Согласно данным Рособнадзора, система государственного высшего образования в субъектах Байкальского региона выглядит следующим образом: Иркутская область – 9 государственных головных университетов и 10 государственных филиалов; Забайкальский край – 2 государственных головных ВУЗа и 3 филиала; Бурятия – 4 головных и 1 филиал. Рассмотрим национальный рейтинг университетов России Интерфакс, который сформирован по следующим параметрам: образование, исследование, социальная среда, интернационализация, инновации и предпринимательство, а также бренд университета. Согласно данному рейтингу за 2018 г., лишь 2 ВУЗа Байкальского региона входят в 100 лучших ВУЗов России: Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ – 34-ое место) и Иркутский государственный университет (ИГУ – 42-ое – 44-ое места).

Лишь по одному университету Бурятии и Забайкальского края представлено в данном рейтинге – Бурятский государственный университет (БГУ – 198-ое – 200-ое места) и Забайкальский университет (ЗабГУ 180-ое – 182-ое места), что говорит о невысоком уровне местной системы высшего образования.

При этом, стоимость обучения по программам бакалавриата или специалитета на очной форме обойдется дешевле в более рейтинговых вузах. Например, стоимость первого года обучения в ВСГУТУ (который даже не входит в рейтинг) по программе «Самолето- и вертолетостроение» обойдется 179 тыс. руб., в то время как эта программа в том же ИРНИТУ будет стоить 103 тыс. руб. Возьмем другую программу, не менее востребованную, «юриспруденцию». Год обучения на очном бакалавриате будет стоить 100 тыс. в ИГУ, 116 тыс. в ЗабГУ и 118 тыс. в БГУ. В данном случае, получается, что чем ниже в рейтинге, тем выше стоимость обучения.

При изучении результатов мониторинга качества приема в вузы, проведенного Высшей школой экономики, видно, что в 2017 г. университеты Байкальского региона имели высокие входные баллы по ЕГЭ на бюджетные места лишь по некоторым направлениям подготовки. Все три субъекта имеют высокие средние баллы ЕГЭ по направлениям подготовки «Экономика» и «Юриспруденция». Однако, в отличие от Бурятии и Забайкальского края, Иркутская область привлекает больше абитуриентов с высоким баллом по ЕГЭ по различным направлениям подготовки. Это может быть объяснено не только более низкой стоимостью обучения и более высокими позициями в национальном рейтинге, но также и большим количеством выделенных бюджетных мест. В этой связи Иркутская область находится в более выигрышном положении на рынке образовательных услуг, чем соседние субъекты, и выступает в роли образовательного центра Байкальского региона. Так, например, в 2016 г. прием в государственные вузы Иркутской области составил 17,5 тыс. чел., что в три раза больше, чем в Бурятии и Забайкальском крае [6].

В 2017 г. Институт образования ВШЭ опубликовал результаты своего исследования 2015–2016 гг. о межрегиональной мобильности студентов и выпускников ВУЗов, согласно которому многим российским регионам весьма сложно конкурировать с регионами с ведущей системой высшего образования. Из субъектов Байкальского региона лишь Иркутская область имеет показатель востребованности ВУЗов выше среднего значения 0,84 [7]. При этом, Иркутская область и Забайкальский край отнесены к «замкнутым» регионам, то есть выпускники ВУЗов предпочитают остаться и работать в регионе обучения. Однако, в Забайкальском крае ситуация обстоит чуть хуже: 30% выпускников данных университетов покидают регион обучения в добавок к практически 50% оттоку выпускников местных общеобразовательных школ.

Бурятия относится к регионам-донорам: 50% выпускников школ уезжают в другие регионы и зарубежные страны для продолжения обучения, из оставшихся 50% практически четверть мигрирует из Республики после окончания университета.

Казалось бы, все просто, чтобы абитуриенты не уезжали, нужно, чтобы они поступали в местные вузы. Что для этого нужно? Что нужно для повышения конкурентоспособности местной системы высшего образования? Из довольно очевидных ответов: увеличение финансирования университетов, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, более широкий спектр образовательных программ, увеличение международного и межрегионального сотрудничества. Однако, имеет ли значение престижность и высокий рейтинг Вашего университета, если у Вас нет возможности работать по специальности в домашнем регионе? То есть, помимо развития местной системы высшего образования, необходимо создать социально-экономические условия для удержания и привлечения молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4 (16). С. 52–57.
2. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для развития России / М.: Фонд «Наследие Евразии». 2012. 209 с.
3. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
4. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
5. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13. №3. С. 169–203.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. Сб. / Росстат, 2017. 1402 с.
7. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д.В. Козлов, Д.П. Платонова, О.В. Лешуков. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 32 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E., Vremennaya migraciya v Rossii: ponyatijnyj apparat, klassifikaciya i statisticheskij uchet // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2014. № 4 (16). S. 52–57.
2. Uchebnaya migraciya iz stran SNG i Baltii: potencial i perspektivy dlya razvitiya Rossii / M.: Fond «Nasledie Evrazii». 2012. 209 s.
3. Varshavskaya E.YA., CHudinovskih O.S. Migracionnye plany vypusknikov regional'nyh vuzov Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2014. № 3. S. 36–58.
4. Sannikova O.V. Nekompensiruemaya obrazovatel'naya migraciya kak problema razvitiya rossijskogo regiona // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 24. S. 19–21.

5. Kashnickij I.S., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Mezhregional'naya migraciya molodezhi v Rossii: kompleksnyj analiz demograficheskoy statistiki // Voprosy obrazovaniya. 2016. T. 13. №3. S. 169–203.
6. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. Stat. Sb. / Rosstat, 2017. 1402 s.
7. Gde učit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentov i vy-pusknikov universitetov / D.V. Kozlov, D.P. Platonova, O.V. Leshukov. M.: NIU VSHE, 2017. 32 s.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Печурина Анна Вячеславовна, доктор, старший преподаватель, Школа социальных наук, Университет Лидса Бескетта (Лидс, Великобритания). E-mail: a.pechurina@leedsbeckett.ac.uk

Шаталина Валентина Веняминовна, кандидат психологических наук, Русский Центр в Шотландии (Глазго, Великобритания). E-mail: v.shatalina@gmail.com

Ивашиненко Нина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, Научно-образовательный центр исследования социальных систем Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: nni@fsn.unn.ru

Аннотация. К рассмотрению предлагаются вопросы изучения пространственных стратегий молодежи относительно ее представлений об отдыхе, учебе и будущей карьере как важного параметра понимания изменения установок и ценностей молодежной возрастной группы. Как оценивают и планируют свои возможности пространственного перемещения молодые люди студенческого возраста, мы рассматривали в серии качественных исследований, проводимых на территории Великобритании и России с 2010 г.

Ключевые слова: молодежь, пространственные стратегии.

SPATIAL YOUTH MOBILITY

Anna V. Pechurina, Senior Lecturer, Leeds School of Social Sciences, Leeds Beckett University (Leeds, UK). E-mail: a.pechurina@leedsbeckett.ac.uk

Valentina V. Shatalina, Russian Centre in Scotland (Glasgow, Great Britain). E-mail: v.shatalina@gmail.com

Nina N. Ivashinenko, Research Centre for Social Systems, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: nni@fsn.unn.ru

Abstract. The article explores how young people's spatial strategies connected to their ideas regarding study and leisure activities, and future career, which are considered as important indicators for understanding changes in attitudes and values of this age group. More specifically, using the data from the series of qualitative studies conducted in the UK and Russia since 2010, the article evaluates how university students assess and plan their capabilities of spatial mobility.

Key words: youth, spatial strategies.

В свете растущего прессинга на молодежь у нее формируются механизмы защитных моделей при формировании планов на будущее. Резкая дифференциация вузов на престижные и другие: выдающие востребованные на рынке труда дипломы и менее рейтинговые аттестаты об окончании высших учебных заведений требуют от молодых людей более глубокого и критического отношения к полученному знанию, дополнительных квалифика-

ций, углубленному изучению иностранного языка, специально организованной практике.

Меняются установки на пересечение границ, даже отдых и туризм молодых все более и более отличается от других возрастных групп. Молодежь заинтересована в получении опыта проживания, взаимодействия со сверстниками, исследования морально-этических правил общежития в другой стране, а не только исторической архитектуры и памятников искусства.

Мобильность молодежи изучается в рамках множества теоретических подходов, которые, следуя Р. Кингу [1, с. 2] можно сгруппировать в пять основных направлений:

- неолиберальные концепции единого рынка и связанное с ним передвижение мигрантов и молодежи, в частности [2; 3];
- модели перемещения между центром и периферией и два противоположных, но взаимосвязанных понятия зависимого и активного развития территорий [4];
- характеристика внутриевропейской мобильности 21-го века как темпоральной и гибкой миграции с открытыми траекториями перемещения [5; 6; 7];
- биографический подход, изучающий молодежный транзит и взаимосвязь между миграцией и переходом к взрослой жизни [8; 9; 10];
- миграция как часть образа жизни, перемещения молодых людей в более привлекательные и яркие места жительства [11; 12].

На процессы современной молодежной мобильности оказали влияние множество исторических факторов. Среди них особую значимость имели исторические преобразования стран Восточной Европы в 1989–1991 гг., в результате которых граждане получили свободу выезда за рубеж и перемещения между странами. С созданием Европейского Союза возникла специализированная географическая зона не только с пониженными барьерами для перемещения, но и стремящаяся к выработке общих правил для системы образования и функционирования рынков труда [13]. К географическим изменениям присоединилось влияние таких экономических факторов, как рост спроса на рынке труда на более гибкую занятость и конкуренцию стран между собой за счет привлечения дешевого труда мигрантов, соглашающихся работать неполный день при минимальных ставках оплаты труда [14]. Стремительный рост технологических изменений, повлёкший за собой создание транснационального пространства за счет появления относительно дешевой связи, возможности перелетов и коммуникационных технологий, создавших новые возможности общения и поддержания отношений [15]. В дополнении ко всем политическим, экономическим и технологическим изменениям наблюдаются перемены в структуре социальных факторов, рост в Европейских странах тенденций индивидуализации [16], ведущей к ослаблению семейных связей и появлению большей свободы для молодежи в выборе собственного жизненного пути.

Наши наблюдения за русскоговорящей молодежью в Великобритании показывают, что Соединенное королевство привлекает молодежь из разных стран постсоветского пространства высоким уровнем образования, интерес-

ной, яркой и перспективной работой. Русскоговорящие молодые люди не являются однородной группой, представители восточной Европы и Российской Федерации, азиатских и кавказских республик имеют разные экономические возможности и перспективы уже в силу происхождения.

Эти различия преломляются определенным образом как в позитивных, так и в негативных ожиданиях. Предварительные опросы показывают ожидания вероятной будущей безработицы, страх неготовности к не известным сегодня профессиям будущего, вырастающим из нового информационного пространства и технологий. Размываются границы пространственно-временных установок молодежи, динамичны геополитические стереотипы и мифы, все больше привлекают большие международные молодежные проекты по сохранению экологии, археологическим раскопкам, кинематографические проекты и сериалы. Отдельно следует остановиться на определенном влиянии социальных сетей. Все вместе меняет установки молодых на перемещение, свою мобильность и многие другие факторы, как, например, создание семьи.

Вопрос о пространственных стратегиях молодежи может быть раскрыт через понимание того, как вырабатывается система критериев выбора стран для туризма, обучения или последующей работы, то есть, какими молодые люди видят предпочтительные социальные стратегии для своей личной биографии при неопределенности, нестабильности экономики и социальной политики. Сравнительный анализ мнений российской молодежи и студентов, приехавших учиться в Великобританию, позволит изучить, как глобальные вызовы преломляются в индивидуальном сознании молодого человека, чем похожи и чем различаются молодые люди, перемещающиеся по миру или остающиеся статичными в границах одной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. King R. Theorising new European youth mobilities. *Popul Space Place*. 2018;24:e2117. <https://doi.org/10.1002/psp.2117>.
2. Boswell C., & Geddes A. (2011). *Migration and mobility in the European Union*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
3. Trenz H.J., & Triandafyllidou A. (2017). Complex and dynamic integration processes in Europe: Intra EU mobility and international migration in times of recession. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(4), 546–559.
4. Williams A.M., Balogh V., & Wallace C. (2004). International labour mobility and uneven regional development in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 11(1), 27–46.
5. Engbersen G. (2012). Migration transitions in an era of liquid migration. In M. Okolski (Ed.), *European immigrations: Trends, structures and policy implications* (pp. 91–105). Amsterdam: Amsterdam University Press.
6. Engbersen G., & Snel E. (2013). Liquid migration: Dynamic and fluid patterns of post accession migration flows. In B. Glorius, I. Grabowska Lusinska, & A. Kuvik (Eds.), *Mobility in transition: Migration patterns after EU enlargement* (pp. 21–40). Amsterdam: Amsterdam University Press.

7. Lulle A., Morosanu L., & King R. (2018). And then came Brexit: Experiences and future plans of young EU migrants in the London region. *Population, Space and Place*, 24(1), e2122.
8. Lawrence W. (2017). Murphy's law. *The Observer Magazine* 12 March: 12–16.
9. Marcu S. (2017). Tears of time: A Lefebvrian rhythm analysis approach to explore the mobility experiences of young Eastern Europeans in Spain. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 42(3), 405–416.
10. Shubin S. (2015). Migration timespaces: A Heideggerian approach to understanding the mobile being of eastern Europeans in Scotland. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 40(3), 350–361.
11. Benson M., & O'Reilly K. (2009). Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration. *The Sociological Review*, 57(4), 608–625.
12. Ryan L., & Mulholland J. (2014). Trading places: French highly skilled migrants negotiating mobility and emplacement in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(4), 584–600.
13. Van Mol, C., & Ekamper P. (2016). Destination cities of European exchange students. *Geografisk Tidsskrift*, 116(1), 85–91.
14. Wills J., Datta K., Evans Y., Herbert J., May J., & McIlwaine C. (2010). *Global cities at work: New migrant division of labour*. London: Pluto Press
15. Vertovec S. (2009) *Transnationalism*. London: Routledge.
16. Beck U., & Beck Gernsheim, E. (2002). *Individualization*. London: Sage.

О РАЗРАБОТКЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «СИСТЕМА МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ УЧАСТИЯ ДЕТЕЙ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ИХ ИНТЕРЕСЫ»

Филипова Александра Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, Департамент социальных наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия). E-mail: Alexgen77@list.ru

Аннотация. Представлена программа магистерской подготовки кадров в области вовлечения детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы, и мониторинга и оценки этого вовлечения. Актуальность разработки и внедрения программы определяется разрывами между используемым в российских политико-правовых документах концептом «право детей на выражение своего мнения» и практиками реализации этого права.

Ключевые слова: участие детей, мониторинг, вопросы, затрагивающие интересы детей.

THE DEVELOPMENT OF A MASTER'S PROGRAMME ON MONITORING AND EVALUATION OF CHILDREN'S PARTICIPATION IN MATTERS AFFECTING THEIR INTERESTS

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). E-mail: Alexgen77@list.ru

Abstract. The program of master training in the field of involvement of children in the solution of the questions infringing on their interests and monitoring and assessment of this involvement is presented in the article. The relevance of development and deployment of the program is defined by gaps between the concept used in the Russian political and legal documents «the right of children to expression of the opinion» and practices of realization of this right.

Key words: children's participation, monitoring, questions infringing on the children's interests.

В России сложилась необходимая правовая основа для организации детского участия: ратифицирована Конвенция о правах ребенка (ст.12), принята Национальная стратегия действий в интересах детей (раздел VI «Дети – участники реализации Национальной стратегии»), произошло присоединение ряда российских городов к инициативе ЮНИСЕФ «Города, доброжелательные к детям». Однако трудности реализации детского участия связаны с неизученностью российского общественно-политического контекста, отсутствием комплексного подхода (объединяющего представления социологов, юристов, политологов, педагогов и др.) к интерпретации участия детей, а также неразработанностью форм и индикаторов детского участия, отсутствием общегосудар-

ственной концепции участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, и, наконец, отсутствием специалистов в данной области.

В 2018 г. А.Г. Филипова, Е.Ю. Костина (Дальневосточный федеральный университет) с коллегами из Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (С.А. Судьин), Тихоокеанского государственного университета (И.А. Гареева), Уральского государственного педагогического университета (Е.В. Прямикова) и Белгородского государственного университета (О.А. Волкова) приступили к разработке программы сетевой магистратуры «Система мониторинга и оценки участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы» в рамках реализации грантового проекта, финансируемого фондом Владимира Потанина [1].

Магистерская программа направлена на формирование у слушателей компетенций в области вовлечения детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы, а также мониторинга и оценки форм этого участия на уровне муниципалитетов.

Магистерская программа рассчитана на 2 года очной формы обучения и реализуется в режиме проведения четырех очных сессий с учебными занятиями по курсам продолжительностью 12–16 аудиторных часов в неделю. Магистерская программа включает четыре образовательных модуля: 1. Организационно-правовые и социально-этические основы участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. 2. Технологии вовлечения детей в решение вопросов местного сообщества. Детская социологическая служба. 3. Мониторинг участия детей в процессе принятия решений. 4. Оценка данных мониторинга детского участия.

Эмпирической базой курса являются кейсы мониторинга реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, соблюдения прав детей в разных сферах жизнедеятельности, участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Целевой аудиторией магистерской программы выступают бакалавры в области социальных и педагогических наук.

В таблице 1 представлено содержание обязательной части магистерской программы, а в таблице 2 – части, формируемой участниками образовательных отношений.

Таблица 1

Содержание обязательной части магистерской программы

Дисциплина	Количество часов	Форма контроля
Основы социологии детства	144	Зачет
Теория детского участия	144	Экзамен
Деловой иностранный язык	216	Зачет
Методология и методы исследования детского участия	144	Экзамен
Современные проблемы детства	144	Зачет
Проектный семинар	288	Зачет
Научно-исследовательская работа	288	Зачет

Часть, формируемая участниками образовательных отношений

Дисциплина	Количество часов	Форма контроля
Психолого-педагогические основы детского участия	108	Зачет
Этические основы детского участия	144	Зачет
Международное и российское законодательство в области детского участия	144	Экзамен
Модели детского участия в России и за рубежом	144	Экзамен
Технология мониторинговых исследований	144	Экзамен
Социальное проектирование и оценка эффективности социальных проектов и программ	144	Экзамен
Технологии вовлечения детей в решение вопросов местного сообщества	144	Зачет
Технологии вовлечения детей в решение школьных вопросов	144	Зачет
Технологии вовлечения детей в решение вопросов, связанных со здоровьем и здоровым образом жизни	144	Экзамен
Технологии вовлечения детей групп социальной эксклюзии в решение вопросов, затрагивающих их интересы	144	Экзамен
Мониторинг Национальной стратегии действий в интересах детей	108	Зачет
Мониторинг детского участия в России и за рубежом	108	Зачет
Основы многомерного статистического анализа данных мониторинга	144	Экзамен
Участие детей в оценке социальных программ: российские кейсы	144	Экзамен
Участие детей в оценке социальных программ за рубежом	144	Экзамен
Оценка социальных проектов и программ в сфере детства	144	Зачет
Основы визуализации данных мониторинга детского участия	144	Зачет

Для того, чтобы понимать детей и оценивать детское участие, нужно говорить с детьми на одном языке, узнавать их мнение по разным вопросам, вовлекать детей в принятие решений. Для этого нужны специалисты, которые по-новому бы воспринимали ребенка: не как объекта социализирующего воздействия взрослых, а как субъекта, активно преобразующего социальный мир вместе с взрослыми. Задачу подготовки таких специалистов призвана решить предлагаемая магистерская программа.

Реализация магистерской программы ориентирована также на продвижение идеи участвующих исследований в российскую практику. Участвующие исследования важны, поскольку дети не только располагают важной информацией о своем окружении, но также могут диагностировать источники проблем окружения и предложить способы их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Филипова А.Г., Костина Е.Ю. Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в российской практике: проблемы и перспективы // Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении Материалы вебинара. МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет; под общ. ред. А.И. Антонова. 2018. С. 164–168.

REFERENCES AND SOURCES

1. Filipova A.G., Kostina E.Yu. Uchastie detej v prinyatii reshenij, zatragivayushchih interesy, v rossijskoj praktike: problemy i perspektivy // Semejno-detnyj obraz zhizni v sociologicheskom izmerenii Materialy vebinara. MGU imeni M.V. Lomonosova, sociologicheskij fakul'tet; pod obshch. red. A.I. Antonova. 2018. S. 164–168.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Шаповалова Ирина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: ia.shapovalova51@yandex.ru

Аннотация. Представленная и подробно описанная дорожная карта студента отражает все этапы формирования и достижения социальных ожиданий. Анализируются объективные данные мониторинговых исследований качества студенческой жизни, что позволяет сформировать научно обоснованные представления об особенностях социального самочувствия студентов учреждений художественного образования.

Ключевые слова: абитуриент, студент, выпускник, социальные ожидания, социальное самочувствие, образовательная среда вуза, социализация личности, социологический опрос, психолого-педагогическая поддержка, адаптированность.

SOCIAL WELL-BEING AND SOCIAL EXPECTATIONS OF STUDENTS OF ART HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Shapovalova Irina Alexandrovna, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher of the Center of Social Demography of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: ia.shapovalova51@yandex.ru

Abstract. The presented and described in detail road map of the student reflects all stages of formation and achievement of social expectations. Objective data of monitoring researches of quality of student's life are analyzed that allows to form scientifically proved representations about features of social well-being of students of institutions of art education.

Key words: entrant, student, graduate, social expectations, social well-being, educational environment of the University, socialization, sociological survey, psychological and pedagogical support, adaptedness.

Социальные ожидания членов семьи абитуриентов и самого абитуриента, поступающего в вуз России, характеризуются традициями прогнозирования отдаленных во времени перспектив успешного завершения обучения, получения документа – диплома о высшем образовании. Социальные ожидания на ближайшее время связаны с зачислением выпускника в университет (институт, академию). Этим процессам предшествует сложный период выбора профессии и вуза. Актуальными становятся вопросы, какой вуз выбрать и почему? Второй вопрос становится более важным. Убедившись в наличии у вуза лицензионного разрешения государства на подготовку специалистов по избранной профессии, определенная часть выпускников анализирует свои реальные возможности быть зачисленным по результатам ЕГЭ, интересуется

репутационными характеристиками вуза, качеством его профессорско-преподавательского состава, развитостью внутренней инфраструктуры, богатством и разнообразием внешней образовательной среды [1]. Не последнюю роль в выборе учреждения играют его возможности в сферах социальной защиты субъектов образовательного процесса, предоставления дополнительных образовательных услуг, наличия ресурсов поддержки и развития культуры здоровья. Особое внимание абитуриенты обращают на связи вуза, необходимые для организации и осуществления производственной и иных практик, для решения в дальнейшем вопросов трудоустройства. Все вышеперечисленное соответствует содержательным характеристикам социальных ожиданий студенческой молодежи. От меры и степени удовлетворения таких потребностей зависит социальное самочувствие обучающихся в учреждениях высшего образования. Обратимся к анализу опыта учреждения высшего образования, стратегическое направление деятельности которого связано с ориентацией на реализацию социальных ожиданий студентов в целях укрепления и поддержки социального самочувствия студентов – Высшая школа народных искусств (академия).

На первом этапе вхождения в вуз абитуриент, получивший статус студента государственного учреждения высшего образования – Высшая школа народных искусств (академия), обеспечивается возможностями широкого доступа к информации об истории академии и перспективах ее развития. Привлекательность репутационных характеристик этого вуза очевидна. Созданная в 2004 г., Высшая школа народных искусств (институт) основывается на базе уникальных учреждений: Школы народных ремесел, открытой в Санкт-Петербурге в 1911 г. под покровительством императрицы Александры Федоровны, и Московской школы художественных ремесел (1938 г.). В 2017 г. вуз получил статус академии [2; 3].

Успешность адаптации студентов первого курса во многом достигается деятельностью вуза по включению будущих специалистов декоративно-прикладного искусства и народных промыслов в сферы взаимосвязанных направлений студенческой жизни: учебная деятельность, профессиональная деятельность, участие в студенческом самоуправлении, в работе научно-исследовательских объединений, в разнообразных социокультурных событиях [4].

Качество научного сопровождения профессионального образования и художественно-творческой деятельности вуза соответствует требованиям ФГОС ВО по направлению подготовки 54.03.02 Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы (в области художественной вышивки, художественного кружевоплетения, лаковой миниатюрной живописи, иконописи, декоративной росписи по металлу, косторезного и ювелирного искусства, художественной росписи ткани, богородской резьбы). Высокая плотность трудоемкой ручной работы в сочетании с требованиями производственных технологий проектирования и творческой реализации проектов в материале несет в себе риски возможных несостоявшихся социальных ожиданий студентов. В целях предупреждения разочарований в выборе профессии обу-

чающимся предлагаются своевременные консультации, дополнительное время для исправления недостатков или ошибок в изготовленных изделиях. Представители студенческого самоуправления (волонтеры) оказывают поддержку обучающимся с проблемами академических задолженностей, преподаватели подключаются к работе с такими студентами, выполняя функции тьюторов. Тем не менее, несостоявшиеся ожидания успешного обучения значительно снижают позитивный потенциал социального самочувствия и нередко становятся причинами неуспеваемости студента с последующим его отчислением из вуза.

Включенные в активную образовательную среду студенты последующих курсов учатся конструктивно воспринимать возможность возникновения проблем в различных жизненных ситуациях. Особую роль в формировании готовности решать проблемы, не совпадающие с социальными ожиданиями, играет мотивированная потребность творческой деятельности созидать в материале индивидуальное «свое» произведение традиционного прикладного искусства. Так, будущие ювелиры с оптимизмом выполняют сложные действия полировки, шлифовки, распиливания, чеканки в ожидании получения результата – броши, браслета, кулона, ожерелья и др. Об этом говорили будущие ювелиры З.Е., О.В., участвующие в диспуте «Плюсы и минусы в жизни ювелира», отстаивая свои позиции «настоящих ювелиров»: креативных, аккуратных, усидчивых, стрессоустойчивых, кропотливых, уравновешенных. Другие участники диспута рассказывали о недостатках и трудностях жизни ювелира: сидячая работа (сутулость), концентрация внимания на мелких деталях (риски для качества зрения). Однако большинство будущих ювелиров уверенно говорят о своих перспективах: «Есть возможность выразить себя»; «реальны перспективы трудоустройства»; «на рынке труда сложился высокий спрос на грамотных ювелиров, а я считаю себя таковым»; «работающие ювелиры имеют хорошую оплату труда».

Оптимизм видения жизненных перспектив по окончании вуза характерен для специалистов в области художественной вышивки, художественной росписи тканей. Их потрясающе красивые изделия успешно демонстрируются на выставках декоративно-прикладного искусства и народных промыслов в России (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Вологда, Нижний Новгород), в Европе (Италия, Испания, Франция, Германия, Финляндия, Словения, Голландия). Оценку состоявшихся или несостоявшихся социальных ожиданий, социального самочувствия студенты представляют в материалах, формирующих банк данных для мониторинга «Качество жизни студентов». Так, в анкетах, опросных листах (2018) обучающиеся оценили свое самочувствие на «отлично» – 26%, на «хорошо» – 54%, на «удовлетворительно» – 15%, на «неудовлетворительно» – 3%, не смогли оценить – 2%. В опросных листах отражено мнение о том, что городская суeta «мешает сосредоточиться», «наша академия должна бы находиться вдали от мегаполиса». Интересно мнение студентки о том, что «находясь среди молодежи на наших выставках, фестивалях, мастер-классах, дефиле, вижу много ребят, увлеченных традиционной культурой. Я ощущаю несказанную радость от то-

го, что так много моих сверстников, увлеченных традиционным укладом жизни русского народа» (М.Е., 2018 г.). «Мне бы хотелось, чтобы в нашей академии девушки знакомились с основами традиционного кроя, шитья, вязания, прядения, кулинарии, ведения домашнего хозяйства, что очень необходимо будущей жене и матери» (С.Г., 2018 г.). «Для молодых людей полезно создать возможности знакомиться с домостроительством, рукопашным боем, гончарным и кузнечным делом» (О.Ш., 2018 г.). «Рекомендую в академии предусмотреть изучение традиционного пения, ввести хореографию, основы семейных взаимоотношений, садоводство, огородничество, а также различные художественные дисциплины» (А.Ч., 2018 г.). «Хотелось бы принимать участие не только в выставках, фестивалях, круглых столах, но и в этнографических экспедициях» (М.Т., 2018 г.). «Важно, чтобы ребята могли в студенческие годы обрести свои семьи» (М.К., 2018 г.).

Многие студенты, размышляя о России – своей родине, пишут: «Хотела бы с группой выезжать в различные области и края России для общения со стариками, сохранившими в памяти песни, обряды, обычаи своих предков. Нам нужны походы в дальние уголки родины» (Б.Т., 2018 г.). «В нашей России невероятно красивая и разнообразная природа. Бережное отношение и любовь к родине стали неотъемлемой частью нашей студенческой жизни» (С.В., 2018 г.).

Объективность материалов мониторинга позволяет определить новые направления деятельности академии в целях укрепления психолого-педагогической поддержки позитивного социального самочувствия будущих специалистов народных промыслов. Анализ социологических опросов, проведенных в 2016–2018 гг., позволяет подтвердить выводы о том, что миссия академии воплощается в ее реальной деятельности, направленной на успешную адаптацию и социализацию студентов.

Социальная значимость профессиональной подготовки специалистов декоративно-прикладного искусства и народных промыслов Высшей школой народных искусств (академией) подтверждается и оценкой качества выпускных квалификационных работ 2018 г. Аргументируем эти выводы цитированием некоторых рецензий на выпускные квалификационные работы (ВКР) 2017–2018 гг.

О росписи шкатулки «Сказки туманного леса» в стилистике Московское письмо: «...Произведение масштабное не только по объему росписи, но и по замыслу. Художник решил задачу не просто декоративного оформления, но и создал художественный образ по мотивам мультфильма Юрия Норштейна «Ежик в тумане». Студент лично неоднократно встречался с мультипликатором, интересовался идеей и ее реализацией в мультфильме, собирал материал для ВКР. Художник был поглощен полностью творческой работой».

О ВКР платье, панно «Дыша духами и туманами»: «Источником вдохновения послужила поэзия А.А. Блока на тему Незнакомки, а также личностная влюбленность в Санкт-Петербург. Автором удачно применен принцип миниатюрного изображения Незнакомки в пейзажном клейме панно».

О ВКР кольцо «Волшебный сад»: «Изделие изящно по рисунку. Формы (например, ягодообразные бусины из коралла), орнамент, подбор материалов по цвету удачно создают образ яркого дерева облепихи».

ВКР «На аллее» – скульптурная композиция, богородская резьба: «Изображения типов городских жителей, сцен городской жизни являются традиционными темами произведений богородских художников-резчиков. Дипломант создал свое произведение в реалистической манере сегодняшней жизни, ярко и мощно продемонстрировал глубокое проникновение в традиции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Максимович В.Ф. Возрождаем традиционное прикладное искусство России ... и очень успешно! / Ректор вуза. 2011. №10. С. 22–28.
2. Бутов А.Ю., Салтанова Ю.С., Шаповалова И.А. Профессиональное образование в области традиционных художественных промыслов / Электронный журнал ДПИиО. 2018. №2.
3. Шаповалова И.А. Творческая деятельность студентов в условиях учреждения художественного образования // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. 2017. №2 (63). С. 166–168.
4. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Коллективная монография // Под. ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н. проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. 600 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Maksimovich V.F. Vozrozhdaem tradicionnoe prikladnoe iskusstvo Rossii ... i ochen' uspesno! / Rektor vuza. 2011. №10. S. 22–28.
2. Butov A.YU., Saltanova YU.S., SHapovalova I.A. Professional'noe obrazovanie v oblasti tradicionnyh hudozhestvennyh promyslov / Elektronnyj zhurnal DPliO. 2018. №2.
3. SHapovalova I.A. Tvorcheskaya deyatel'nost' studentov v usloviyah uchrezhdeniya hudozhestvennogo obrazovaniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2017. №2 (63). S. 166–168.
4. Rossijskaya molodezh': social'no-demograficheskij portret i sistema cennostej v kontekste mnogonacional'noj osnovy rossijskogo gosudarstva / Kollektivnaya monografiya // Pod. red. chl.-korr. RAN, d.e.n., prof. S.V. Ryazanceva i d.soc.n. prof. T.K. Rostovskoj. M.: ITD «Perspektiva», 2017. 600 s.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ КУРСАНТОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: shpilev72@mail.ru

Алексеев Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия). E-mail: alekseev_sa52@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются результаты контент-анализа эссе курсантов Нижегородской академии МВД России о профессии полицейского, перечисляются и анализируются основные положительные и отрицательные стороны профессии полицейского в России и за рубежом.

Ключевые слова: полиция, полицейский, профессия, преступление, курсант, подготовка, обучение.

PROFESSIONAL EXPECTATIONS OF CADETS OF THE NIZHNY NOVGOROD ACADEMY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian). E-mail: shpilev72@mail.ru

Sergey A. Alekseev, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminology, The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian). E-mail: alekseev_sa52@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of a content analysis of an essay by cadets of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the police profession, lists and analyzes the main positive and negative aspects of the police profession in Russia and abroad.

Key words: police, police officer, profession, crime, student, training.

Курсантам Нижегородской академии МВД России было предложено написать эссе на тему «Что значит быть полицейским в современном мире». Работу выполнили 58 курсантов (28 юношей и 30 девушек), обучающихся на II–IV курсах. Возраст респондентов составил, соответственно, от 19 до 22 лет. Проведенный контент-анализ эссе выявил следующие основные сюжеты, упоминаемые курсантами: функции и задачи полицейского в современной России; соотношение профессии полицейского с другими профессиями; ста-

тус полицейского в других странах; оценка действующей системы подготовки полицейского; изображение полиции в кинофильмах и литературных произведениях.

Следует отметить, что в первую очередь респонденты описали функции полиции и задачи, возложенные на нее обществом, в частности, защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности. Курсанты считают, что работу сотрудника полиции нельзя сравнивать с работой в офисе или торговом центре, поскольку она предполагает большую ответственность и является опасной, так как связана с задержанием правонарушителей. Поэтому полицейский – это призвание, дело всей жизни, это особенная профессия, не соотносимая ни с одной другой. Курсанты уверены, что профессию полицейского выбирают сильные духом и телом люди. Таким образом, современный сотрудник полиции должен быть умным, сообразительным, честным, справедливым, хорошо физически подготовленным. Так как сложность и общественная опасность совершаемых преступлений постоянно возрастает, полицейский должен быть грамотным и надежным профессионалом. При этом вне зависимости от пола и курса обучения большинство респондентов уверены в том, что в современных условиях успешная работа полиции невозможна без поддержки общества, сотрудники нуждаются в обеспечении хорошего контакта полиции с гражданами, в новых, эффективных методах взаимодействия населения и органов внутренних дел. В свою очередь, для граждан полиция – это орган, представляющий государство и действующий от его имени на всей территории страны. Связано это с тем, что без полицейских сегодня не проходит ни одно крупное общественное мероприятие. Курсанты понимают, что в отличие от пожарных, военных и спасателей полицейские чаще взаимодействуют с людьми, чаще сталкиваются с непониманием и недоверием со стороны граждан, которые из-за ошибки или непорядочности одного сотрудника начинают осуждать всю полицию в целом.

Стоит отметить, что курсанты осознают как положительные, так и отрицательные стороны своей будущей профессии. В качестве положительных сторон респонденты выделяют престижность профессии, стабильность трудоустройства, льготы, предоставляемые сотруднику ОВД, перспективы служебного роста, ранний выход на пенсию, медицинское обслуживание, бесплатные путевки, а также новую красивую и функциональную летнюю и зимнюю форму. Респонденты считают, что доверие в современной России к сотрудникам правоохранительных органов намного выше, чем к бывшей милиции, что делает эту профессию еще престижней.

В качестве негативных сторон профессии полицейского курсанты называют профессиональные трудности, которые приходится претерпевать сотруднику полиции, высокий уровень стрессовой нагрузки не только на работе, но и дома, в семье, ненормированный рабочий день, опасность службы («было бы здорово, если бы каждый полицейский имел право носить с собой оружие в нерабочее время, так как в России участились случаи убийств сотрудников полиции»), невысокий уровень оплаты труда.

Большинство респондентов не обошли вниманием анализ престижности профессии полицейского в других странах. Респонденты уверены, что полицейские в других странах – это весьма уважаемые люди, имеющие солидную профессию. А вот опасность профессии полицейского зависит от экономического уровня государства, поскольку в более бедных странах уровень преступности выше, нежели в странах с развитой экономикой. При этом курсанты уверены, что у полицейских в других странах больше прав и полномочий, нет жестоких наказаний за применение физической силы или оружия, полицейские, в целом, чувствуют себя более защищенными, и у них выше жалование.

Что касается оценки качества подготовки полицейских в России, то курсанты считают существующую систему подготовки сотрудников ОВД достаточно эффективной, но не идеальной. Респонденты предлагают внести в программу обучения следующие изменения: наряду с огневой подготовкой в тире подробно разбирать различные ситуации применения огнестрельного оружия; увеличить количество часов психологической разгрузки; более подробно изучать основания, запреты и ограничения применения специальных средств и физической силы; больше внимания уделять общей физической подготовке полицейских и изучению боевых приемов борьбы; увеличить количество времени на самостоятельную подготовку, а также количество практических занятий; необходимо готовить кадры с более широким кругозором.

Отметим, что респондентов беспокоит образ полиции, созданный отечественными литераторами и кинематографистами. В частности, курсанты отмечают, что в советских фильмах и литературных произведениях милиционеров показывали с положительной стороны, они обладали большими полномочиями, их все боялись и уважали. «Милиционер в советские годы был честным и доблестным». В настоящее время, по мнению курсантов, сложились две тенденции изображения полицейского. С одной стороны, представители данной профессии «изображаются аккуратно», в кино создается положительный образ сотрудника полиции, во многих произведениях сотрудника полиции описывают как героя или просто человека, добросовестно выполняющего свою работу.

С другой стороны, респонденты отмечают, что «есть и те произведения, где сотрудников полиции высмеивают», «показывают не в лучшем качестве». Складывается стереотип, что сотрудники полиции – это люди, берущие взятки, общающиеся с бандитами и получающие от этого выгоду. Полицейские «могут посадить невиновного человека в тюрьму или подставить его (подкинув ему сверток белого вещества, содержащее в себе наркотическое средство)». Курсанты отмечают, что, «глядя на это, все люди перестают доверять полиции», «такие фильмы нужно как можно реже показывать по нашим телеканалам». Кроме того, как считают респонденты, большое распространение получили сериалы, в которых сотрудники полиции являются «оборотнями в погонах», которые погрязли в коррупции и преступности. Работа полиции освещается с негативной стороны: сотрудники нарушают нормы закона, берут взятки, ведут разгульный образ жизни.

Кроме того, большинство респондентов считают, что в современных фильмах деятельность полицейского и его внешний облик не соответствуют действительности. «В кинофильмах множество сцен, в которых полицейские действуют с нарушением закона, а также многочисленные сцены экономических преступлений и коррупции со стороны защитников правопорядка. Эти кинофильмы подрывают отношение к полиции граждан и престиж профессии!» «Сейчас в фильмах в основном показывают полицейских в определенном юмористическом формате, немногие режиссеры, на данный момент, показывают полицейских должным образом». «Выставляют полицию цирком, а сотрудников клоунами». «Соответственно, граждане при просмотре фильмов должны помнить, что это всего лишь выдумка, и полиция в кино сильно отличается от реальности». «Люди, посмотревшись фильмов, думают, что за час можно раскрыть убийство или найти угнанную машину, нажав две клавиши на ПК. Но фильм – на то он и фильм, чтобы смотреть, и получать удовольствие». «Люди верят в сказку, что в полиции служить легко и смешно».

Курсанты отмечают, что полиция в кино действует не по российским законам, а по законам фильма. «С целью пропаганды полиция в кино должна быть победителем при любом раскладе. Ведь от образа полицейского, который сложится в голове у человека с ранних лет, будет зависеть отношение к ОВД в целом. Поэтому при просмотре фильмов у зрителей должен формироваться положительный образ сотрудника».

В заключение необходимо отметить, что курсанты, в целом, положительно относятся к своей будущей профессии, гордятся ею, однако, являясь реалистами, прекрасно осознают трудности, с которыми им придется столкнуться. При оценке учебного процесса подавляющее большинство респондентов высказались за увеличение часов по прикладным видам занятий. Достаточно объективно оценивают курсанты и современные литературные и кинематографические произведения о полиции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	11
 Раздел I.	
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	13
<i>Бекер Г.</i> Возможности и перспективы социальной работы на при- мере немецкого консультационного пункта для групп самопомощи	15
<i>Габальдон-Эстебан Д.</i> Молодежь с социологической точки зре- ния: международные тенденции и индикаторы.....	18
<i>Гневашева В.А.</i> Современная молодежь в институциональном пространстве вуза.....	27
<i>Добрынина В.И.</i> Человеческий потенциал России: тенденции и перспективы.....	31
<i>Егорычев А.М.</i> Социальная среда человека как фактор его развития....	37
<i>Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новожене- на О.П.</i> Российская молодежь о тревогах, государстве и гражданском обществе.....	41
<i>Мардахаев Л.В.</i> Социокультурная среда профессионального ста- новления студента.....	46
<i>Наберушкина Э.К.</i> Урбанистическое благополучие: отражение возраста и болезней в инфраструктуре города	50
<i>Романовская В.Б.</i> Религиозно-правовое образование как фактор стабилизации межэтнических отношений в молодежной среде.....	54
<i>Скобелина Н.А.</i> Технологии формирования доступной среды для лиц с ОВЗ в Волгоградском регионе	59
<i>Стегний В.Н.</i> Молодежь в новом социальном пространстве и со- циальном времени.....	63
<i>Фирсов М.В.</i> Социальное геронтологическое образование.....	67
<i>Шашуров С.Е.</i> Пенсионная реформа: предпосылки и внедрение изменений в пенсионное законодательство	71
 Раздел II.	
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И НА- ПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ	75
<i>Аникеева О.А.</i> Социальная адаптация людей предпенсионного возраста в условиях повышения пенсионного возраста: риски, противो- речия и пути выхода	77
<i>Биюшкина Н.И.</i> Правовое регулирование сферы образования в русском и советском государстве: основные тенденции.....	81

Воронин Г.Л., Крамер А.Д. Влияние инвалидности на социальное положение индивида: по результатам RLMS-HSE 2003–2017 гг.	84
Максимова М.Н., Мишаринова Э.А. Проблемы трудоустройства молодых инвалидов	90
Петрова И.Э. Религиозные организации в пространстве социальной работы: направления, ресурсы и барьеры профессионализации.....	95
Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Об актуализации образовательного потенциала специалиста по работе с молодежью: системный подход	101
Солдаткин А.Е., Юко Н. Планирование местного развития в малых городах: направления развития и ограничивающие факторы.....	111
Судьин С.А., Сучков Ю.А. Социальная работа в пространстве психиатрии: перспективы применения и структурные ограничения.....	116
Толвайшис Л.Л. Профессионализация работы с молодежью в Сербии в контексте динамики социальной среды.....	121
Хорст Б. Состояние и перспективы финансирования помощи зависимым	125

Раздел III.

СЕМЕЙНАЯ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ	131
Абелькалнс И., Голубева А., Клемпере-Сипягина А. Деятельность спортивного педагога в центре свободного времени для детей и молодежи в Латвийской Республике.....	133
Акутина С.П. Современная студенческая семья в многомерном пространстве общества: ценностный аспект.....	138
Варызгина А.А., Сэтра А.-М., Гранберг Л. Малообеспеченные семьи с детьми: сети взаимной поддержки	142
Григорьева И.А., Квасова О.С. Конфликты, появившиеся после начала пенсионной реформы	147
Гуляев С.Б. Трансформация института российской семьи и оценка результативности семейной политики.....	153
Калиев Т.Б. Опыт Казахстана в реализации молодежной политики на примере молодежных ресурсных центров	161
Карповская Е.Е. К вопросу о социально-экономическом потенциале молодой семьи	166
Мохамед Э. Молодежная политика в Египте	171
Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты.....	177
Широкалова Г.С. Чемпионат мира по футболу: что осталось в памяти	185

Раздел IV.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ	191
<i>Акрамов Ш.Ю., Акрамов Ф.Ш., Гафурова Ш.Ш.</i> Семьи мигрантов Таджикистана в России	193
<i>Бурева Н.Н., Колосова В.В.</i> Мотивационная готовность к управленческой деятельности (на примере группы кадрового резерва руководящего состава ВУЗа)	200
<i>Винокурова У.А., Местникова А.Е.</i> Межвузовский социально-образовательный проект «Образование + Культура»	204
<i>Добрынин В.В., Борисова О.Н.</i> Современная молодежь и новые образовательные траектории высшей школы	208
<i>Диас Б., Леонова И.С.</i> Женщины, иммиграция и предпринимательство в Испании	213
<i>Карцева Л.В.</i> Учащаяся молодежь России в процессе профессионального выбора.....	218
<i>Куриленко Л.В., Вандышева Л.В.</i> Полилоговая система профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы в контексте ФГОС ВО 3++	222
<i>Моисеева Е.М.</i> Запрет ООН на найм северокорейских рабочих: социально-экономические и политические последствия для РФ и КНДР.....	226
<i>Очирова Г.Н.</i> Образовательная миграция в Байкальском регионе: проблемный аспект	231
<i>Печурина А.В., Шаталина В.В., Ивашиненко Н.Н.</i> Пространственная мобильность молодежи.....	236
<i>Филипова А.Г.</i> О разработке магистерской программы «Система мониторинга и оценки участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы»	240
<i>Шановалова И.А.</i> Социальное самочувствие и социальные ожидания студентов художественных вузов.....	244
<i>Шпилев Д.А., Алексеев С.А.</i> Профессиональные ожидания курсантов Нижегородской академии МВД России.....	249

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 5

**СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Подписано в печать 26.06.2019 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,0. Заказ 3085. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru